

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY - FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2023

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **КНЯЗЕВ Сергей Владимирович**, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Bакkès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irene Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Джосеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2023
© «Вестник Московского университета», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Князев М.Ю., Рудалева Е.А.</i> Экспериментальное исследование влияния регистра на оформление сентенциального актанта в русском языке	9
<i>Кузьминова Е.А., Чан Юйкай.</i> Московская Библия 1663 г.: формирование принципов книжной справки	24
<i>Калужнина Н.В.</i> О семантике слова <i>зракъ</i> в церковнославянских текстах	37
<i>Князев С.В., Дьяченко С.В.</i> Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 1. Селигеро-Торжковские говоры	50
<i>Шатин В.Ю.</i> Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII века	71
<i>Миляева И.Н.</i> Образование и распространение суффикса <i>-ett-</i> в итальянском простом перфекте: теории и реальность	79
<i>Чернейко Л.О.</i> Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса. Часть II	89
<i>Ивинский Д.П.</i> Из комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: посвящение, П.А. Плетнев и «пушкинский круг»	99
<i>Семенов В.Б.</i> “What is þer in paradis”: символика деталей рая земного и полеты над ним в поэме XIV века <i>The Land of Cokaugne</i>	117
<i>Соколова Е.В.</i> «Австрийский писатель» в тексте В.Г. Зебальда: о некоторых особенностях художественного стиля	128
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Филистер в немецкой литературе: Гёте и романтики	142

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ЧИСЛА И ОБРАЗЫ

<i>Тухто М.Е.</i> Андрей Белый и математика: неопубликованные заметки писателя	150
<i>Линьлин Чжан.</i> Математика как организующее начало системы персонажей в романе Андрея Белого «Петербург»	168

Кузнецова Е.В. Мотивы живописи А. Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого 180

РЕЦЕНЗИИ

Шевелёва М.Н. Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян: коллективная монография / Под ред. Е.А. Кузьминовой. Москва: Макс Пресс, 2022 195

Солнцева Н.М. Рец. на кн.: *Полякова Л.В.* Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022 200

ХРОНИКА

Красных В.В. Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации» 206

Трахтенберг Л.А. Юбилей «Чеховского вестника» 212

Липгарт А.А. Ломоносовские чтения-2022 на филологическом факультете Московского университета 216

ПАМЯТИ

Попова И.Ю. «Так краток отмеренный срок»: памяти Альберта Викторовича Карельского 229

Шешкен А.Г. Заметка к 100-летию Е.З. Цыбенко 234

CONTENTS

ARTICLES

- Knyazev M., Rudaleva E.* Experimental Study of the Influence of Register Formality on the Preferred Realization of the Complement Clause in Russian 9
- Kuzminova E.A., Yukai C.* Moscow Bible of 1663: Formation of the Principles of the Book Correction 24
- Kaluzhnina N.V.* About the Semantics of the Word *зракъ* in Church Slavonic Texts 37
- Knyazev S.V., Dyachenko S.V.* Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan’je. Part I: Seliger-Torzhek Dialect 50
- Shatin V.* Vocalism of the First Prestressed Syllable after Palatalized Consonants in 17th Century Kostroma Dialects 71
- Milyaeva I.N.* Formation and Diffusion of the Suffix -ett- in Italian Perfect (Passato Renoto): Theories and Reality 79
- Cherneyko L.* Reader’s Perception in Literature Studies: Towards the History and Theory of the Question. Part 2 89
- Ivinskiy D.* From a Commentary to *Eugene Onegin* by A.S. Pushkin. Dedication, P.A. Pletnev and ‘Pushkin Circle’ 99
- Semyonov V.* “What is per in paradis”: Symbolism of the Details of Earthly Paradise and Flights over It in the Poem of the 14th Century *The Land of Cokaygne* 117
- Sokolova E.V.* “Austrian Writer” in the Text of W.G. Sebald: On Some Features of His Prose Style 128
- Chavchanidze J.* Philistine in German Literature: Goethe and the Romantics 142

ANDREY BELY: NUMBERS AND IMAGES

- Tukhto M.Ye.* Art and Maths: Unpublished Notes by Andrej Belyj 150
- Linlin Zhang.* Mathematics as an Organising Principle of the System of Characters in A. Bely’s Novel *Petersburg* 168

<i>Kuznetsova E.V.</i> Arnold Böcklin’s Pictorial Motifs in the Works of Ivan Bunin and Andrey Bely	180
---	-----

REVIEWS

<i>Sheveleva M.N.</i> Ostrog Bible and the Development of the Slavic Biblical Tradition: Collective Monograph / Ed. by E.A. Kuzminova. Moscow: MAKS Press, 2022	195
<i>Solntseva N.</i> Review on Book: Polyakova L.V. E.I. Zamyatin’s Prose: His Quests of an Artist. Tambov: Publishing House “Derzhavinsky”, 2022	200

EVENTS

<i>Krasnykh V.</i> International Scientific Conference <i>Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations</i>	206
<i>Trakhtenberg L.</i> The Jubilee of <i>The Chekhov Herald</i>	212
<i>Lipgart A.</i> The 2022 Lomonosov Readings at Moscow University’s Faculty of Philology	216

IN MEMORIAM

<i>Popova I.Yu.</i> “So Brief is the Predestined Term”: In Memory of Albert Viktorovich Karelsky	229
<i>Sheshken A.G.</i> Elena Tsybenko (1923–2011)	234

СТАТЬИ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕГИСТРА НА ОФОРМЛЕНИЕ СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.Ю. Князев

*Институт лингвистических исследований РАН;
Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург; Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Россия; misha.knjazev@gmail.com*

Е.А. Рудалева

*Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия; rudaleva.e@gmail.com*

Аннотация: В русском языке сентенциальный актант при ряде предикатов имеет вариативное оформление в зависимости от наличия или отсутствия соотнесенного с ним местоимения *то* (ср. *радоваться, что Вася придет* и *радоваться тому, что Вася придет*). В качестве факторов, влияющих на выбор конструкции с *то* или без *то*, в литературе предлагалась предикатная лексема, а также информационная структура предложения. В данной работе исследуется фактор формальности регистра (типа дискурса). Выдвигается гипотеза, согласно которой вариант с *то*, как более эксплицитный, тяготеет к более формальным регистрам. Эффект формальности ранее исследовался на корпусном материале, но получил лишь частичное подтверждение. В данной работе гипотеза проверяется в эксперименте на принудительный выбор путем сравнения газетного и разговорного регистров. В эксперименте проверялись 18 предикатов с факультативным *то*, с каждым из которых было составлено по одному предложению на каждый регистр. Также проверялся фактор предпочтения предикатом одной из конструкций в корпусе (на основе «коллокационного анализа» и относительной частотности). Был обнаружен эффект лексического предпочтения (частотности), а также эффект формальности регистра, который заключается в том, что в газетном регистре вероятность выбора варианта с *то* значимо выше, чем в разговорном, в соответствии с исходной гипотезой. При этом эффект регистра не зависит от лексического предпочтения. Следует отметить, однако, что регистр оказывает небольшое влияние на выбор конструкции по сравнению с лексическими предпочтениями предикатов и индивидуальными предпочтениями носителей.

Ключевые слова: русский язык; сентенциальные актанты; конкуренция конструкций; регистр; эксперименты

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Для цитирования: Князев М.Ю., Рудалева Е.А. Экспериментальное исследование влияния регистра на оформление сентенциального актанта в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 9–23.

EXPERIMENTAL STUDY OF THE INFLUENCE OF REGISTER FORMALITY ON THE PREFERRED REALIZATION OF THE COMPLEMENT CLAUSE IN RUSSIAN

Mikhail Knyazev

*Institute for Linguistic Studies RAS; HSE University, St. Petersburg;
Lomonosov Moscow State University; Russia; misha.knyazev@gmail.com*

Ekaterina Rudaleva

ITMO University; Russia; rudaleva.e@gmail.com

Abstract: In Russian, sentential complements (*that*-clauses) are optionally preceded by the demonstrative *to* ‘that’ (sometimes called ‘correlative’), with the required case marking or preposition selected by the verb. Several factors have been suggested in the literature as influencing the choice of the construction with *to*, including the matrix predicate as well as information structure. This work investigates the influence of register formality on the preferred realization of the complement. It is hypothesized that the construction with *to*, being the more explicit variant, is associated with more formal registers. This hypothesis has been previously tested on the basis of corpus data and received limited support. Here it is tested in a (two-alternative) forced-choice experiment where the register (news vs. spoken) is manipulated within items and subjects. 18 alternating predicates were tested, with two matched pairs of sentences with the contrasted registers constructed for each predicate. In addition, the experiment tested the influence of lexical biases, as measured by the ‘collostructional analysis’ or by relative frequency of the alternating constructions in the corpus. The results showed a reliable effect of lexical biases, as well as a much weaker but significant effect of formality suggesting that in the news register the construction with *to* is preferred more often compared to the spoken register, in line with the experimental hypothesis, whereas register did not interact with the lexical bias. Interestingly, a substantial amount of variation in the results was due to lexical biases as well as individual speaker preferences for one or the other construction.

Key words: Russian; clausal complements; constructional variation; register; experiments

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation 22-18-00037, granted to Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

For citation: Knyazev M., Rudaleva E. (2023) Experimental Study of the Influence of Register Formality on the Preferred Realization of the Complement Clause in Russian. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 9–23.

Введение

В русском языке наблюдается вариативность в выражении сен-тенциального актанга (СА), связанная с наличием или отсутствием соотнесенного с ним местоимения *то* (в требуемом падеже и с требуемым предлогом). Так, например, СА при глаголе *радоваться* может вводиться как непосредственно придаточным *со что*, так и при помощи местоимения *то* (в дативе), без явных семантических различий между двумя конструкциями, как показано в примерах (1a)–(1б) из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

- (1) а. А Сашкина мать **радовалась, что** он наконец-то остепенился. [Анна Сапегина. Галатея // «Сибирские огни», 2012]
- б. Она уже не сердилась, а я **радовался тому, что** все же сумел кое-что узнать: [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)]

Конкуренция конструкций в (1) ограничена определенными лексико-синтаксическими контекстами. Например, в [Кобозева 2013] предикаты делятся на три класса по признаку обязательности / невозможности / факультативности *то* перед придаточным при предикате (в данном значении). Так, при *начинаться* (с чего-л.) и *состоять* (в чем-л.) возможен только СА с *то, что*, тогда как при *считать* и *воображать* (в значении ложного восприятия) возможен только СА *со что*, по крайней мере в стандартных вариантах русского языка [Коротаяев 2016]. Другие ограничения, связанные в том числе с синтаксической позицией СА, обсуждаются, например, в [Knyazev 2016].

Как и в других случаях конкуренции, ожидается, что выбор СА не случаен и зависит от различных факторов. Одним из факторов является предикатная лексема. Так, предикаты с факультативным *то* могут быть разделены на те, что чаще употребляются с *то* и без *то* [Кобозева 2013; Князев, Рудалева 2019] (см. также Таблицу 1 ниже). Другим фактором является коммуникативный статус СА в качестве «данной» или «контрастивно выделенной» информации [Кобозева 2013]¹.

---

¹ По [Кобозева 2013], выбор конструкции с *то* возможен только для СА со статусом данного (в дискурсе).

Данная работа посвящена влиянию **регистра** на выбор СА. Под «регистром» понимается тип дискурса в зависимости от конкретной речевой ситуации и коммуникативных намерений говорящего, характеризуемый специфическими лексико-грамматическими признаками [Biber, Conrad 2009: 6]². Важнейшим параметром классификации регистров является степень **формальности**, связанная с типом отношений между говорящим и адресатом (наличием социальной дистанции и т. п.) [Кибрик 2009]. Другим важным параметром является (устный или письменный) модус. На шкале формальности обычно выделяют два полюса в виде (письменного) научного регистра как наиболее формального и регистра разговорной речи как наименее формального, тогда как газетный и художественный регистр занимают промежуточное положение, при этом художественный оказывается ближе к разговорному [Biber et al. 1999: 6].

Влияние регистра на выбор СА отмечалось для различных альтернатив. Например, опущение комплементаризера *that* в английском языке (ср. *I said [Ø I bought them yesterday]*) характерно для разговорной речи и почти не встречается в научном регистре [Biber et al. 1999: 680]. Другим примером является опущение маркера инфинитива *to* при глаголе *help*, также более характерное для неформального регистра [Levshina 2018]. Оба эти примера объединяет следующая тенденция: **к более формальному регистру тяготеет вариант с более эксплицитным грамматическим маркированием** [Rohdenburg 1996].

В случаях вариативного оформления СА в (1) вариант с *to* может рассматриваться как более эксплицитный исходя из того, что в нем маркируется модель управления матричного предиката. Соответственно, можно ожидать, что при прочих равных условиях выбор СА с *to* будет чаще наблюдаться в более формальных регистрах, как сформулировано в (2).

(2) Предпочтение СА с *to, что* (по сравнению с СА со *что*) выше в более формальных регистрах.

Гипотеза в (2) выдвигалась другими авторами [Земская 1987: 146; Максимов 2011: 112], однако, насколько нам известно, систематически не проверялась, за исключением работы [Князев, Рудалева 2019], где она исследовалась на корпусном материале на выборке из 26 альтернирующих глаголов. Авторы обнаружили значимые различия в доле СА с *to* между учебно-научными (40%), публицистическими (23%) и художественными (13%) текстами Основного подкорпуса

² В отечественной традиции с понятием регистра соотносится «функциональный стиль», близкое, но не тождественное понятие [Кибрик 2009].

НКРЯ, которые в целом согласуются с гипотезой в (2)³. Между тем в разговорном регистре доля СА с *то* (26%) оказалась выше, чем в публицистических и художественных текстах, вопреки ожиданиям. Таким образом, эффект регистра подтвердился лишь частично.

В [Князев, Рудалева 2019] также проверялось, зависит ли влияние регистра от предпочтения глаголом одной из конструкций в корпусе. Предпочтение измерялось на основе коллокационного анализа [Gries, Stefanowitsch 2004], в рамках которого глаголы были поделены на три класса «притяжения» (притяжение к *что*, к *то*, *что* и без притяжения) в зависимости от того, с какой конструкцией глагол встречается значимо чаще, чем остальные глаголы в выборке. Эффект формальности был обнаружен для всех трех классов, однако классы немного различались между собой, указывая на возможное взаимодействие регистра с лексическим предпочтением.

Следует отметить, что в обсуждаемом исследовании не полностью контролировался фактор лексемы, а также не контролировался фактор индивидуальных предпочтений носителей (авторов). В результате обнаруженный эффект регистра теоретически мог возникнуть за счет неравномерного распределения глаголов (с разными лексическими предпочтениями) между регистрами, и аналогично для носителей⁴.

Целью настоящей работы была проверка гипотезы в (2) в эксперименте на принудительный выбор при контроле факторов лексемы и носителя. Также дополнительно проверялось, варьируется ли эффект регистра в зависимости от лексического предпочтения глагола.

Гипотеза, дизайн и материалы

Для проверки эффекта формальности использовалось противопоставление газетного и разговорного регистров. Было использовано 18 альтернирующих глаголов трех классов притяжения из выборки [Князев, Рудалева 2019], которые приведены в Таблице 1 с

³ Хотя публицистические тексты не полностью соответствуют газетному регистру, по степени формальности они также находятся между научным и художественным регистрами, поэтому в контексте гипотезы в (2) различие между публицистическими и газетными текстами можно считать несущественным.

⁴ Авторы благодарны М.Я. Дымарскому за это замечание. Данные [Князев, Рудалева 2019] были дополнительно проанализированы на предмет влияния регистра на **отдельные глаголы**. Эффект формальности был обнаружен лишь для части глаголов, при этом ни один глагол не показал эффект, противоречащий гипотезе в (2).

указанием доли *то, что* от общего числа употреблений глагола с обеими конструкциями^{5,6}.

Таблица 1

Глаголы, использованные в эксперименте, с классом притяжения и относительной частотностью *то, что* (по данным [Князев, Рудалева 2019])

Класс притяжения	Глагол	Н <i>то, что</i>	Н всего (<i>что + то, что</i>)
притяжение к <i>что</i>	<i>надеяться (на что-л.)</i>	373 (3 %)	11314
	<i>признаться (в чем-л.)</i>	157 (4 %)	3737
	<i>жалеть (о чем-л.)</i>	185 (8 %)	2192
	<i>жаловаться (на что-л.)</i>	263 (13 %)	2045
	<i>рассчитывать (на что-л.)</i>	346 (19 %)	1847
	<i>сомневаться (в чем-л.)</i>	815 (21 %)	3974
без притяжения	<i>обидеться (на что-л.)</i>	49 (20%)	245
	<i>извиниться (за что-л.)</i>	47 (20%)	239
	<i>радоваться (чему-л.)</i>	475 (21%)	2294
	<i>хвастаться (чем-л.)</i>	57 (21 %)	278
	<i>дождаться (чего-л.)</i>	24 (27 %)	90
	<i>расстраиваться (из-за чего-л.)</i>	14 (28 %)	50
притяжение к <i>то, что</i>	<i>возмущаться (чем-л.)</i>	108 (47 %)	229
	<i>привыкнуть (к чему-л.)</i>	503 (43 %)	1171
	<i>намекать (на что-л.)</i>	201 (29 %)	693
	<i>настаивать (на чем-л.)</i>	607 (58 %)	1039
	<i>добиться (чего-л.)</i>	398 (76 %)	526
	<i>гордиться (чем-л.)</i>	1037 (69 %)	1499

С каждым глаголом было составлено по предложению на регистр, как в (3) (см. полный список примеров в Приложении).

- (3) а. По их собственным заявлениям, присяжные заседатели **надеются** (на то), что вынесение оправдательного приговора по этому делу создаст небывалый прецедент.

[ГАЗЕТНЫЙ]

- б. Но ты же так **надеялась** (на то), что он примет это предложение.

[РАЗГОВОРНЫЙ]

⁵ В результате анализа выяснилось, что из-за технической ошибки в [Князев, Рудалева 2019] для *намекать* было внесено неверное число употреблений *то, что* в публицистическом регистре (349 вместо 79). В Таблице 1 приводятся исправленные данные. Это исправление не поменяло классификацию глаголов.

⁶ Глаголы отбирались по принципу максимальной стилистической нейтральности с учетом требования равного числа глаголов каждом классе.

Таким образом, регистр варьировался внутри глагола, что позволяет проконтролировать фактор лексики. На разговорный регистр должны были указывать дискурсивные слова (*же, ведь, ну*) и местоимения 1-го и 2-го лица, а на газетный — стилистически окрашенная лексика. Также предложения газетного и разговорного регистра различались по содержанию⁷. Принадлежность к регистру проверялась в отдельном эксперименте (см. ниже). 36 экспериментальных предложений были распределены между двумя группами участников методом «латинского квадрата», так, чтобы каждый участник видел каждый глагол только в одном из регистров и видел равное число глаголов в каждом регистре.

Также было использовано 18 филлеров с предикатами, для которых одна из конструкций запрещена или маргинальна (кроме одного примера с альтернирующим предикатом *злиться*), как в (4)⁸. Для неприемлемого варианта с *то, что* использовалась ненормативная конструкция *о том, что* [Гловинская 2000]. В каждой из групп было примерно равное число предложений на регистр.

- (4) а. Позиция большинства **состояла** *(в том), что поддержка со стороны государства должна быть неотъемлемой частью создания бизнес-проекта.
б. Еще вчера я почему-то была **убеждена** (??о том), что этот экзамен будет очень сложным.

Филлеры были включены, чтобы побудить участников использовать обе конструкции, а также отсеять участников, невнимательно выполняющих задание (или владеющих нестандартным вариантом русского языка).

Эксперимент на определение регистра

Проверялось 36 экспериментальных предложений газетного и разговорного регистра, как в (3), а также 18 предложений научного регистра с теми же глаголами (которые в итоге не вошли в основной эксперимент)⁹. Каждое из 54 предложений было представлено в двух вариантах, со *что* и с *то, что*. Полученные 108 предложений были распределены методом латинского квадрата между шестью группами. Участникам предлагалось определить регистр, выбрав один из

⁷ Предложения разговорного регистра могут встретиться в газетном тексте в виде цитаты, и наоборот. Таким образом, под принадлежностью к регистру следует понимать соответствие его типичным признакам, а не потенциальную встречаемость в нем.

⁸ Полный список филлеров приводится в дополнительных материалах к статье, доступных по ссылке: <https://osf.io/926tq/>.

⁹ Предложения научного регистра приводятся в дополнительных материалах (см. предыдущее примечание).

трех вариантов: «научная работа / монография», «публицистическая статья / новостное сообщение», «устная повседневная речь». Мы также просили участников оценить степень соответствия предложения выбранному регистру по 7-балльной шкале исходя из предположения, что наличие *то* может понижать степень соответствия разговорному регистру¹⁰. Эксперимент проводился в письменном виде и был пройден 48 участниками.

Результаты показали, что регистр опознавался в среднем в 76–83 % и 84–88 % случаев для газетного и разговорного регистров, но только в 52–53 % случаев для научного регистра, который в 35–41 % был принят за газетный¹¹. Из-за слабой опознаваемости научного регистра он не был включен в основной эксперимент. Степень соответствия регистру, вопреки ожиданиям, не зависела от типа СА.

Процедура и участники

Участникам предлагалось заполнить пропуски в предложениях, выбрав вариант, более естественно звучащий в данной ситуации, как показано в (5).

- (5) Но ты же так _____ он примет это предложение.
- надеялась на то, что
  - надеялась, что

Эксперимент был размещен на платформе Google Forms. Ссылка на него распространялась через социальные сети. Эксперимент прошло 108 участников (из них 72 % были 18–24 лет и 73 % женского пола).

Результаты

В Таблице 2 приведены результаты для филлеров. Как можно видеть, участники в целом успешно справились с заданием. Результаты 34 участников, выбравших запрещенную конструкцию в одном и более филлерах, не рассматривались, поскольку такие участники могли невнимательно выполнять задания или быть носителями нестандартного варианта.

В Таблице 3 приведен средний процент ответов с *то, что* для каждого из регистров. В обоих случаях вариант с *то* был предпочтительный, при этом, как и ожидалось в соответствии с гипотезой

---

¹⁰ Задание на оценку иллюстрировалось вариантами одного и того же предложения научного регистра, которое содержало специально отмеченные слова и выражения, не совсем уместные в научном тексте.

¹¹ Этот результат предположительно объясняется тем, что научный регистр не имеет специфических маркеров, которые бы не могли также встретиться в газетном регистре.

в (2), в газетном регистре СА с *то* выбирался чаще (77 % против 70 % для разговорного регистра). (Результаты по отдельным примерам приводятся в Приложении.)

Таблица 2

Таблица 3

Средний процент (с доверительным интервалом) ответов с *то, что* в зависимости от типа филлера

Средний процент (с доверительным интервалом) ответов с *то, что* в зависимости от типа регистра

Тип филлера	% <i>то, что</i>	Тип регистра	% <i>то, что</i>
<i>что</i> /* <i>то, что</i>	25 (22–28)	газетный	77 (74–80)
<i>то, что</i> /* <i>что</i>	92 (92–94)	разговорный	70 (66–73)

Для статистической проверки использовалась логистическая регрессия со смешанными эффектами с предпочитаемым типом СА (1 — *то, что*; 0 — *что*) в качестве зависимой переменной. Анализ был сделан в программе R с помощью пакета lmerTest (значимость оценивалась с помощью функцииanova). Модель с регистром в качестве фиксированного эффекта и примером, испытуемым и углом наклона для регистра по испытуемым в качестве случайных эффектов (отражающие, соответственно, различия в предпочтении *то, что* между носителями и глаголами и различия в эффекте регистра между носителями) показала значимый эффект регистра ($p < 0.01$), такой, что в газетном регистре вероятность выбора *то, что* повышается по сравнению с разговорным регистром с отношением шансов (odds ratio, OR) 1.59¹².

Анализ с учетом лексических предпочтений

Для проверки влияния лексического предпочтения в модель был включен класс притяжения (с притяжением к *что* в качестве базового уровня). Модель (с теми же случайными эффектами, что и предыдущая) показала эффект регистра ($p = 0.01$, OR = 1.59), а также эффект класса притяжения ($p = 0.03$), в соответствии с которым для глаголов с притяжением к *то, что* и для глаголов без притяжения конструкция с *то, что* выбиралась чаще, чем для глаголов с притяжением к *что* ($p = 0.01$, OR = 3.26; $p = 0.01$, OR = 3.16)¹³. Иначе говоря, предпочтения глаголов в эксперименте отражали предпочте-

¹² При включении в модель случайного угла наклона по примерам (отражающего различия в эффекте регистра между глаголами/парами примеров) регистр незначим ($p = 0.13$). Однако этот эффект не улучшает качество модели ($p = 0.16$), в отличие от случайного угла по испытуемым ($p = 0.04$), поэтому мы считаем возможным не включать его в модель. (Случайные эффекты носителя и примеры значимы ($p < 0.001$).)

¹³ При включении случайного угла наклона по примерам модель не сошлась.

ния глаголов в корпусе. Включение взаимодействия регистра и класса притяжения не улучшило качество модели ($p = 0.17$). Таким образом, эффект регистра не зависел от лексических предпочтений.

Модель с **количественным** предиктором лексического предпочтения на основе относительной частотности *то, что* в корпусе вместо класса притяжения (см. Таблицу 1), а также со случайными эффектами примера и испытуемого и случайным углом наклона по примерам показала эффект регистра ($p = 0.02$) и эффект частотности ($p = 0.001$). При этом взаимодействие не повлияло на качество модели ($p = 0.29$)¹⁴. Можно заключить, что эффект регистра наблюдается в том числе при контроле лексических предпочтений глаголов и не зависит от этих предпочтений.

В Таблице 4 приводится процент объясненной вариативности для фиксированных эффектов ($\text{Marginal } R^2$) и для модели в целом с учетом случайных эффектов ($\text{Conditional } R^2$) (по результатам функции `tab_model` из пакета `sjPlot`)¹⁵. Как можно видеть, регистр объясняет лишь 1 % вариативности, что уступает лексическому предпочтению, объясняющему 6–9 % вариативности (для класса притяжения и относительной частотности, соответственно). При этом большая часть объясненной вариативности приходится на случайные эффекты примера (глагола) и испытуемого. Иначе говоря, выбор СА в значительной мере объясняется свойствами конкретных лексем (за вычетом лексических предпочтений в корпусе) и индивидуальными предпочтениями носителей (в том числе в зависимости от типа регистра).

Таблица 4

Процент объясненной вариативности в зависимости от статистической модели

Статистическая модель (фиксированные эффекты)	Marginal R^2	Conditional R^2
регистр	1 %	37 %
регистр + класс притяжения	7 %	36 %
регистр + относительная частотность	10 %	37 %

¹⁴ Модель со случайным углом наклона по испытуемым не сошла (при включении взаимодействия). Модель без взаимодействия со случайным углом по испытуемым показала эффект регистра ($p = 0.01$) и эффект частотности ($p = 0.001$). В аналогичной модели со случайным углом по испытуемым и по примерам регистр маргинально значим ($p = 0.054$), однако на качество модели влияет только угол наклона по испытуемым ($p = 0.048$), но не по примерам ($p = 0.28$).

¹⁵ Для единообразия приводятся данные модели с относительной частотностью и случайным углом наклона по испытуемым (см. предыдущее примечание); данные моделей с углом наклона по примерам очень схожи.

Обсуждение и заключение

Эксперимент показал, что в газетном регистре вероятность выбора СА с *то, что* повышается по сравнению с разговорным регистром. Таким образом, гипотеза в (2) получила подтверждение. Вместе с тем, регистр оказывает **слабое** влияние на выбор СА, что согласуется с выводами [Князев, Рудалева 2019]. В частности, он уступает лексическим предпочтениям глаголов (по корпусу), а также индивидуальным особенностям конкретных глаголов и носителей. Также не было обнаружено различий во влиянии регистра в зависимости от лексических предпочтений.

Эти выводы, однако, следует воспринимать с осторожностью. Так, в эксперименте не контролировался фактор значения лексемы, тогда как для некоторых глаголов, например, для *дождаться* и *возмутиться* можно говорить о разных значениях, которые теоретически могут коррелировать с выбором СА¹⁶. Также использовалось только по одному предложению на комбинацию регистра и глагола, при этом, помимо выбора лексемы, другие свойства примеров, в том числе структурные и прагматические (см. выше обсуждение фактора информационной структуры в [Кобозева 2013]), не контролировались^{17,18}. Эти факторы вариативности желательно учесть в дальнейших исследованиях регистра (как корпусных, так и экспериментальных).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гловинская М.Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 2000. С. 237–302.
2. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
3. *Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
4. *Князев М.Ю.* Экспериментальное исследование влияния синтаксической сложности на оформление придаточного в русском языке // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / Под ред. Т.В. Черниговской). СПб., 2022. С. 227–248.
5. *Князев М.Ю., Рудалева Е.А.* Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 37(2). С. 150–186.

¹⁶ Авторы благодарны за замечание Н.В. Сердобольской.

¹⁷ Предложения газетного регистра в среднем длиннее и имеют более сложную структуру, однако влияние синтаксической сложности на выбор СА остается под вопросом [Князев 2022].

¹⁸ Отметим, что эффект регистра был обнаружен не для всех 18 пар предложений (см. Приложение), что предположительно объясняется действием сторонних факторов, однако обсуждение конкретных примеров остается за рамками данной статьи.

6. Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // *Du mot au texte. Études slavo-romanes.* / Éd. O. Inkova. Bern, 2013. С. 129–148.
7. Коротаев Н.А. Союз *то что* в устной русской речи // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* 2016. № XII (1). P. 101–106.
8. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). Ставрополь-Пятигорск, 2011.
9. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., Quirk R. *Longman grammar of spoken and written English.* London, 1999.
10. Biber D., Conrad S. *Register, genre, and style.* Cambridge, 2009.
11. Gries S.Th., Stefanowitsch A. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'alternations'. *International Journal of Corpus Linguistics.* 2004. № 9(1). P. 97–129.
12. Knyazev M. Licensing clausal complements: the case of *čto*-clauses. Ph.D. diss, Utrecht University. 2016.
13. Levshina N. Probabilistic grammar and constructional predictability: Bayesian generalized additive models of *help + (to) Infinitive* in varieties of web-based English. *Glossa: a journal of general linguistics.* № 3 (1). P. 1–22.
14. Rohdenburg G. Cognitive complexity and increased grammatical explicitness in English. *Cognitive Linguistics.* 1996. № 7 (2). P. 149–182.

REFERENCES

1. Biber D., Conrad S. *Register, genre, and style.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009. xvi, 406 p.
2. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., Quirk R. *Longman grammar of spoken and written English.* London: Longman, 1999. xxviii, 1204 p.
3. Glovinskaya M.Ya. Aktivnyye processy v grammatike (na materiale innovacij i massovyx jazykovyx osibok) [Active processes in the grammar (on the basis of innovations and widespread language errors)]. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995)*, ed. E.A. Zemskaya. Moscow: Yazyki ruskoj kul'tury Publ, 2000, pp. 237–302. (In Russ.)
4. Gries S.Th., Stefanowitsch A. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'alternations'. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2004, 9 (1), pp. 97–129.
5. Kibrik A.A. Modus, žanr i drugie parametry klassifikacii diskursov. [Modus, genre and other parameters for the classification of discourses]. *Voprosy jazykoznanija*, 2009, 2, pp. 3–21.
6. Knyazev M. Licensing clausal complements: the case of *čto*-clauses. Ph.D. diss. Utrecht University. 2016.
7. Knyazev M. Ėksperimental'noe issledovanie vlijanija sintaksičeskoj složnosti na oformlenie pridatočnogo v russskom jazyke. [An experimental study of the effect of syntactic complexity on the realization of sentential complements in Russian]. *XLIX Meždunarodnaja naučnaja filologičeskaja konferencija, posvjaščennaja pamjati Ljudmily Alekseevny Verbickoj (1936–2019). Izbrannye doklady*, ed. T.V. Černigovskaja. St. Petersburg: *Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ*, 2022, pp. 227–248.
8. Knyazev M., Rudaleva E. Korpusnoe issledovanie vlijanija registra na vybor sposoba oformlenija sentencijal'nogo aktanta v russskom jazyke [Register as a predictor of the complement clause type in Russian: a corpus study]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshčenii*, 2019, 37 (2), pp. 150–186.

9. Kobozeva I.M. Usloviya upotreblenija «to» pered pridatočnym iz’jasnitel’nym s-
juzom «čto» [Conditions for the use of “to” before explicative clauses with the subor-
dinate conjunction “čto”]. *Du mot au texte. Études slavo-romanes*, ed. O. Inkova.
Bern: Peter Lang, 2013, pp. 129–148.
10. Korotaev N.A. Sojuz *to čto* v ustnoj russkoj reči [The conjunction *to čto* in spoken
Russian]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, 7 (1), pp. 101–106.
11. Levshina N. Probabilistic grammar and constructional predictability: Bayesian
generalized additive models of *help* + (to) Infinitive in varieties of web-based English.
Glossa: a journal of general linguistics, 2018, 3(1), pp. 1–22.
12. Maksimov L.Yu. *Mnogomernaya klassifikatsiya složnopodčinnennyx predloženij (na
materiale sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka)* [A multidimensional
classification of hypotactic sentences: A case study of Modern Standard Russian].
Stavropol; Pjatigorsk: Stavropol State Univ. Publ., 2011. 680 p.
13. Rohdenburg G. Cognitive complexity and increased grammatical explicitness in
English. *Cognitive Linguistics*, 1996, 7 (2), pp. 149–182.
14. Zemskaya E.A. *Russkaya razgovornaya reč’: lingvističeskii analiz i problemy obučeniya*.
[Colloquial Russian: Linguistic analysis and learning problems]. Moscow: Russkij
jazyk, 1987. 240 p.

Поступила в редакцию 10.09.2022;
принята к публикации 22.11.2022;
отредактирована 17.12.2022

Received 10.09.2022;
accepted 22.11.2022;
revised 17.12.2022

ОБ АВТОРАХ

Михаил Юрьевич Князев — PhD по лингвистике, научный сотрудник ИЛИ
РАН; старший преподаватель Департамента филологии НИУ ВШЭ, Санкт-
Петербург; программист 1-й категории Научно-исследовательского вычисли-
тельного центра МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: misha.knjazev@gmail.com)
Екатерина Андреевна Рудалева — бакалавр филологии, магистрант программы
«Речевые информационные системы», Научно-исследовательский университет
ИТМО (e-mail: rudaleva.e@gmail.com)

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Knyazev — PhD, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sci-
ences; Department of Philology, HSE University, St. Petersburg; Research Comput-
ing Center, Lomonosov Moscow State University (e-mail: misha.knjazev@gmail.
com)
Ekaterina Rudaleva — BA in Philology, MA student in Speech Technologies and
Machine Learning, ITMO University (e-mail: rudaleva.e@gmail.com)

Экспериментальные предложения
(со средним процентом ответов с *то, что*)

а — разговорный регистр, *б* — газетный регистр

1. а. Она ужасно **гордится** (тем), что живет сейчас в самом центре города. (88 %)
б. Став скандальным кинорежиссером, теперь он **гордится** (тем), что с самого начала карьеры его работы были признаны в массах. (76 %)
2. а. Ты не поверишь, но она **добилась**, что стала авторитетом для детей. (98 %)
б. По последним сообщениям, участники протеста **добились** (того), что их требования были приняты властью. (100 %)
3. а. Это странно, но он зачем-то **настаивал** (на том), что мы должны оставить отзыв. (95 %)
б. Во время последнего слушания дела обвинение **настаивало** (на том), что операции по подделке купюр были произведены еще задолго до нынешнего инцидента. (91 %)
4. а. Я все время **намекала** маме (на то), что хочу больше личного пространства. (48 %)
б. Глава компании постоянно **намекал** (на то), что у подчиненной не хватает профессиональной подготовки и ее участие в работе коллектива минимально. (73 %)
5. а. Но все уже как-то **привыкли** (к тому), что у нас сначала одно, а потом совершенно другое. (73 %)
б. Судя по комментариям представителей развлекательного центра, все давно **привыкли** (к тому), что принятие интересов посетителей не является основным принципом в расширении бизнеса. (70 %)
6. а. Всю дорогу домой она **возмущалась** (тем), что дома ужасно шумно и невозможно работать. (48 %)
б. Некоторые делегаты неоднократно **возмущались** (тем), что не имели возможности ознакомиться с полным перечнем поправок перед тем, как принять участие в процедуре одобрения нового закона. (75 %)
7. а. Он наверняка **признается** (в том), что тогда сделал ошибку. (54 %)
б. В одном из интервью артист **признался** (в том), что уже около десяти лет его основным источником дохода является туристический бизнес. (61 %)
8. а. Но ты же так **надеялась** (на то), что он примет это предложение. (34 %)
б. По их собственным заявлениям, присяжные заседатели **надеются** (на то), что вынесение оправдательного приговора по этому делу создаст небывалый прецедент. (55 %)
9. а. Я все-таки немного **жалею** (о том), что мы не познакомились раньше. (66 %)

- б. Сотрудники правоохранительных органов, вероятно, до сих пор **жалеют** (о том), что не дали тогда никакой информации, которая бы позволила прояснить столь загадочное дело об убийстве. (64 %)
10. а. Так ты же сама **жалуешься** (на то), что не получаешь достаточно денег на этой работе. (70 %)
- б. Уже в 2015 году представители известной американской марки **жаловались** (на то), что число потребителей на рынке продовольственных товаров резко сокращается. (73 %)
11. а. Вообще-то я **рассчитывала** на то, что где-нибудь разденусь и поэтому и надела этот свитер. (73 %)
- б. По данным журнала Forbes, руководство **рассчитывает** (на то), что введение ежемесячной платной подписки с интернет-пользователей будет приносить компании около 1 млрд. рублей. (68 %)
12. а. Я очень **сомневаюсь** (в том), что ты знаешь, через что ей пришлось пройти. (61 %)
- б. По словам журналистки, специалисты **сомневаются** (в том), что экономические проблемы будут решены путем интеграции в мировой рынок. (68 %)
13. а. Она так **радуется** (тому), что хоть кто-то может ей помочь. (66 %)
- б. В интернет-пространстве родители **радуются** (тому), что к 2020 году число школьных образовательных учреждений увеличится вдвое. (79 %)
14. а. Он даже не **извинился** (за то), что вообще забыл о моем празднике. (90 %)
- б. На заседании представители партии **извинились** (за то), что новое издание программы содержит большое количество фактических ошибок и неточностей. (94 %)
15. а. А многие ведь **обиделись** (на то), что во время выступлений никто даже не заинтересовался их темой. (68 %)
- б. Как сообщают организаторы опроса, многие участники **обиделись** (на то), что их выставили в неприглядном свете, опубликовав эти данные на сайте. (91 %)
16. а. Он вечно **хвастается** (тем), что все хотят его видеть и мечтают с ним общаться. (64 %)
- б. Еще в конце прошлого года промышленный магнат **хвастался** (тем), что он находится в числе самых богатых и влиятельных людей планеты. (80 %)
17. а. Ну наконец-то мы **дождались** (того), что нашу работу в кои-то веки нормально оценили. (73 %)
- б. По словам одного из очевидцев, они сами **дождались** (того), что конфликт между двумя сторонами был урегулирован путем применения особых принудительных мер. (96 %)
18. а. Честно говоря, я немного **расстраиваюсь** (из-за того), что он не захотел продолжать общение. (85 %)
- б. Подавляющее большинство опрошенных **расстраиваются** (из-за того), что профессиональные успехи для них не являются достаточно хорошим социальным лифтом. (78 %)

МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ 1663 Г.: ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ КНИЖНОЙ СПРАВЫ

Е.А.Кузьмина, Чан Юйкай

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Россия;
elenk2002@mail.ru; chang.yukai2015@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье прослеживается процесс формирования лингвистических принципов, которыми руководствовались справщики Московского печатного двора при подготовке к изданию Московской («Первопечатной») Библии 1663 г. на основе текста Острожской Библии 1581 г. Освещаются результаты сопоставительного анализа орфографических и грамматических исправлений, внесенных ими в Псалтырь и Четвероевангелие, с одной стороны, и в Книгу Бытия, с другой. Установлено, что степень императивности исправлений, внесенных в язык Книги Бытия, с которой с высокой степенью вероятности и могла быть начата работа над библейским сводом, оказалась существенно ниже, чем в псалтырном и евангельском тексте. Факультативный характер в Книге Бытия носили исправления форм дат. и вин. п. мн. ч. действительных причастий; противоречивостью и непоследовательностью отличалась правка в сфере функционирования буквы «зело», диграфа **оу** и лигатуры **Ѡ, ѡ** восьмеричного и **ї** десятеричного; не было реализовано орфографическое расподобление на основе принципа антистиха лексических омонимов *язык* ‘часть тела, речь’ (γλώσσα) — *язык* ‘народ, племя’ (ἔθνος). Это свидетельствует о несформированности принципов справы по отношению к указанным языковым элементам в самом начале работы над Московской Библией. Показателем того, что библейская справа проходила в несколько этапов, а ее критерии вырабатывались и утверждались непосредственно в ходе подготовки библейского кодекса к изданию, является и наличие в Книге Бытия грамматических исправлений, вынесенных в глоссы (правка аориста на перфект в позиции 2 л. ед. ч.), т. е. асинхронных по отношению к исправлениям, результаты которых отражены в основном корпусе текста.

Ключевые слова: книжная справа; история славянской библейской традиции; церковнославянский язык; орфографическая норма; грамматическая норма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-24-36

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00224 «Московская Библия 1663 г. и ее культурно-лингвистический контекст».

Для цитирования: Кузьмина Е.А., Чан Юйкай. Московская Библия 1663 г.: Формирование принципов книжной справки // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 24–36.

MOSCOW BIBLE OF 1663: FORMATION OF THE PRINCIPLES OF THE BOOK CORRECTION

E.A. Kuzminova, Chang Yukai

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
lenk2002@mail.ru; chang.yukai2015@yandex.ru*

Abstract: This article traces the forming process of the linguistic principles of Moscow Printing Yard editors, which guided them in preparing the publication of the Moscow (“First printed”) Bible of 1663 on the basis of the text of the Ostrog Bible of 1581. Results of the comparative analysis of spelling and grammatical corrections in the Psalter, the Four Gospels and in the Book of Genesis are presented. It was found out that the degree of imperative corrections made to the language of the Book of Genesis turned out to be significantly lower than in the Psalter and Gospel texts. Optional corrections of the plural dative and accusative cases of valid participle in the Book of Genesis are observed, contradictive and inconsistent corrections in functions of the letter *zelo*, digraph *oy* and ligature *ŷ*, *и*-octal and *ї*-decimal take place. Spelling matching of lexical homonyms *язык* as ‘body part, speech’ (*γλώσσα*) and as ‘people, tribe’ (*ἔθνος*) was not implemented based on the principle of *antistich*. It indicates the defects of correction work in relation to these linguistic elements at the very beginning of work on the Moscow Bible. An indicator that the Biblical work took place in several stages, and its criteria were developed and approved directly during the preparation of the Biblical codex for publication, is the presence of grammatical corrections in the Book of Genesis made in glosses (correction of the aorist to the perfect on second person singular), i.e. asynchronous with respect to corrections, the results which are reflected in the main body of the text.

Key words: book correction; history of the Slavic Biblical tradition; church Slavonic language; orthographic norm; grammatical norm

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No 20-012-00224 “The Moscow Bible of 1663 and its cultural and linguistic context”.

For citation: Kuzminova E.A., Yukai C. (2023) Moscow Bible of 1663: Formation of the Principles of the Book Correction. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 24–36.

В настоящее время следует считать доказанным, что Московская («Первопечатная») Библия 1663 г. (далее МБ) не является, как утверждалось ранее [Астафьев 1889: 71; Чистович 1899: 13–14; Евсеев 1911: 19; Евсеев 1916: 112; Алексеев 1990: 73; Алексеев 1999: 216;

Цуркан 2001: 217; Пичхадзе 2002 и др.] «перепечаткой», «переизданием» Острожской Библии 1581 г. (далее — ОБ). Проведенное нами исследование лингвистических параметров Псалтыри и Евангелий в составе МБ и ОБ позволило установить, что филологическая работа редакторов МБ — группы справщиков Московского печатного двора Арсения Суханова, Захария Афанасьева, Иосифа Белого, Арсения Грека, Александра Печерского под руководством Епифания Славинецкого — не сводилась к воспроизведению текста-источника ОБ, а представляла собой последовательную, систематическую и целенаправленную книжную справку, источником грамматического регулирования которой служила Грамматика 1648 г. — второе, дополненное и переработанное издание грамматики Мелетия Смотрицкого (далее ГМ) [Кузьминова 2017; Кузьминова 2020; Кузьминова 2021; Кузьминова, Чан 2021; Чан 2021; Чан 2022].

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что по сравнению с новозаветными книгами справа Псалтыри охватывала больший набор грамматических позиций: редакторы МБ признали « пороками » псалтырного текста в составе ОБ и подвергли правке формы и конструкции, которые в Четвероевангелии они оставили без изменений [Кузьминова 2020; Чан 2021]. Так, например, в Псалтыри никоновские справщики полностью избавились от формы вин. п. мн.ч. указательного местоимения, омонимичной форме род. п. мн.ч. *и́хъ*, заменив ее формой *ѡ* (*смѣти и́хъ* → *ѡ* [Пс. 17:14], *оу̀пасѣтъ и́хъ* → *ѡ* [Пс. 48:14], *напои и́хъ* → *ѡ* [Пс. 77:15], *и́зведе и́хъ* → *ѡ* [Пс. 104:37], *възненавидѣ́хъ и́хъ* → *ѡ* [Пс. 138:22]), тогда как в Евангелиях эта форма была сохранена, ср.: *оу̀чаше и́хъ* → *оу̀чаше и́хъ* [Мк. 4:2], *ѡбръ́те и́хъ* → *ѡбръ́те и́хъ* [Мк. 14:40], *и́згонитъ и́хъ* → *и́хъ* [Ин. 10:3], *соблюди́ и́хъ* → *и́хъ* [Ин. 17:11], *въпроси́ и́хъ* → *и́хъ* [Ин. 18:7].

Факторы, определившие расхождения в объеме справки в Псалтыри и Четвероевангелии, еще требуют дальнейшего изучения. Однако сам факт их наличия диктует необходимость исследования направлений справки других библейских книг в составе МБ. Это позволит проследить процесс становления лингвистических принципов редакторов МБ, которыми они руководствовались в ходе работы над библейским кодексом в целом. В этом отношении особый интерес представляет Книга Бытия как первая в составе библейского свода. Гипотетически именно с нее могла быть начата книжная справка при подготовке издания МБ, в ходе которой формировались и утверждались основные критерии работы московской библейской комиссии.

Действительно, анализ справки Книги Бытия, проведенный на основе сплошной выборки материала из ее первых 24 глав в ОБ

(л. 1–11) и МБ (л. 1–8 об.), показал, что степень императивности исправлений, внесенных московскими редакторами как на орфографическом, так и на грамматическом уровне, оказалась существенно ниже, чем в псалтырном и евангельском тексте.

Так, например, в грамматической позиции вин. п. мн. ч. м. и ж. р. членных действительных причастий и прилагательных с исходом на мягкий согласный представленная в ОБ флексия **-аа/-аа** во всех без исключениях случаях в соответствии с предписаниями ГМ заменяется в Псалтыри и Евангелиях МБ флексией **-ѣа/-ѣа**: **погубѣши вса глѣущаа лжѣ** → **глѣущыа** [Пс. 5:6], **Разрѣши ѣзыкы хотѣаа** → **хотѣщыа** [Пс. 67:30], **поманѣ дни дрѣвнаа** → **дрѣвѣа** [Пс. 142:5], **исцѣли многы злѣ страждѣщаа различными недѣгы** → **страждѣщыа** [Мк. 1:34], **начаша на Одрѣхъ приносить волѣаа** → **волѣщыа** [Мк. 6:55], **идемъ в ближнаа вѣси** → **ближѣа** [Мк. 1:38]; **Обрѣте в цркви продающаа овца и вола, и голуби, и пѣнажники сѣдѣаа** → **продающыа, сѣдѣщыа** [Ин. 2:14], **Нѣщаа вб всегда имате с собою** → **Нѣщыа** [Ин. 12:8].

В Книге Бытия эта правка осуществляется лишь в двух формах: **и бавлю влѣщаа тѣ** → **влѣщыа** [Быт. 12:2], **и съсѣкоша кнѣа амалически, и аморреа живѣщаа въ аса ѡ амарѣ** → **живѣщыа** [Быт. 14:7], в остальных же воспроизводится исходная флексия текста-источника: **и кленѣщаа тѣ прокленѣ** → **кленѣщаа** [Быт. 12:3], **и преврати грады <...> и вса живѣщаа въ градѣхъ** → **живѣщаа** [Быт. 19:25].

Последовательную реализацию в ходе справки псалтырного и евангельского текста получает предписание ГМ использовать во флексии дат. п. мн. ч. действительных причастий букву **ы** (**-ыи**) с целью снятия грамматической омонимии с формой твор. п. ед. ч. м. и с.р., где пишется **и** (**-ии**): «Творѣте^а, единстве^н, на, и. да-телныи, мн. ожественныи, на, **ы**» (ГМ л. 265 об.): **бѣиущимъ // бѣиущыи**, **бѣвшимъ // бѣвшимъ** (л. 264–264 об., 266). В этих библейских книгах исправления **-и** → **-ы** в причастных формах дат. п. мн. ч. являются строго императивными (ср. **въздахъ въздающимъ мнѣ сла** → **воздающимъ** [Пс. 7:4], **Нѣ ревнѣи лѣкѣвнѣущи^а** → **лѣкѣвнѣущыи^м** [Пс. 36:1], **причастникъ азъ есмь всѣмъ волѣи^мса тебе, и хранѣи^м заповѣди твоа** → **волѣи^мса ... хранѣи^мъ** [Пс. 118:63], **дасть и сѣи^м с нимъ** → **сѣи^мъ** [Мк. 2:26], **оучницы же прѣщахъ приносѣи^м** → **приносѣи^мъ** [Мк. 10:13], **възвѣсти с нимъ бѣвшимъ** → **бѣвшимъ** [Мк 16:10], **Область чадомъ вѣи^м быти, вѣрѣи^м въ имѣ его** → **вѣрѣи^мъ** [Ин. 1:12], **продающимъ голубы рече** → **продающимъ** [Ин. 2:16], **подастъ оучникомъ, оучницы же възлежѣи^м** → **возлежѣи^мъ** [Ин. 6:11], **к вѣровавшимъ** → **вѣровавшимъ** [Ин. 8:31]), в отличие от Книги

Бытия, где правка и → **ы** засвидетельствована только в двух примерах: **та мѣи всѣмъ живѹщимъ** → **живѹщимъ** [Быт. 3:20], и **всѣмъ приходѹщимъ въ гра рече** → **приходѹщимъ** [Быт. 23:10], тогда как в других чтениях флексии дат. п. мн. ч. оставлены без изменений с и, ср. **сѣи блѣше ѿ цѣ живѹщи въ селенихъ скотопитѣтельныхъ** → **живѹщимъ** [Быт. 4:20], **слышающимъ словомъ хетѣевоомъ** → **слышающимъ** [Быт. 23:10].

Наряду с рассмотренными грамматическими омонимами (твор. п. ед. ч. м. и с. р. // дат. п. мн. ч. действительных причастий) не были вовлечены в сферу действия принципа антистиха в Книге Бытия МБ и лексические омонимы **язык** ‘часть тела, речь’ (*греч.* γλῶσσα) // **язык** ‘народ, племя’ (*греч.* ἔθνος). Их расподобление на орфографическом уровне посредством оппозиции **ѡ** — **ѡ** было кодифицировано в ГМ, где **ѡ** предписывалось использовать в слове со значением ‘часть тела, речь’ **ѡзыкъ**: «**ѡ, пишется <...> ѡ в началѣ токму въ единомъ ѡ именѣ, и дѣ же глется оудъ тѣлесныи, ѡзыкъ; ѡзыкомъ воспоудѣла твоѡ и ѡзыкъ мой поучитѣса правдѣ твоѣй** [Пс. 34:28]», **ѡ** — в слове со значением ‘народ’ **ѡзыкъ**: «**ѡзыци ѡкрѣстнии** [Иер. 25:9]» (ГМ л. 55–55 об.). Установленное в ГМ различие омонимов **ѡзыкъ** ‘часть тела, речь’ // **ѡзыкъ** ‘народ’ было воплощено в правке, внесенной редакторами МБ в Псалтырь и Евангелия. Никоновские справщики (1) заменяют **ѡ** на **ѡ** в слове со значением ‘часть тела, речь’: (1) **вложи прѣсты своѡ въ оуши его, и плюнувъ, косну его въ ѡзыкъ** → **ѡзыкъ** [Мк. 7:33], и **дѣе разврѣзота са слѹха его, и разрѣши са юза ѡзыка его** → **ѡзыка** [Мк. 7:35], **взрадоваса ѡзыкъ мой** → **ѡзыкъ** [Пс. 15:9], **Глаша на ма ѡзыкомъ льстивымъ** → **ѡзыкомъ** [Пс. 108:2]; (2) вносят обратную правку **ѡ** → **ѡ** в слове со значением ‘народ’: **гѣ разарѣтъ совѣты ѡзыкомъ** → **ѡзыкѡвъ** [Пс. 32:10], **Исповѣса тебѣ в людехъ гѣи, пою тебѣ въ ѡзыцѣхъ** → **ѡзыцѣхъ** [Пс. 107:3], **приндѣтъ римляне, и възмѣтъ мѣсто и ѡзыкъ нашъ** → **ѡзыкъ** [Ин. 11:48]; (3) сохраняют при этом написание **ѡ** в слове со значением ‘народ’: **вси ѡзыцы възплецѣте рѣками** → **ѡзыцы** [Пс. 46:1], **вси ѡзыци сѡбыдоша ма** → **ѡзыцы** [Пс. 117:10], **да единъ члѣкъ оумретъ за люди, ѡ не весь ѡзыкѣ погнѣнетъ** → **ѡзыкъ** [Ин. 11:50], и **дѣдѣтъ его на смѣть, и предадѣтъ его ѡзыкомъ** → **ѡзыкѡмъ** [Мк. 10:33], **встанетъ вѣ ѡзыкѣ на ѡзыкѣ, и цѣтѡ на цѣтѡ** → **ѡзыкъ на ѡзыкъ** [Мк. 13:8]; (4) и **ѡ** в слове со значением ‘часть тела, речь’: **оудержи ѡзыкъ свой ѿ зла, и оустнѣ свои еже не глади лести** → **ѡзыкъ** [Пс. 33:13], и **ѡзыкъ мой поучитѣса правдѣ твоѣй** → **ѡзыкъ** [Пс. 34:28].

В Книге Бытия МБ такая правка осуществлена не была, в слове **язык** как в соответствии с γλῶσσα, так и в соответствии с ἔθνος вос-

произведено написание текста-источника ОБ с **ѡ**: ср. ката γλώσσας **сѣ** **снѣ**е **ѡ**мовы **въ** **племѣне**^х **свои**^х**ъ**, **и** **въ** **ѡ**зыцехъ **свои**^х**ъ** → **ѡ**зыцѣхъ [Быт. 10:20]; τὴν γλῶσσαν **Прїидѣте** **и** **и**зше **ше** **смѣ**снмъ **и** **ѡ**зыки **и**^х → **ѡ**зыки [Быт. 11:7] // πλήθους ἔθνων **вѣ**деши **ѡ**цѣ **мно**гимъ **ѡ**зыкомъ → **ѡ**зыкомъ [Быт. 17:4], δύο ἔθνη **два** **ѡ**зыка **въ** **о**утрѣбѣ **тво**ей **ѣ**ста → **ѡ**зыка [Быт. 25:23]. Единственное исключение засвидетельствовано в чтении Быт. 20:4, где в слове со значением 'ἔθνος' исходная буква **ѡ** заменена **ѡ**: **И** **рече** **г**и **ѡ**зы **невѣ**дѣщїи, **и** **правѣ** **ныи** **пог**вѣнїши → **ѡ**зыкъ, что противоречит и рекомендациям ГМ, и исправлениям в Псалтыри и Четвероевангелии.

Противоречивостью и непоследовательностью отличается в Книге Бытия правка в сфере функционирования буквы «зело» **ѕ**. Буква **ѕ**, которая в среднеболгарской письменности передавала аффрикату [dz] (из праславянского *g), для восточнославянских книжников имела такое же значение, что и буква «земля» **з** (в восточнославянских диалектах аффриката [dz] рано утратила затвор), то есть использовалась как в соответствии с [z'], так и в соответствии с [z] из праславянских *g и *z. Именно такое использование **ѕ** было характерно и для ОБ, ср. **б**о^{си} [Пс. 81:6, 95:5], **в**р^асѣхъ [Пс. 6:7, 138:21], **к**н^ас^а [Пс 104:21, 104:22], **н**осѣ [Пс. 8:6, 17:33; Лк. 7:38], **с**вѣз^дахъ [Лк. 21:25], **п**ѣн^асѣ [Мф. 18:28], **к**н^асѣ [Ин. 12:31], **м**носѣ [Мф. 26:9], **в**лѣс^ош^а [Ин. 6:17], **ѕ**лаа [Ин. 3:2], **ѕ**в^ы [Пс. 111:10], **ѕ**ѡповѣди [Пс. 118:4].

В ходе работы над псалтырным и евангельским текстами редакторы МБ осуществляют исправления в двух направлениях **ѕ** → **з** и **з** → **ѕ**, в результате которых буква **ѕ** оказывается закрепленной только за узким кругом слов: **ѕ**ло, **ѕ**мїи, **ѕ**вѣрь, **ѕ**ѣл^о, **ѕ**елїе, **ѕ**вѣз^да и их производными. Они (1) избавляются от **ѕ** в словах не из этого круга: **в**р^аси → **в**р^ази [Пс. 6:10], **н**осѣ → **н**озѣ [Пс. 30:8], **ѕ**н^аменїа → **з**н^аменїа [Пс. 77:43], **ѕ**в^ы → **з**в^ы [Пс. 111:10], **к**н^ас^а → **к**н^ази [Пс. 106:40], **р**н^ас^ахъ → **р**н^аз^ахъ [Мк. 5:30], **т**р^апѣзы → **т**р^апѣзы [Мк. 11:15], **ѕ**н^аждѣщен → **з**н^аждѣщїи [Мк. 12:10], **в**лѣс^ош^а → **в**лѣз^ош^а [Ин. 6:17], **др**в^аси → **др**в^ази [Ин. 15:14], **г**в^оздїн^ныа → **г**в^оздїн^ныа [Ин. 20:25], и, наоборот, (2) отказываются от **з** в пользу **ѕ** в указанных словах: **з**вѣр^а → **ѕ**вѣр^и [Пс. 103:11], **з**л^а → **ѕ**л^а [Пс. 70:24], **з**мїа → **ѕ**мїа [Пс. 90:13], **з**вѣз^ды → **ѕ**вѣз^ды [Пс. 135:9], **з**вѣр^ми → **ѕ**вѣр^ми [Мк. 1:13], **з**лѣстраждѣщаа → **ѕ**лѣстраждѣщыа [Мк. 1:34], **з**л^а → **ѕ**л^а [Ин. 5:29], **Ѡ** **з**лѣ → **ѕ**лѣ [Ин. 18:23], **з**мїю → **ѕ**мїю [Ин. 3:14] либо (3) сохраняют в них **ѕ**: **ѕ**вѣр^емъ → **ѕ**вѣр^емъ [Пс. 78:2, 103:20], **ѕ**вѣз^дъ → **ѕ**вѣз^дъ [Пс. 146:4], **ѕ**ѣл^о → **ѕ**ѣл^о [Пс. 6:3], **ѕ**ѣн^ицѣ → **ѕ**ѣн^ицѣ [Пс. 16:8], **ѕ**ѣл^о → **ѕ**ѣл^о [Мк. 1:35] **ѕ**вѣз^ды → **ѕ**вѣз^ды [Мк. 13:25], **з**мїю → **ѕ**мїю [Ин. 3:14], **з**лѣ → **ѕ**лѣ [Ин. 18:23], **з**л^одѣи → **ѕ**л^одѣи [Ин. 18:30].

Во многом благодаря деятельности никоновских справщиков употребление буквы «зело» в словах **свѣрь**, **смій**, **свѣзда**, **сло**, **сѣло**, **сѣліе** и в их производных закрепляется в книгопечатании и сохраняется в качестве единственно нормативного в современном церковнославянском языке [Гальченко 2001: 366–368; Плетнёва, Кравецкий 1996: 159–160].

Правка же в Книге Бытия, напротив, демонстрирует отсутствие у ее редакторов четких диагностических критериев употребления **с**. Так, во всех 17 формах слова *зверь* в исходном тексте ОБ была представлена буква **с**, однако никоновские справщики воспроизводят ее в МБ только в 7 случаях: **свѣром** → **свѣри** [Быт. 1:24, 1:25], **свѣри** → **свѣри** [Быт. 2:19], **свѣрьми** → **свѣрьми** [Быт. 1:26], **свѣрми** → **свѣрьми** [Быт. 1:28], **свѣремъ** → **свѣремъ** [Быт. 1:30, 2:20], а в 10 формах заменяют ее буквой «земля» **з**: **свѣрь** → **звѣрь** [Быт. 7:14; 8:1], **свѣрен** → **звѣри** [Быт. 3:14], **свѣром** → **звѣри** [Быт. 6:19, 9:5, 9:10], **свѣрей** → **звѣрен** [Быт. 7:8, 7:21], **свѣрие** → **звѣрие** [Быт. 8:19], **свѣрехъ** → **звѣрехъ** [Быт. 9:2]. Также только буква **с** используется в Книге Бытия ОБ в слове *зло* и его производных (всего 8 примеров): **сло** [Быт. 3:5, 19:19], **сла** [Быт. 19:8], **слаа** [Быт. 6:5, 8:21], **сли** [Быт. 13:13], **слаа** [Быт. 24:50], **слобы** [Быт. 6:5]. В одном случае московские редакторы сохраняют написание **с**: **сло** → **сло** [Быт. 19:19], тогда как в 7 остальных избавляются от **с**, внося правку **с** → **з**: **сло** → **зло** [Быт. 3:5], **сла** → **зла** [Быт. 19:8], **слаа** → **злаа** [Быт. 6:5, 8:21], **сли** → **зли** [Быт. 13:13], **слаа** → **злаа** [Быт. 24:50], **слобы** → **злобы** [Быт. 6:5]. Такие же противоречивые решения они принимают и в отношении слов *зми*, ср. ОБ: **смію** [Быт. 3:14], **смій** [Быт. 3:1, 3:4, 3:13], МБ: **смій** → **смій** [Быт. 3:1, 3:4, 3:13], но **смію** → **змію** [Быт. 3:14], и *звезда*, ср. ОБ: **свѣзды** [Быт. 1:16, 15:5, 22:17], МБ: **свѣзды** → **свѣзды** [Быт. 1:16, 15:5], но **свѣзды** → **звѣзды** [Быт. 22:17]. Правка **с** → **з** в Книге Бытия не затронула лишь единственное слово *сѣло*, служащее названием буквы **с**: **сѣло** → **сѣло** [Быт. 1:31, 4:5, 7:18, 7:19, 12:14, 13:2, 13:13, 15:1, 17:2, 17:6, 17:20, 18:20, 19:9, 20:8, 20:9, 21:11, 24:16, 24:35].

Факультативный характер в Книге Бытия носят императивные для Псалтыри и Четвороевангелия исправления диграфа **оу** на лигатуру **Ѹ** в позиции после гласных. В ОБ был реализован следующий принцип дистрибуции этих графем: в абсолютном начале слова и в позиции после гласных единственно допустимым является написание диграфа (например, **оупованіе** [Пс. 15:9], **оубомѣса** [Пс. 63:4], **оупеніи** [Ин. 11:13], **оубѣжитѣ** [Мф. 23:33], **оумре** [Лк. 8:52], **саоулѸ** [Пс. 51:1], **Иоуда** [Пс. 59:7]), **наоучи** [Лк. 11:1], **заоутра** [Ин. 20:1]), в позиции после согласных безусловно преобладает лигатура (**рѸкѸ** [Пс. 80:14], **силѸ** [Пс. 117:16], **горѸшинчѸ** [Мф. 13:31], **сѸдѸ**

[Мк. 3:29], пѣстѣни (л. 44) [Ин. 1:23]). Наличие в ОБ диграфа оу НЕ в абсолютном начале слова не получает поддержки у Мелетия Смотрицкого (о других решениях острожских редакторов, вызвавших критическую реакцию Мелетия Смотрицкого, см. [Кузьминова 2022]). Ссылаясь на авторитет «искуснейших писцов», он предписывает иное распределение оу и ѱ: сфера употребления оу ограничивается позицией абсолютного начала слова, во всех же остальных позициях вне зависимости от предшествующей буквы регламентируется написание ѱ: «искѡснѣ ѱшимнѣ ѡбаче писцами/оу ѱ началѣ реченій, ѱ же и ѱ средѣ и ѱ концѣ оупотребляема ѡбращѣтсѧ» (л. 10 об.). Данная норма получает последовательное воплощение в Псалтыри и Четвероевангелии МБ, в процессе справки которых были устранены все написания с лигатурой оу после гласных: паоуѣинѡ → паѡѣинѡ [Пс. 38:11], преоуѡкрашены → преѡѡкрашены [Пс. 143:12], блгооуѡгодихъ → блгоѡгодихъ [Пс. 25:3], заоуѡтра → заѡѡтра [Пс. 29:5, 45:5, 48:14, 54:17, 58:16, 89:13, 91:2, 142:8], саоуѡлѡ → саѡѡлѡ [Пс. 51:1], иоуѡда → иѡѡда [Ин. 18:5], члѡкоуѡвѣица → челоѡѡѡвѣица [Ин. 8:44], недооуѡмѡбѡющесѧ → недоѡѡѡмѡбѡющесѧ [Ин. 13:22], в капернаоуѡмѡ → в капернаѡѡмѡ [Мк. 1:21, 2:1], прооуѡчѡните сѧ → проѡѡчѡните сѧ [Мк. 13:11], наоуѡчите сѧ → наѡѡчѡните сѧ [Мк. 13:28].

В Книге Бытия зафиксировано всего 4 примера правки оу → ѱ после гласных: блгооуѡханѣѧ → блгоѡѡханѣѧ [Быт. 8:21], блгооуѡгоди → блгоѡѡгоди [Быт. 17:1], заоуѡтра → заѡѡтра [Быт. 19:27], заоуѡтра → заѡѡтра [Быт. 22:3], во всех остальных случаях лигатура в этой позиции сохраняется: наоуѡтрѣе → наѡѡтрѣе [Быт. 19:34], заоуѡтра → заѡѡтра [Быт. 24:54], ѡоуѡнанѧ → ѡѡѡнанѧ [Быт. 14:13], ѡоуѡнанѡ → ѡѡѡнанѡ [Быт. 14:24], ѡоуѡвѣѧ → ѡѡѡвѣѧ [Быт. 15:21].

Специфической особенностью графико-орфографической системы ОБ является написание **ѣ** десятиричного в корне ѣдин, не соответствующее утвердившемуся в результате второго южнославянского влияния правилу, согласно которому перед согласными (как в начале, так и в середине слова) следует писать **и** (и-восьмеричное), а перед гласными — **ѣ**. Представленное в ОБ написание ѣдин с **ѣ** было утверждено печатником ОБ Иваном Федоровым ранее — в его Азбуке 1578 г., ср.: «Вѣрѡю во ѣдиноѡ бѣга... и въ ѣдиноѡ гѣ іѣа хѣ сна вжѣѧ. ѣдиноѡроднаѡ... ѣдиноѡѡщина ѡѡѡ ѱ», «Всестѣѧ трѣѣ ѣдиноѡѡщинаѧ... ѣдинѡ стѣѡ, ѣдинѡ гѣѡ», «ѣдиноѡродноѡ слѡво» (л. 34 об.– 35, 36 об.–37) и др.

Редакторы МБ полностью избавляются от **ѣ** в корне ѣдин в Псалтыри и Четвероевангелии: ѣдинѡ → ѣдинѡ [Ин. 1:40], ѣдина → ѣдина [Пс. 33:20], ѣдинѣ → ѣдинѣ [Пс. 32:15], ѣдиноѡродѡ → ѣдиноѡродѡ [Пс. 24:16], ѣдиноѡрождѡ → ѣдиноѡрождѡ [Пс. 21:21], ѣдиноѡмыслѣниѧ → ѣдиноѡмыслѣниѧ [Пс. 67:6], ѣдиноѡмышлѣнѣиѣѡ → ѣдиноѡмышлѣнѣиѣѡмѡ [Пс.

54:14], **ѣдѣнороднѣю** → **ѣдинорѣднѣю** [Пс. 21:20, 34:17], **ѣдѣного** → **ѣдѣного** [Мк. 5:37], **ѣдѣномѣ на десѣте** → **ѣдѣномѣ на десѣте** [Мк. 16:14], **ѣдѣна** → **ѣдѣна** [Мк. 12:42] **ѣдѣни** → **ѣдѣни** [Ин. 6:22], **ѣдѣно** → **ѣдѣно** [Ин. 9:25], **ѣдѣнорѣнаго** → **ѣдинорѣднаго** [Ин. 3:16] и др., что согласуется со сложившейся в результате второго южнославянского влияния орфографической традицией, закрепленной в правиле ГМ использовать **ѣ** в середине слова только в позиции перед гласными: «**ѣ** ... **въ средѣ речѣнѣа || ѣгда предѣ гласными; ѣкъ, спасѣнѣе, вѣѣе, ѡ спасѣнѣи: ѣ прѣчаа** (л. 51 об. — 52).

Однако при подготовке Книги Бытия исправления **ѣ** → **и** были внесены непоследовательно, лишь в некоторых случаях, ср.: **ѣдѣнѣ** → **ѣдѣнѣ** [Быт. 1:5, 3:22], **ѣдѣно** → **ѣдѣно** [Быт. 1:9, 2:21, 8:13], **ѣдѣномѣ** → **ѣдѣномѣ** [Быт. 2:18, 10:25], **ѣдѣнѣ** → **ѣдѣнѣ** [Быт. 2:24], **ѣдѣна** → **ѣдѣна** [Быт. 11:1], **ѣдѣною** → **ѣдѣною** [Быт. 18:32]; но **ѣдѣнои** → **ѣдѣнои** [Быт. 2:11], **ѣдѣнаго** → **ѣдѣнаго** [Быт. 3:11, 3:17], **ѣдѣною** → **ѣдѣною** [Быт. 21:15].

Показателем того, что справа МБ проходила в несколько этапов, а ее критерии вырабатывались и утверждались непосредственно в ходе подготовки библейского кодекса к изданию, является и наличие в Книге Бытия грамматических исправлений, вынесенных в глоссы, т. е. асинхронных по отношению к исправлениям, результаты которых отражены в основном корпусе текста. К таким частотным грамматическим глоссам относится правка аориста на перфект в позиции 2 л. ед. ч. Эти исправления, нацеленные на преодоление грамматической омонимии, продолжают традицию, восходящую к грамматическим новациям текстов периода второго южнославянского влияния [Афанасьева и др. 2015: 14–34] и распространившуюся благодаря деятельности Максима Грека [Кравец 1991; Успенский 2002: 230–233]. В отличие от Псалтыри в составе МБ¹, где все 86 исправлений *аорист* → *перфект* в позиции 2 л. ед. ч. внесены в основной корпус текста (ср. **сего ради оуслѣша гла мѣтвы моеа** → **оуслѣшалѣ ѣси** [Пс. 30:22], **ѣко высть застѣпникѣ мой,** → **былѣ ѣси** [Пс. 58:16], **въ началѣхѣ ты ѣи землю ѡсновѣ** → **ѡсновалѣ ѣси** [Пс. 101:25], **Заповѣда правдѣ свѣдѣнѣа твоа** → **Заповѣдалѣ ѣси** [Пс. 118:138], **На гнѣвъ врагѣ мои^х простретѣ рѣкъ свою** → **простѣралѣ ѣси** [Пс. 137:7] и др.), в Бытии наряду с правкой в тексте (**ѡ неѣже взѣтѣ высть** → **былѣ ѣси** [Быт. 3:19], **ты сѣтвори**

¹ В Четвероевангелии правка в этом направлении не осуществлялась, поскольку в позиции 2 л. ед. ч. в тексте-источнике ОБ использовались исключительно соответствующие требованиям никоновских справщиков и не нуждающиеся в исправлениях перфектные формы, ср. **пришелѣ ѣси погѣвннѣ насѣ** [Мк. 1:24], **ѣже ѣще ѡ мене пѣлѣвалѣ ѣси** [Мк. 7:11], **пѣтъ ѡ мужѣи ѣмѣла ѣси** [Ин. 4:18]. **вѣзлюбилѣ ѣхѣ ѣси, ѣкоже мене вѣзлюбилѣ ѣси** [Ин. 17:23].

мнѣ → сотвори́лъ єси́ [Быт. 20:9], ни́ ты ми повѣда́ → повѣдал єси́ [Быт. 21:26], не пощади́ снѧ своѣго → неощади́лъ єси́ [Быт. 22:12]), регулярные замены представлены в глоссах: **И́ рече́ адамъ, жена́ ю́же ми дасть съ мно́ю → дасть** [на полях лъ єси́] [Быт. 3:12], **Възва́ же фарао́нъ авра́ма, и рече́ емѸ что́ сътвори́ ми → сотвори́** [на полях лъ єси́] ми [Быт. 12:18], **и́ ещѣ́ рече́ авра́ма, ѣлмаже́ мнѣ́ не дасть́ пло́да → не дасть́** [на полях лъ єси́] [Быт. 15:3], **и́ рѣша́ тако́ сътвори́, ꙗ́коже́ гла́ → гла́** [на полях: лъ єси́] [Быт. 18:5], **и́ оувеличи́ правду́ твою́ ю́же сътвори́ мнѣ́ → сотвори́** [на полях лъ єси́] мнѣ́ [Быт. 19:19].

Отсутствие в Книге Бытия последовательных исправлений в рассмотренных орфографических и грамматических позициях свидетельствует о том, что принципы справы по отношению к этим позициям в самом начале работы над МБ еще не были сформированы. Закономерным результатом амбивалентности ряда решений, принятых никоновскими справщиками при работе над Книгой Бытия, стало появление немотивированной орфографической и грамматической вариативности, ср. вин. п. мн. ч. **живѸщыа** [Быт. 14:7] // **живѸщаа** [Быт. 19:25], дат. п. мн. ч. **живѸщымъ** [Быт. 3:20] // **живѸщимъ** [Быт. 4:20], **язык ѿθνος ѿзыкъмъ** [Быт. 17:4] // **ꙗзыкъ** [Быт. 20:4], **звѣри** [Быт. 2:19] // **звѣри** [Быт. 6:19], **злò** [Быт. 19:19] // **злò** [Быт. 3:5], **заутра** [Быт. 22:3] // **заоутра** [Быт. 24:54], **ѣди́ною** [Быт. 18:32] // **ѣди́ною** [Быт. 21:15], и расхождение лингвистических параметров разных книг в составе одного свода, что противоречило представлениям о правильности языка библейского текста, призванного служить официальным нормополагающим текстом Священного Писания. Нельзя исключать, что это обстоятельство могло быть одним из факторов, определившим критическую реакцию на МБ церковных властей и признание необходимости новой библейской справы, проведение которой было утверждено Собором в 1673 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.А. Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская Библия. Сборник статей. 1990. С. 48–73.
2. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
3. Астафьев Н. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.
4. Афанасьева Т.И., Козак В.В., Молько Г.А., Соколов Е.Г., Шарихина М.Г. Языковые инновации в переводах, вязанных с именем Киприана // Slověne=Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 4. 2015. № 1. С. 13–38.
5. Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. I). М., 2001. С. 325–382.

6. *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской библии. СПб., 1911.
7. *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
8. *Кравец Е.В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // *Russian Linguistics*. 1991. № 15. P. 247–279.
9. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII века // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. 2017. № 5. С. 21–46.
10. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия 1581 г. и Московская Библия 1663 г.: лингвистические аспекты книжной справки // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4 (83). С. 411–417.
11. *Кузьминова Е.А.* Спорные вопросы библейской книжной справки XVI–XVII вв. // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология*. 2021. № 1. С. 30–43.
12. *Кузьминова Е.А., Чан Ю.* Диакритика как объект книжной справки (на материале Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г.) // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 5 (90). С. 391–394.
13. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия как источник грамматической кодификации церковнославянского языка // *Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян: коллективная монография / Под ред. Е.А. Кузьминовой*. М., 2022. С. 154–172.
14. *Пичхадзе А.А.* Библия: IV. Переводы библии на древние языки: Церковнославянский // *Православная энциклопедия*. Т. VI. М., 2002. С. 139–147.
15. *Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. М., 1996.
16. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
17. *Цуркан Р.К.* Славянский перевод Библии: происхождение, история текста, важнейшие издания. СПб., 2001.
18. *Чан Ю.* Лингвистические аспекты книжной справки Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г. // *Филология и культура*. 2021. № 3. С. 30–37.
19. *Чан Ю.* Московская Библия 1663 г.: тенденции и принципы книжной справки на орфографическом уровне // *Казанская наука*. 2022. № 3. С. 73–77.
20. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

REFERENCES

1. Afanas'eva T.I., Kozak V.V., Mol'ko G.A., Sokolov E.G., Sharihina M.G. Jazykovye innovacii v perevodah, vjazannyh s imenem Kipriana [Language innovations in translations related to the name of Cyprian]. *Slověne=Slovъne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 4. 2015. № 1, pp. 13–38.
2. Alekseev A.A. Mesto Ostrozhskej Biblii v istorii slavjanskogo teksta Svjashhennogo Pisanija [The status of the Ostrog Bible in the history of the Slavic text of Holy Scripture]. *Ostrozhszkaja Biblija. Sbornik statej*. Ed. by A.A. Alekseyev. Moscow, Institut russkogo jazyka AN SSSR, 1990, pp. 48–73.
3. Alekseev A.A. Tekstologija slavjanskoj Biblii. [Textology of the Slavic Bible]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publishing House, 1999.
4. Astaf'jev N. Opyt istorii Biblii v Rossii. [Experience of the History of the Bible in Russia]. Saint-Petersburg, 1889.
5. Chan Ju. Lingvisticheskie aspekty knizhnoj spravy Psaltyri v sostave Moskovskoj Biblii 1663 g. [Linguistic aspects of the book correction of Psalter as part of the Moscow Bible 1663]. *Filologija i kul'tura*. 2021. № 3, pp. 30–37.

6. Chan Ju. Moskovskaja Biblija 1663 g.: tendencii i principy knizhnoj spravy na orfo-graficheskom urovne [The Moscow Bible of 1663: trends and principles of book correction at the spelling level]. *Kazanskaja nauka*. 2022. № 3, pp. 73–77.
7. Chistovich I.A. Istorija perevoda Biblii na ruskij jazyk [The history of the Bible translation into Russian]. Saint-Petersburg, 1899.
8. Curkan R.K. Slavjanskij perevod Biblii: proishozhdenie, istorija teksta, vazhnejšie izdanija [Slavic translation of the Bible: origin, history of the text, the most important publications]. Saint-Petersburg, KOLO, 2001.
9. Evseev I.E. Rukopisnoe predanie slavjanskoj biblii [Handwritten tradition of the Slavic Bible]. Saint-Petersburg, 1911.
10. Evseev I.E. Očerki po istorii slavjanskogo perevoda Biblii [Essays on the history of the Slavic translation of the Bible]. Petrograd, 1916.
11. Gal'chenko M.G. Vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie v drevnerusskoj knizhnosti (Grafiko-orfograficheskie priznaki vtorogo juzhnoslavjanskogo vlijanija i hronologija ih pojavlenija v drevnerusskih rukopisjah konca XIV — pervoj poloviny XV v.) [The second South Slavic influence in the Old Russian literature (Graphic and orthographic signs of the second South Slavic influence and the chronology of their appearance in the Old Russian manuscripts of the end of the XIV — first half of the XV century)]. *Knizhnaja kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonah Drevnej Rusi (Trudy Central'nogo muzeja drevnerusskoj kul'tury i iskusstva imeni Andreja Rubleva. T.I)*. Moscow, UNIK, ALETEIJA, 2001, pp. 325–382.
12. Kravec E.V. Knizhnaja sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizacii cerkovnoslavjanskogo jazyka XVI veka [Book correction and translations of Maxim Greek as an experience of Normalization of the Church Slavonic language of the XVI century]. *Russian Linguistics*. 1991. № 15, pp. 247–279.
13. Kuz'minova E.A. Grammatika 1648 g. kak reguljator biblejskoj knizhnoj spravy vtoroj poloviny XVII veka [Grammar of 1648 as a regulator of the Biblical Book correction of the second half of the XVII century]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2017. № 5, pp. 21–46.
14. Kuz'minova E.A. Ostrozhszkaja Biblija 1581 g. i Moskovskaja Biblija 1663 g.: lingvističeskie aspekty knizhnoj spravy [The Ostrog Bible of 1581 and the Moscow Bible of 1663: linguistic aspects of the Book correction]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2020. № 4 (83), pp. 411–417.
15. Kuz'minova E.A. Spornye voprosy biblejskoj knizhnoj spravy XVI–XVII vv. [Controversial issues of the Biblical book correction of the XVI–XVII centuries]. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2021. № 1, pp. 30–43.
16. Kuz'minova E.A., Chan Ju. Diakritika kak obekt knizhnoj spravy (na materiale Psaltyri v sostave Moskovskoj Biblii 1663 g.) [Diacritics as an object of book correction (based on the material of the Psalter as part of the Moscow Bible of 1663)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2021. № 5 (90), pp. 391–394.
17. Kuz'minova E.A. Ostrozhszkaja Biblija kak istočnik grammatičeskoj kodifikacii cerkovnoslavjanskogo jazyka [Ostrog Bible as a source of Grammatical Codification of the Church Slavonic Language]. *Ostrozhszkaja Biblija i razvitie biblejsko tradicii u slavjan*. Ed. by E.A. Kuz'minova. Moscow, MAKS Press, 2022, pp. 154–172.
18. Pichhadze A.A. Biblija: IV. Perevody biblii na drevnie jazyki: Cerkovnoslavjanskij [The Bible: IV. Bible translations into Ancient languages: Church Slavonic]. *Pravoslavnaja jenciklopedija*. T. VI. Moscow, Cerkovno-naučnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija», 2002, pp. 139–147.
19. Pletnjova A.A., Kraveckij A.G. Cerkovnoslavjanskij jazyk [Church Slavonic language]. Moscow, Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 1996.

20. Uspenskij B.A. Istorija ruskogo literaturnogo jazyka (XI–XVII vv.). [History of the Russian literary language (11th–17th centuries)]. 3rd ed. Moscow, Aspekt Press, 2002.

Поступила в редакцию 07.09.2022;
принята к публикации 22.11.2022;
отредактирована 17.12.2022

Received 07.09.2022;
accepted 22.11.2022;
revised 17.12.2022

ОБ АВТОРАХ

Елена Александровна Кузьмина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenk2002@mail.ru).
Чан Юйкай — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: chang.yukai2015@yandex.ru).

ABOUT THE AUTHORS

Elena Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenk2002@mail.ru).
Chang Yukai — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: chang.yukai2015@yandex.ru)

О СЕМАНТИКЕ СЛОВА ЗРАКЪ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

Н.В. Калужнина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва,
Россия; nkaluzhnina@yandex.ru*

Аннотация. Материалом исследования послужили церковнославянские тексты XVIII–XX вв. В результате электронного поиска по оцифрованным версиям этих источников было получено 512 вхождений, преимущественно из богослужебных песнопений, что отличает наш материал от иллюстративных примеров для данной лексемы в ряде словарей. Лексикографические источники позволяют констатировать, что нет однозначного соответствия между выделяемыми значениями церковнославянского слова и греческими параллелями. В результате анализа исследуемого материала у слова **зракъ** выделены значения: 1) созерцание; 2) взгляд; 3) зрение; 4) вид, лицо; 5) изображение, икона; 6) образ (как отражение в сознании предметов и явлений действительности); 7) сущность (о божественной и человеческой природе в христианском понимании); 8) видение. Значение (1), называющее процесс, действие, связано с глаголом **зрѣти** в его переходном значении, как и значения (4, 5, 6, 7), называющие объект. Значения (2) и (3) связаны с глаголом **зрѣти** в непереходных значениях: как названия способности видеть — зрения (3) и ее невещественного инструмента — взгляда (2). В первых семи значениях слово **зракъ** связано с глаголом **зрѣти**, в значении (8) — с глаголом **зрѣтиса**. Можно определять первые три значения как «внутренние», субъектные, связанные с характеристикой смотрящего субъекта, остальные — как «внешние», объектные, связанные с характеристикой видимого объекта. Сложность семантической структуры слова **зракъ** в исследуемых текстах отчасти связана с наличием многозначных устойчивых сочетаний. В нескольких случаях отмечено необычное употребление форм множественного числа данного слова, сопровождающее некоторые оттенки его значений.

Ключевые слова: церковнославянская лексикология; церковнославянская лексикография; многозначность; устойчивые сочетания; залоговые отношения

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-37-49

Финансирование: статья подготовлена при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция», проект 1-084-22Н «Издание Словаря речений из богослужебных книг прот. А.И. Невоструева».

Для цитирования: Калужнина Н.В. О семантике слова *зракъ* в церковнославянских текстах // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 37–49.

ABOUT THE SEMANTICS OF THE WORD ЗРАКЪ IN CHURCH SLAVONIC TEXTS

Nadezhda V. Kaluzhnina

St Tikhon's University for the Humanities, Moscow, Russia; nkaluzhnina@yandex.ru

Abstract. The material of the study was the Church Slavonic texts of the 18–20th centuries. As a result of an electronic search in digitized versions of these sources, 512 entries were obtained, mainly from liturgical texts, which distinguishes our material from illustrative examples for this lexeme in a number of other dictionaries. Lexicographic sources allow us to state that there is no monosemantic correspondence between the selected meanings of the Church Slavonic word and the Greek equivalents. As a result of the analysis of the studied material, the following meanings were distinguished for the word **зракъ**: 1) contemplation (process, action according to the verb **зрѣти**); 2) look; 3) sight, eye (the ability to see); 4) appearance, face; 5) picture, icon; 6) image (reflection of objects and phenomena of reality in human mind); 7) essence, nature; 8) vision. The meaning (1) naming the process is related to the verb **зрѣти** in its transitive meaning, as are the meanings (4, 5, 6, 7) naming the object. Meanings (2) and (3) are associated with the verb **зрѣти** in intransitive meanings: as the names of the ability to see — sight (3) and its immaterial tool — look (2). In the first 7 meanings, the word **зракъ** is associated with the verb **зрѣти**, in the meaning (8) — with the verb **зрѣтисѧ**. One can define the first three meanings as 'internal', subjective, associated with the characteristics of the looking subject, and the rest as 'external', objective, associated with the characteristics of the visible object. The complexity of the semantic structure of the word **зракъ** in the studied texts is partly due to the presence of polysemantic combinations. In several cases, an unusual use of the plural forms of this word is noted, accompanying some shades of its meanings.

Key words: Church Slavonic lexicology; Church Slavonic lexicography; polisemy; fixed word combinations; voice relations

Funding: The work was supported by St Tikhon's University for the Humanities and Foundation "Traditio viva", project I-084-22H "Publication of the Dictionary of Words from Liturgical Books by Protopriest A. Nevostruev".

For citation: Kaluzhnina N.V. (2023) About the Semantics of the Word **зракъ** in Church Slavonic Texts. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 37–49.

1. Тема статьи возникла в связи с работой над словарной статьей **зракъ** для Большого словаря церковнославянского языка Нового времени (СЦЯ), материалом исследования послужили источники этого словаря — церковнославянские тексты XVIII–XX вв. [СЦЯ 2016: 9–13; 2019: 5]. В результате электронного поиска по оцифрованным версиям этих источников было получено 512 вхождений. Стало понятно, что в ряде случаев определение значения вызывает за-

труднения. Поэтому кажется необходимым более детальный анализ всех наблюдаемых значений. Этой задаче и посвящена данная статья.

1.1. Отражение проблем с определением значения находим в словаре [Бончев 2002: 195], где представлено четыре пересекающихся значения, видимо, потому, что для многих примеров четко разграничить значения было трудно (для наглядности приводим на языке оригинала — по-болгарски): 1) ‘вид (на лицето), лице, образ’, 2) ‘вид, изглед, външност’, 3) ‘вид, образ’, 4) ‘поглед, гледане; образ, лице, изглед’. При обращении к академическим историческим словарям русского и старославянского языков находим более четкое разграничение в толкованиях: 1) образ, вид, облик; 2) видение, призрак; 3) способность видеть; 4) орган зрения и др. [СРЯ¹ 11–17 вв., 6, 1979: 62]; 1) внешний вид, облик; 2) способность видеть, зрение; 3) взгляд [СДРЯ 1990: 403]; 1) видение; 2) зрение, взгляд; 3) образ, вид, зрак [ССЯ 2006: 681–682]. Однако в этих трех словарях представлен несколько другой состав примеров — преимущественно не из гимнографических текстов, тогда как в наших источниках не менее 4/5 составляют цитаты именно из них, и часть наших примеров не соответствует ни одному из приведенных в этих словарях значений².

1.2. В [Седакова 2005: 135–136] находим не описанное в упомянутых выше словарях знач. ‘естество’, представленное также в «Словаре речений из богослужбных книг» А.И. Невоструева³ как ‘сущность, естество’ [Калужнина, Давыденкова и др. 2015: 108–109]. Здесь находим также несколько наглядных иллюстраций того, что греческие параллели к данному слову многочисленны и почти каждая из них может иметь несколько значений, что нет и однозначного соответствия между выделяемыми значениями церковнославянского слова и греческими параллелями. Так, значение ‘наружность’ могут иметь найденные Невоструевым параллели ἡ θεσις, τὸ εἶδος, ἡ πρόσοψις; значение ‘видение, зрение’ — параллели ἡ ὄρασις, ἡ ὄψις, у последней представлено также значение ‘вид’. Параллели ἡ μορφή, которую указывает для слова зрѣкъ по своим источникам Невоструев и которая имеет в цитатах значения ‘внешний вид’, ‘икона’, ‘образ’, в наших текстах соответствует слово **Образъ**.

¹ Список сокращений, содержащий также указания на использованные словари, см. в Приложении 1.

² Срав. в службе Нерукотворному Спасу ко зрѣцѣ вѣжнѣ гѣжъ ѡбъ и подобные, учитывая, что Бог невидим, по христианскому учению.

³ Этот словарь, созданный в середине XIX в., сохранился в черновой рукописи, которая находится в Отделе рукописей РГБ. В настоящее время опубликован текст до буквы О включительно (в издании «Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология»). Все материалы доступны на сайте ПСТГУ <https://pstgu.ru/science/projects/slovar-recheniy-iz-bogoslužhebnykh-knig-prot-a-i-nevostrueva/> и в архиве номеров Вестника ПСТГУ.

2. Анализ найденного материала с учетом данных упомянутых словарей позволил в исследуемых источниках у слова **зрѣкъ** выделить следующие значения: 1) созерцание (процесс, действие по глаголу **зрѣти**); 2) взгляд; 3) зрение (способность видеть)⁴; 4) вид, лицо (о внешности видимых одушевленных объектов); 5) изображение, икона; 6) образ (как отражение в сознании предметов и явлений действительности); 7) сущность, естество (о человеческой и божественной природе в христианском понимании); 8) видение.

2.1. Первые два значения представлены единичными случаями, третье также не является частотным, все они не дают устойчивых сочетаний: (1) *сгѣхѣн прѣмѣнѣс мы... ѣже ѣсть видѣти ѿ зрѣка вѣкшнх ѡщѣс Прем 19.17⁵; Тщеславіа же слѡба... недѡвоповѣждѣма ѣсть. Ибо во вѣкомх начинанїи, ѡ вѣ зрѣцѣ... ѡ молчанїи*⁶ Добр, Кассиана Римлянина О восьми страстных помыслах, О тщеславии; (2) *воздержанїемъ страстїей ѡгнепѣльных ѡпепелѣвшѣ зрѣки ѡ движѣнїа** О 8 гл сб, утр, 2 сед по 1 стихсл; *гдн... ѣгѡже зрѣкъ ѡзвѣщаетъ вѣздны aspectus 3 Езд. 8:20–22 (лат. 4 Езд.); (3) человекѣска твѣрдѣша зрѣка, зрѣти лица твоегѡ блистанїа не терпѣще ѡщѣс М 6 ав Преобр, вел веч, 5 стх на «Господи воззвах» и др. Последнее значение 'зрение' представлено преимущественно в службе Преображения, что отражено и в последнем примере, где соположение слов **зрѣка** и **зрѣти** подчеркивает их связь. Знач. 'созерцание' мы рассматриваем как первое — наиболее простое семантически, результат синтаксической деривации, сохраняющий значение процесса. У знач. (2) и (3) просматривается связь с переходным значением глагола **зрѣти** 'смотреть на что-л.', а у знач. (1) — с переходным 'видеть кого-л., что-л.' [СДРЯ 3, 1990: 434]. На это указывает соответственно отсутствие и наличие валентности объекта, заполненной существительным в род. падеже [Падучева 1977: 86, 93, 94; 1984: 53, 62; Толстая 2005: 163]. По наблюдениям Е.В. Урысон [1998], зрение служит для указания на определенную способность восприятия и одновременно ее «нематериальный орган»,*

⁴ Значения даются как перевод на русский язык, при необходимости с уточняющими формулировками, как и в СЦЯ — двуязычном словаре с элементами толкового. Избранный здесь порядок значений позволяет лучше проследить их особенности и взаимосвязи. В будущей словарной статье СЦЯ он будет соответствовать его общему требованию этого словаря описывать значения в порядке убывания их частотности.

⁵ В адресах примеров ссылки на книги Библии даются в общепринятых сокращениях. Сокращения для других церковнославянских источников и указание изданий см. в Приложении 1.

⁶ Там, где греч. параллели не удалось найти, стоит знак * после примера. Список использованных греческих и латинских изданий см. в Приложении 2. Благодарю за помощь в поиске греч. параллелей Е.П. Ореханову и О.Л. Стриевскую.

Частотное сочетание со словом **зрѣкъ** в знач. 'вид, лицо' встречается в двух вариантах **добрѣта зрѣка** и **добрѣты зрѣкъ**, которые имеют, судя по греческой параллели, общее значение 'красота лица, облика' и встречаются преимущественно в плаче Богородицы: **τῷοεἰδὸς добрѣты нынѣ зѣиде зрѣкъ... κραινέϊσῃσῖν τὸ κάλλος τὸ τῆς μορφῆς** О 1 гл ср, утр, крестобогородичен сл н; **γὰρ добрѣта зрѣка;... γὰρ брѣвн; ἢν γὰρ ὄκο; τὸ κάλλος τῆς μορφῆς** ТП сб Мясопустная, утр, 1 стх на «хвалите»). Вариант **добрѣта зрѣка** имеет еще второе значение, которое говорит о «красоте образа Божьего в человеке», об изначально прекрасной человеческой природе, т. е. здесь слово **зрѣкъ** уже не значит 'вид, лицо', а значит 'сущность': **ἵже... показѣ начало брѣзидѣ добрѣтѣ зрѣка τὸ κάλλος τῆς εἰκόνοϛ** М 6 августа Преобр, вел веч, 1 стх на стиховне.

Обращает на себя внимание также форма мн. числа с предлогом на **зрѣцѣхъ** со значениями 'в лицо, по лицу'; 'по виду, в лице'; которая встретилаcь дважды: **εὐποιστάτῃ нашь... ἵακω пла́μєннι... на зрѣцѣхъ палимь, ὠϊκοχὶ πρόσωπο**⁷ Добр, Иоанна Карпафийского 100 увещательных глав, 85г; **εἰν ἡ плѣтъ ... σκερνάτῃ... ἡ μράка на зрѣцѣхъ ἡсполнаѣтѣа** τὸ πρόσωπο (*sic.*) Добр, Никиты Стифата 2-я сотница глав Об очищении ума, 17 г. Употребление формы мн. числа в первом примере не совсем понятно: обычно у слова **зрѣкъ** она связана с обозначением множественности, что характерно для значений 'изображение' и 'образ', а в данном случае речь идет об одном 'лице'. Но все же не об обычном видимом лице, а о «лице» диавола, который в прямом, физическом смысле не видим, т. е. перед нами переносное употребление рассматриваемого слова.

У сочетания, представленного вариантами **зрѣкъ бжѣтвенный/бжѣтѣн** или **зрѣкъ бжѣтѣвѣ** также можно выделить два значения — слово **зрѣкъ** употребляется в них соответственно в значениях 'образ' и 'сущность': I) 'святой, божественный лик, образ' — **бжѣтвенный твоѣ зрѣкъ на ἱκόνѣ ἡζωбразѣюще*** Трб, освящение иконы; **γὰν κρѣте, покажѣ мѣ зрѣкъ бжѣтвенный красотѣ τῷοεἰδὸς ὀψιν θεῖαν** ТП 3 вс, утр, к 1–3; II) 'божественная природа, сущность' (об Иисусе Христе, о Св. Троице) — **невѣдимаго зрѣкомъ бжѣтвеннымъ прѣѣмшлѣ μορφῆ θεῖκῆ** М 15 января Павла Фивейского, утр, 1 к 9-ирмос; **τρινεῖδνномъ зрѣкъ бжѣтѣвѣ... поклонѣтѣа... μορφῆν τῆς θεοῦτῆοϛ** О 6 гл вс, полунощница, к 6-бгр н.

Упомянем очень частотное фразеологизированное сочетание **зрѣкъ рѣвѣ** или **зрѣкъ рѣвѣн**, где слово **зрѣкъ** имеет, на наш взгляд, значение 'сущность, естество': речь идет не о человеке, имеющем

⁷ Для цитат из Добр. здесь и далее приводятся греческие формы по изд. [Φιλοκαλία..., 1893].

социальный статус раба, а о человеке как рабе Божьем, обычно о Боге, ставшем человеком: *σλόβο ѿѿее... прїемшее рабїи зрѣкъ* δουλου μορφῆν М 8 ноября архангела Михаила, утр, 2 к 4-бгр.

Нельзя не заметить, что, в отличие от того материала, который мы отнесли к знач. (4) 'вид', в примерах, приведенных для знач. (5, 6, 7) 'изображение', 'образ', 'сущность', хотя это случайная выборка, представлена одна и та же греческая параллель ἡ μορφῆ. Она может иметь разные значения: 'вид, образ'; 'внешность, видимость'; 'красивая внешность, красота'; 'форма (филос.)' [Дворецкий 1958, II: 1110]. В нашем случае, по-видимому, речь идет о некоторой традиции перевода этой параллели в богослужебных текстах, отражающей христианскую трактовку соответствующих понятий. Хотя, как отмечалось в п. 1.2, для знач. (5, 6, 7) возможны и другие греческие параллели. Заметим также, что, знач. (6, 7) 'образ' и 'существо', в отличие от всех предыдущих, в большей степени связаны не с физическим зрением или не только с ним⁸.

2.3. Отдельно следует рассмотреть значение (8) 'видение'. Слово *зрѣкъ* здесь обозначает видимый объект, т. е. значение является «внешним, объектным» с точки зрения смотрящего субъекта, как значения (4, 5, 6, 7), но связано оно скорее с глаголом *зрѣчнѣ* (а не *зрѣчн*) — нечто становится видимым, является, проявляется [срав.: СРЯ 11–17 вв., 6, 1979: 62]. Т. е. в этом значении присутствует сема 'возможность появляться и исчезать, становиться видимым, отсутствующая или нерелевантная в остальных «объектных» значениях (4, 5, 6, 7). Вне устойчивых сочетаний здесь имеется всего два вхождения: *не ѿщнѣ ѿннѣдѣ зрѣка нлнѣ ѿбразѣ прїачнѣ ко времѣ молчѣкы** Добр, Нила Синайского Слово о молитве, 114 г; *никогдаже да прїимеши, ѿще что виднши... ѿще нѣ ѿбразѣ хрѣтоу, нлнѣ... ѿггловѣ, нлнѣ сѣггѣ зрѣкъ... ѿкѣ нѣ сѣмѣ оумѣ ѿ себѣ... зрѣки годѣвѣчнѣ мѣжетѣ** Добр, Григория Синаита О безмолвии, 7 глава О прелести, 31–33. Дважды отмечено еще одно (срав. п. 2.1 об утрате зрения и п. 2.2 на *зрѣчѣхѣ*) особое употребление формы мн. числа, определенно дающее в данном случае новый оттенок значения — 'черты, проявления': *ѿбновнѣ ко мнѣ зрѣки твоегѣ ѿбразѣ** Млв молб, молитва по к покаянном (в пер. Тимр. «... черты Твоего образа»); *воздѣлователь слыхѣ мѣслей, мрачны свѣдѣ творнѣчѣ нѣ дрѣхлы внѣшнѣ зрѣки тѣ прѣсѣпѣ (sic.)* Добр, Никиты Стифата Первая сотница деятельных глав, 33 г. Обращает на себя внимание также частотное сочетание *ѿггльскїи зрѣкъ*, имеющее два значения: I) 'видение ангела' (возможно, оттенок 'явление'), где слово *зрѣкъ*

⁸ Срав. у глагола *зрѣчн* значение 'предвидеть' [СРЯ 11–17в., 5, 1979: 64–65], которое близко к 'привидеть'. Последнее же может иметь в виду не только будущее, но и, например, сущность вещей.

употреблено в знач. (8): *ἄγγελικῶν σημεῖων ὡς ἐπιφανῶν... μὴ ῥηθῆναι ἀγγελικῆ ὁράσει* О 5 гл вс, утр, ипакоей по 2 стихословии (в пер. [Ловягин 1910: 154] «изумившись явлению Ангела...»); II) ‘ангельский образ, облик’, где слово *зрѣкъ* употреблено в знач. (6) ‘образ (как отражение в сознании)’: *зрѣкомъ ἄγγελικῶν ἐκτίλων ὡκрасίβων, зрѣши славу бжтвеннѣю** М 27 д, первомч архидиакона Стефана, утр, 2 к 4–1 — в этом примере отметим возможность указания на символику ангельского служения диакона.

Рассмотренные примеры подтверждают наше предположение о связи значения (8) ‘видение’ с глаголом *зрѣтисѧ*, имеющим возвратное и пассивное значения [СРЯ 11–17в., 6, 1979: 65]. На связь с возвратным значением указывает наличие у *зрѣкъ* валентности субъекта, заполненной род. падежом существительного⁹ [Падучева 1977: 86, 93, 94; 1984: 53, 62; Толстая 2005: 163] в приведенных выше примерах: *сѣѧго зрѣкъ* ‘явление, видение святого (кому-л.), т. е. святой явился, стал видим’, *зрѣки (τῶκεῶν) ὄβραза* ‘проявление (черты) образа Божьего (в человеке)’ и *ἄγγελικῆй зрѣкъ* в знач. (I) ‘явление ангела’¹⁰, с учетом соотносительности субъектного род. падежа существительного и притяжательного или относительного прилагательного [Падучева 1984: 55; Толстая 2021]. При связи слова *зрѣкъ* в знач. (8) с пассивным значением глагола *зрѣтисѧ* зависимый род. падеж будет иметь объектное значение, например, сочетание *сѣѧго зрѣкъ* при этом будет означать ‘святой видим кем-л.’, именно такое видение может быть «ложным»¹¹.

3. Таким образом, выделенные значения могут быть сгруппированы и охарактеризованы более подробно, что помогает с определением значения для тех случаев, где это оказывается проблемой. Первые три значения, субъектные, не являются частотными и не дают устойчивых сочетаний. Знач. ‘взгляд’ и ‘зрение’ связаны с непереходным значением глагола *зрѣти* ‘смотреть’, а значение ‘со-

⁹ Притяжательное местоимение в этой позиции также возможно, но не представлено в немногих случаях, найденных для значения (8) в наших источниках.

¹⁰ В иллюстративных примерах к значениям (2) ‘взгляд’ и (3) ‘зрение’, связанным с непереходными значениями глагола *зрѣти*, находим сочетания соответственно с притяжательным местоимением *сѣѧже зрѣкъ* и относительным прилагательным *человѣчєскѣй зрѣкъ*, которым семантически соответствует субъектный род. падеж соответствующих существительных (*зрѣкъ ꙗ҃га* и *зрѣкъ чєловѣка*), который, однако, здесь называл бы смотрящего. Тогда как в знач. (8) смотрящий оказывается в позиции непрямого объекта (видение, явление кому-л.), а субъектный род. падеж называет того, кто становится видимым.

¹¹ Примеров для третьего возможного варианта понимания этого сочетания, т. е. что ‘святой видит видение’ в наших источниках не найдено. Четвертый возможный вариант представлен в примерах к знач. (5, 6), но род. падеж зависимого существительного там имеет объектно-определяющее значение ‘изображение/образ святого’.

зерцание' — с переходным 'видеть'. Значения 'вид, лицо' (о внешности видимых одушевленных объектов), 'сущность' (о человеческой и божественной природе), 'изображение', 'образ' представлены значительно шире и являются объектными. Для всех значений этой группы, кроме 'изображение', найдено много устойчивых сочетаний, которые могут быть многозначными. По-видимому, для трех последних характерна греческая параллель η μορφή. Значение 'видение' также объектное, но, в отличие от всех предыдущих, связано с глаголом $\zeta\rho\acute{\alpha}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$, здесь присутствует сема 'возможность становиться видимым и исчезать'. В ряде случаев отмечается особое употребление форм мн. числа, которое указывает на сдвиги или оттенки значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. (Бончев) Атанасий, архим. Речник на църковнославянския език. Т. 1. София: Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий», 2002.
2. Седякова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005.
3. Калужнина Н.В., Давыденкова М.Э., Стриевская О.Л., Мазурина Н.К. Словарь речений из богослужебных книг прот. А.И. Невоструева (зной-зять, и-излияюся) // Вестник ПСТГУ. Филология. 2015. Вып. (1) 41. С. 105–121.
4. Падучева Е.В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1977. С. 84–107.
5. Падучева Е.В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики 1982 / Под ред. В.П. Григорьева. М., 1984. С. 50–66.
6. Толстая С.М. Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: субъектные и объектные имена // Язык. Личность. Текст / Под ред. В.Н. Топорова и др. М., 2005. С. 162–179.
7. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
8. Толстая С.М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR // Etnolingwistyka. Т. 25 / Под ред. E. Bartmiński. Lublin: UMCS, 2013. С. 5–15.
9. Трефилова О.В. Читать, считать, почитать в старославянском языке // Ethnolinguistica Slavica / Под ред. С.М. Толстой. М., 2013. С. 377–396.
10. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
11. Дворецкий И.Х. Древнереческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958.
12. Ловягин И. Ф. Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках. СПб., 1910. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/voskresnaja-sluzhba-oktoihavosmi-glasov-na-slavjanskom-i-russkom-jazykah/ (дата обращения 15.05.22).
13. Толстая С.М. Лом копейный и скрежетание мечное: синтагматическая деривация в древнерусском языке и в языке фольклора // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2021. № 6. С. 41–54.

REFERENCES

1. (Bonchev) Atanasii, arkhim. Rechnik na ts"rkovnoslavyanskiya ezik [Dictionary of the Church Slavonic language]. V.1. Sofiya, People's Library "St. Cyril and Methodius", 2002. 352 p.
2. Sedakova O.A. Tserkovnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovaryu [Church Slavonic-Russian paronyms. Materials for the dictionary]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu.A.Shichalina Publ., 2005. 432 p.
3. Kaluzhnina N.V., Davydenkova M.E., Strievskaya O.L., Mazurina N.K. Slovar' rechenii iz bogoslužhebnykh knig prot. A.I. Nevostrueva [A Dictionary of Locutions from Liturgical Books by Protopriest A. I. Nevostruev]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology]*, 2015, 41, pp. 105–121. (In Russ.).
4. Paducheva E.V. [About derivative diathesis from predicate names in Russian]. *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka [Problems of linguistic typology and language structure]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 84–107. (In Russ.).
5. Paducheva E.V. [The Possessive Pronoun and the Problem of the Voice of the Verbal Name]. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1982 [Problems of Structural Linguistics 1982]*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 50–66. (In Russ.).
6. Tolstaya S.M. [Actant Structure of the Verb and the Semantics of Verbal Names: Subject and Object Names]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst [Language. Personality. Text]*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 162–179. (In Russ.).
7. Uryson E. V. Yazykovaya kartina mira vs obikhodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Linguistic worldview vs everyday representations (perception model in Russian)]. *Voprosy yazykoznaniya [Issues in the study of language]*, 1998, 2, pp. 3–21. (In Russ.).
8. Tolstaya S.M. [Russian ЧЕСТЬ and Polish HONOR]. *Etnolingwistyka [Ethnolinguistics]*, 2013, 25. Lublin, UMCS Publ., pp. 5–15. (In Russ.).
9. Trefilova O.V. [Чумать, считать, почитать in Old Church Slavonic]. *Ethnolinguistica Slavica [Slavic Ethnolinguistics]*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 377–396. (In Russ.). Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1974.
10. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 368p.
11. Dvoretzkii I.KH. Drevnegrechesko-russkii slovar' [Ancient Greek-Russian dictionary]. V. 2. M., State publishing house of foreign and national dictionaries, 1958. 1906 p.
12. Lovyagin I. F. *Voskresnaya sluzhba Oktoikha vsekh vos'mi glasov ili napevov na slavyanskom i russkom yazykakh* [Sunday service of Octoich in all eight voices or tunes in Slavic and Russian]. Saint Petersburg, I. L. Tuzov Publ., 1910. 297 p.
13. Tolstaya S.M. [Lom kopeinyj 'spear breaking' and skrezhtaniye mechnoje 'sword grinding': syntagmatic derivation in the old Russian language and in the language of folklore]// *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]*. 2021, №6, pp. 41–54. (In Russ.).

Поступила в редакцию 02.09.2022;
принята к публикации 22.11.2022;
отредактирована 18.12.2022

Received 02.09.2022;
accepted 22.11.2022;
revised 18.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Н.В. Калужнина — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра лексикографических исследований историко-филологического факультета ПСТГУ.

ABOUT THE AUTHOR

N.V. Kaluzhnina — Ph.D., Research Fellow, Center for Lexicographic Research, Faculty of History and Philology, St Tikhon's University for the Humanities.

Сокращения

- бгр — богородичен
 Библия — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2005.
 в пер. Тимр. — Переводы богослужебных текстов на русский язык иеромон. Амвросия (Тимрота). [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/> (дата обращения: 15.05.22).
 (вел) веч — (великая) вечерня
 вс — воскресенье
 г — глава
 гл — глас
 Добр — Добротолюбие. Тутаев, 2000.
 ЕвСл — Священное Евангелие. М., 1984.
 знач. — значение
 к — канон
 М — Миня служебная. М., 1996–1997.
 Млв молб — Молитвы Господу Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам Божиим, чтимые на молебнах и иных последованиях». М., 1993 (репринт Синод. изд. СПбО., 1915).
 МП — Миня праздничная. М., 1993.
 О — Октоих. М., 1981.
 Преобр — Преображение
 сл н — на «слава... и ныне...»
 сб — суббота
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
 ср — среда
 СРЯ 11–17в. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979.
 ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 2. СПб., 2006.
 стх — стихира
 СЦЯ — Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 1. М, 2016; Т. 2. М., 2019.
 ТП — Триодь Постная. М, 1992.
 Трб — Требник. М., 1980.
 утр — утренняя

Цитируемые издания на греческом и латинском языках

- Biblia sacra Vulgata. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-4ez.htm> (дата обращения 08.05.2022)
- Nestle-Aland, Novum Testamentum Graece. *H. Strutwolf, ed.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.
- Septuaginta. *Rahlfs A., Hanhart R., eds.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012.
- Μηνναῖον, τ. 01-12. Βενετία, 1863. [Электронный ресурс] URL: <http://analogion.gr/music/lb> (дата обращения: 15.03.22)
- Παρακλητικὴ ἤτοι Οὐκτώηχος ἡ Μεγάλη. Αθήναι: ἐκδ. νεωτάτῃ ἐπιμεμελεμένη, ἐκδότῃς Μ. Σαλίβερος, 1913.
- Πεντακοστάριον χαρμόσυνον.... Ἀθήναι: ἐκδ. τῆς Ἀποστολικῆς Διακονίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος, 1990.
- Τριώδιον κατασκευτικόν. Ἐν Ἀθήναις, 1994.
- Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν Νεπτικῶν. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otchnik/prochee/dobrotolyubie-filokalija-na-grechskom-jazyke-tom-1/> (дата обращения 14.04.2022)

МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОНТУР ОБЩЕГО ВОПРОСА В ЗАПАДНОМ СРЕДНЕРУССКОМ АКАЮЩЕМ ГОВОРЕ

ЧАСТЬ I: СЕЛИГЕРО-ТОРЖКОВСКИЕ ГОВОРЫ

С.В. Князев, С.В. Дьяченко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия; svknia@gmail.com; svet-lan-a@list.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию тонального контура общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре Вышневолоцкого района Тверской области на материале записей 2017 г. общей длительностью 9,5 часов.

Проведенный анализ дает основания утверждать, что основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в западном среднерусском акающем селигеро-торжковском говоре по сравнению с другими среднерусскими говорами (и литературным русским языком) является отмечаемая в речи самых старших информантов возможность сверххранного тайминга восходящего тонального акцента. Эта особенность сближает его с архангельскими говорами, от которых все среднерусские диалекты отличаются отсутствием сохранения высокого тона на заакцентных слогах. От восточного среднерусского акающего говора Владимирско-Поволжской группы он отличается также отсутствием отрицательного заноса (нисходящего движения тона на предударном слоге перед его повышением в начале ударного). Отличие от литературного русского языка состоит еще и в отсутствии усечения тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе. Полученные данные позволяют предположить, что в исследованном говоре происходит перестройка мелодического контура общего вопроса: тональный максимум восходящего акцента смещается от начала ударного гласного акцентоносителя к его середине (по всей видимости — под влиянием литературного языка, в котором восходящее движение характеризуется максимально поздним таймингом): %L H* L- L% --> %L L+H* L- L%.

Ключевые слова: западные среднерусские акающие говоры; общий вопрос; фонетика; интонация; тональный акцент

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-50-70

Для цитирования: Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 50–70.

MELODIC CONTOUR OF YES-NO QUESTION IN WESTERN MIDDLE-RUSSIAN DIALECT WITH AKAN'JE

PART I: SELIGER-TORZHOK DIALECT

Sergey V. Knyazev, Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), svknia@gmail.com, svet-lan-a@list.ru

Abstract: This paper deals with the intonation of yes-no question in Western Middle-Russian dialect with akan'je spoken in Vyshny Volochek district of Tver region. The study, based on the material of dialectal speech recordings made in the 2017 (eight speakers born in 1926–1952, total duration — 9,5 hours), reveals that the melodic contour of yes-no question in Western Middle-Russian dialect occupies an intermediate position between corresponding tonal structures of Modern Standard Russian and those of Northern Russian dialects: while sharing rising pitch associated with the accented syllable and falling tone on the postaccented ones, it differs 1) from the Standard Russian owing to earlier timing of the pitch accent (with the maximum tonal point around the middle of the stressed vowel rather than at the end of the stressed syllable for the Standard variety) and the absence of truncation of the falling tune and 2) from the Northern one — due to the absence of high phrase tone on postaccented syllables. The difference from Western Middle-Russian dialects with okan'je lays in the domain of pretonic syllable which bears a “falling set-up”. We thus suggest the interpretation of %L L+H* L- L% for Western Middle-Russian dialects with akan'je.

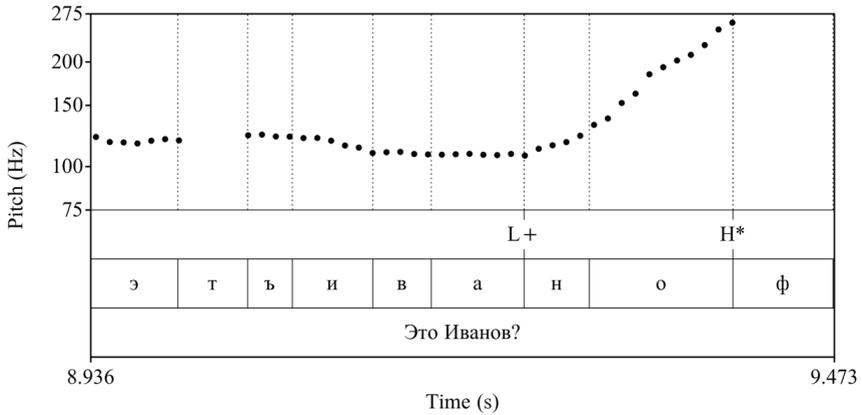
Key words: Western Middle-Russian dialects; yes-no question; phonetics; prosody pitch accent

For citation: Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2023) Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan'je. Part I: Seliger-Torzhok Dialect. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 50–70.

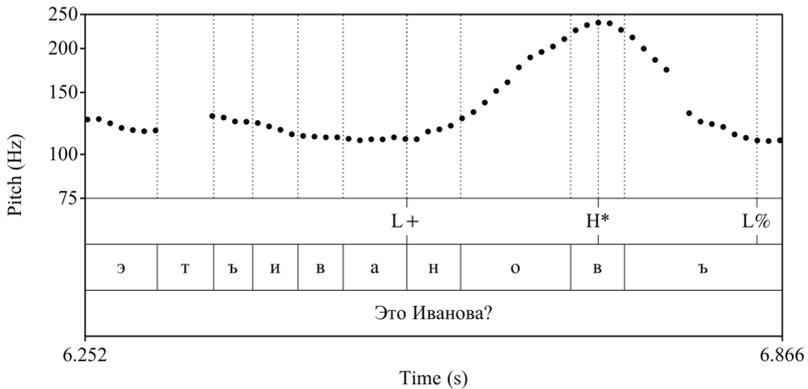
1. Введение

Наиболее распространенным видом общего вопроса в современном русском литературном языке (СРЛЯ) является восходяще-нисходящее движение частоты основного тона (ЧОТ), или третья интонационная конструкция (ИК-3): «Предударная часть произносится на среднем тоне. Ударная часть начинается с более высокой точки по сравнению с предударной. Далее в пределах слога тон продолжает повышаться... На заударной части происходит понижение тона ниже среднего» [Брызгунова 1967: 37]; «Акцент типа ИК-3 — это прототипический русский подъем. Характеризуется подъемом тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных, если они есть» [Янко 2008: 31]. Восходящий тональный акцент в центре ИК-3 СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**:

тональный максимум располагается в конце ударного слога (см. рис. 1¹), а при наличии заударного слога — на его начале (см. рис. 2): [Igarashi 2006: 190, 193].

Рисунок 1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Иванов?* (СРЛЯ)

Рисунок 2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Иванова?* (СРЛЯ)

Если заударные слоги после ударного гласного акцентоносителя во фразе отсутствуют, этот мелодический контур в СРЛЯ подвергает-

¹ Ниже в подписях к рисункам используется упрощенная транскрипция, в которой, однако, отражаются основные произносительные особенности. Кроме того, все фразы приводятся в орфографической записи. Если кривая ЧОТ на рисунке представляет собой фрагмент общего вопроса (и он дается в транскрипции), в строке орфографической записи обычно приводится весь вопрос целиком. Тональный максимум на графиках обозначается знаком Н, тональный минимум — знаком L.

ется усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не наблюдается [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225], см. выше рис. 2.

В севернорусских диалектах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего или предпоследнего сохраняется высокий уровень ЧОТ [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008; Князев 2022b] (см. рис. 3). В юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина 2002; Kachkovskaia et al. 2016; Янко 2017].

Рисунок 3. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?* (д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской обл.)

Анализ тонального контура общего вопроса в западных среднерусских окающих говорах [Князев, Дьяченко 2023] свидетельствует о том, что в них

- тональный максимум восходящего акцента приходится на середину ударного гласного акцентоносителя;
- нисходящее движение тона начинается в начале первого заударного слога и завершается к его концу (или началу второго при его наличии), затем сохраняется ровный низкий тон;
- в случае отсутствия заударных гласных понижение ЧОТ происходит на ударном гласном, то есть усечение тонального контура отсутствует;
- падение тона может начинаться как сразу после достижения максимума, так и после промежутка длительностью около 50 мс, на котором сохраняется ровный высокий тон.

Таким образом, мелодический контур общего вопроса в западных среднерусских говорах занимает промежуточное положение между соответствующими мелодическими фигурами литературного русского языка и севернорусских говоров:

- при существенном сходстве (повышение тона на ударном слоге акцентированного слова, затем падение до низкого)
- от литературного его отличает более ранний тайминг и отсутствие усечения нисходящего тона при реализации на последнем слоге во фразе [Князев, Дьяченко 2023];
- от архангельского — отсутствие высокого тона на заакцентных слогах.

Интонация западных среднерусских акающих говоров в этом аспекте, насколько нам известно, еще не описана. Ниже излагаются результаты изучения фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в одном селигеро-торжковском говоре.

2. Материал, информанты и краткая характеристика говора

2.1. Материалом исследования служили общие вопросы, извлеченные из звуковых записей спонтанной речи жительниц деревень Бухолово, Подол и Федово и села Ильинское Вышневолоцкого района Тверской области². Материал представляет собой сплошную выборку соответствующих конструкций из 9,5 часов аудиозаписей.

2.2. Все информанты — коренные жительницы Вышневолоцкого района, то есть и они сами, и их предки родились и всю жизнь прожили в Вышневолоцком районе (по большей части в сельской местности, только информантка ЗПВ1927, будучи уроженкой с. Ильинское, всю взрослую жизнь прожила в г. Вышний Волочёк и проработала официанткой в кафе, а выйдя на пенсию, поселилась в родном Ильинском). Расстояние от В. Волочка до населенных пунктов, в которых на момент записи проживали информанты, составляет от 11 до 26 км. Ниже обследованные населенные пункты обозначены на карте: самый северный — д. Подол, на юг от В. Волочка — д. Федово, на юго-запад от нее — д. Бухолово, а на юго-восток — с. Ильинское.

Информанты:

- 1) ЛФП1937 — д. Подол, образование 8 кл.: 8 примеров,
- 2) КАП1929 — д. Федово, образование 3 кл.: 51 пример,
- 3) ГВГ1942 — д. Федово, образование 7 кл.: 18 примеров,
- 4) ВАП1926 — д. Бухолово, образование 4 кл.: 4 примера,
- 5) ЗВП1927 — с. Ильинское, образование 7 кл.: 61 пример,
- 6) ВАК1943 — с. Ильинское, образование 7 кл.: 21 пример,
- 7) ГМТ1952 — с. Ильинское, образование средне-специальное (окончила сельскохозяйственный техникум): 17 примеров.

² Аудиозаписи говора сделаны С.В. Дьяченко и Е.В. Колесниковой в экспедиции 2017 года, они хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. Общий объем записанных материалов — около 17 часов.

Из записей речи всех информантов было извлечено и проанализировано 180 примеров.

2.3. Рассматриваемый говор относится к Селигеро-Торжковским западным среднерусским говорам и характеризуется пятифонемным ударным вокализмом и недиссимильтивным аканьем, у части информантов отмечено еканье, у другой части — иканье. Селигеро-Торжковские говоры весьма неоднородны, в частности, по характеру безударного вокализма, который может быть представлен различными типами яканья, еканьем или иканьем [Образование 1970: 414]. Встречаются и более сложно устроенные системы предударного вокализма. Так, говор д. Лужниково Вышневолоцкого района, расположенной западнее населенных пунктов, записи из которых послужили материалом для настоящего исследования, характеризуется переходным типом вокализма: у части информантов наблюдается различие, с одной стороны, фонемы /a/, с другой — фонем /e/ и /o/, у другой части информантов — ассимилятивно-диссимильтивное яканье култуковского типа, однако все информанты демонстрируют неустойчивость системы предударных гласных и большую вариативность гласных в первом предударном слогe [Малышева, Тер-Аванесова 2020: 231–239].

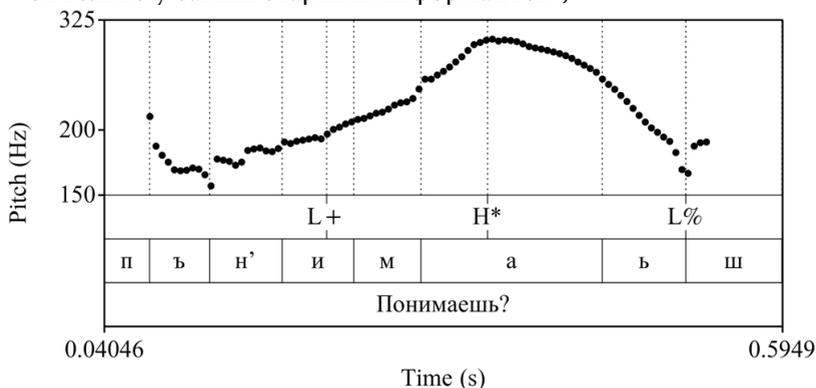
С точки зрения ритмической структуры слова Селигеро-Торжковские говоры относятся к группе VII по классификации С.С. Высотского. Типологической особенностью этой группы является заметная двухступенчатость редукции безударных гласных, при которой, однако, хотя просодическое ядро существенно выделяется в отношении длительности гласных, гласные 2-го предударного слога не склонны к сильному сокращению (как, например, в говорах Владимирско-Поволжской группы), а соотношение длительностей гласных второго предударного — первого предударного и ударного слогов составляет 70 мс — 125 мс — 151 мс [Высотский 1971: 35–38].

3. Результаты исследования

3.1. Тайминг восходящего акцента

Наиболее типичные примеры контура общего вопроса, реализованного на конечных и неконечных во фразе словах, приведены на рис. 4–12. Полученные нами данные дают основания утверждать, что

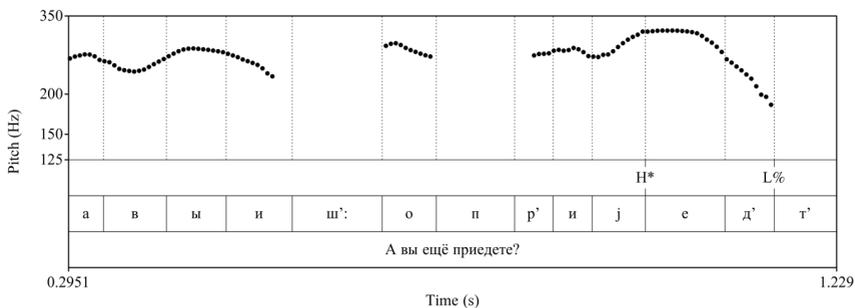
- повышение частоты основного тона начинается в инициали ударного слога (на согласном при его наличии);
- высшая точка ЧОТ достигается до окончания ударного гласного, чаще всего в его середине, но в ряде случаев и в самом начале этого гласного;
- после достижения тонального максимума в начале ударного гласного наблюдается относительно продолжительный (до последней четверти гласного) отрезок ровного тона, после чего происходит падение (рис. 5, 6, 9, 10, 12), эта стратегия встречается только у самых старших информантов³;

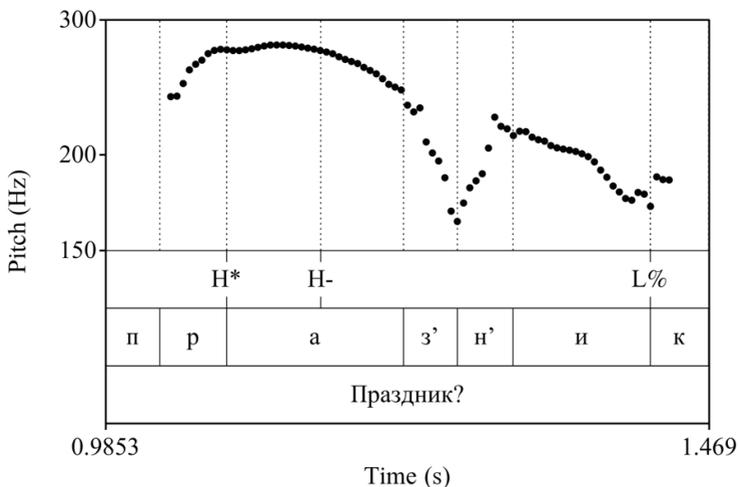
Рисунок 4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Понимаешь?* (ГВГ1942)

³ Приблизительно в $\frac{1}{4}$ примеров, полученных от этих информантов, и в $\frac{1}{8}$ всех случаев.

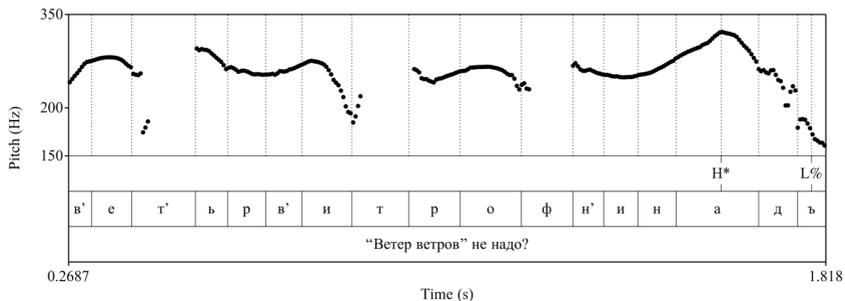
- если же максимум ЧОТ достигается в середине гласного, во второй его половине фиксируется понижение тона, обычно достигающее максимально низкого значения (рис. 4, 7, 8, 11).

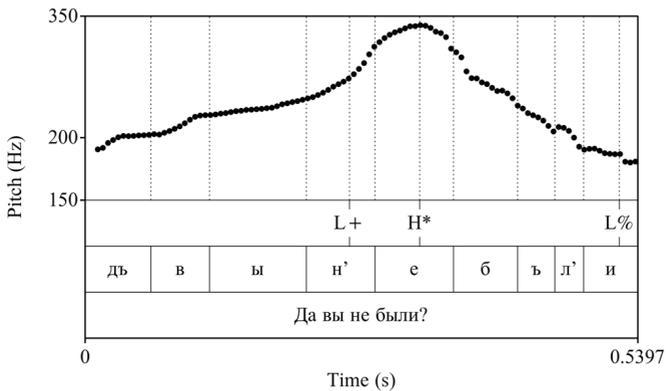
Рисунок 5. Кривая ЧОТ общего вопроса *А вы ещё приедете?* (ЗВП1927)

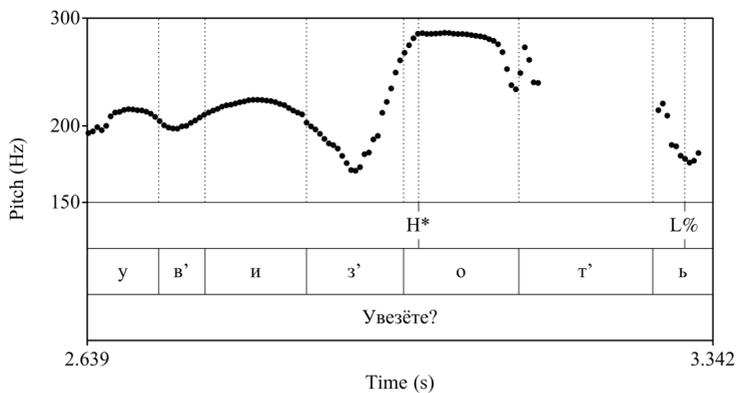
Рисунок 6. Кривая ЧОТ общего вопроса (*А что, сегодня какой*) *праздник?* (ЗВП1927)

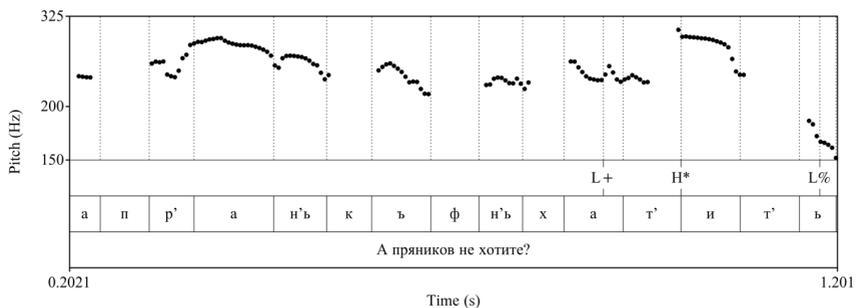
Рисунок 7. Кривая ЧОТ общего вопроса «*Ветер ветров*» *не надо?* (ЗВП1927)

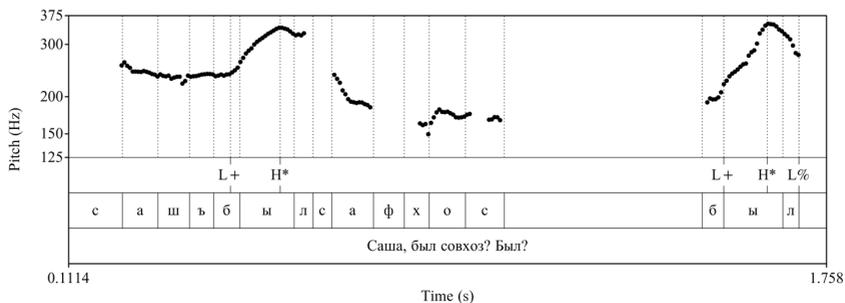
Рисунок 8. Кривая ЧОТ общего вопроса *Да вы не были?* (ЗВП1927)

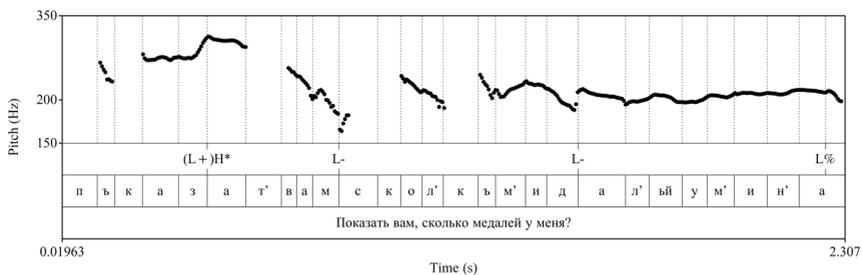
Рисунок 9. Кривая ЧОТ общего вопроса *Увезёте?* (ЗВП1927)

Рисунок 10. Кривая ЧОТ общего вопроса *А пряников не хотите?* (КАП1929)

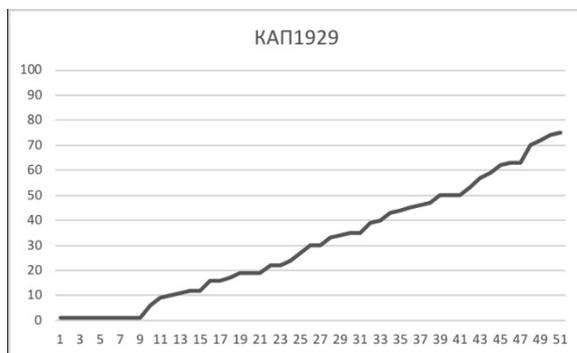

Рисунок 11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Саша, был совхоз? Был?* (КАП1929)

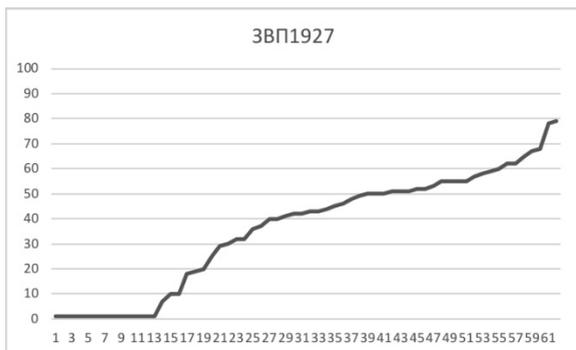

Рисунок 12. Кривая ЧОТ общего вопроса *Показать вам, сколько медалей у меня?* (ЗВП1927)

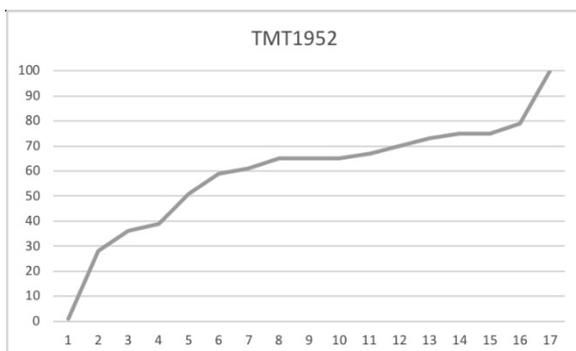
Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности ударного гласного акцентоносителя) для каждого информанта этой группы приведены ниже на рис. 13–19.

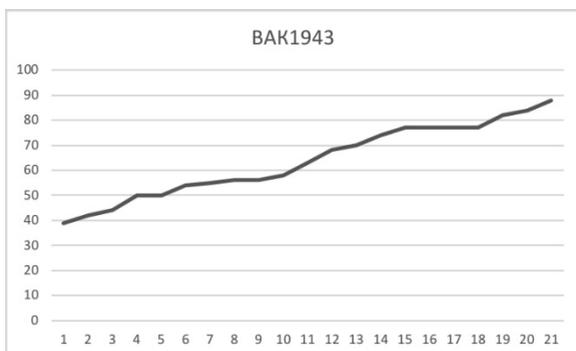
Рис. 13. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), КАП1929, 51 пример

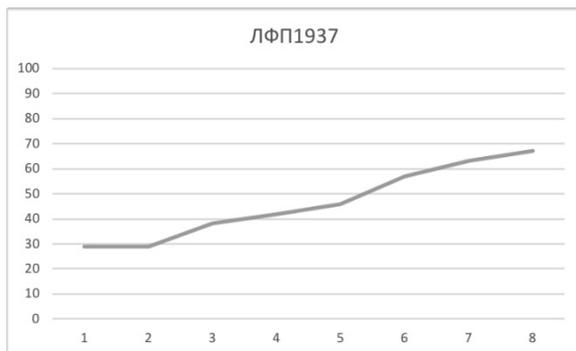
Рис. 14. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ЗВП1927, 61 пример

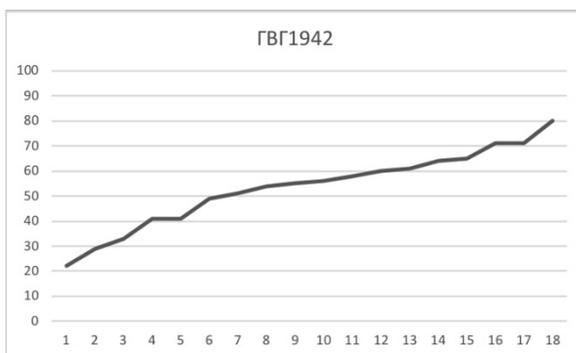
Рис. 15. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ТМТ1952, 17 примеров

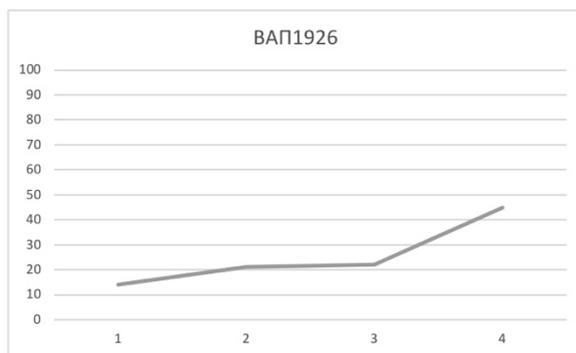
Рис. 16. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ВАК1943, 21 пример

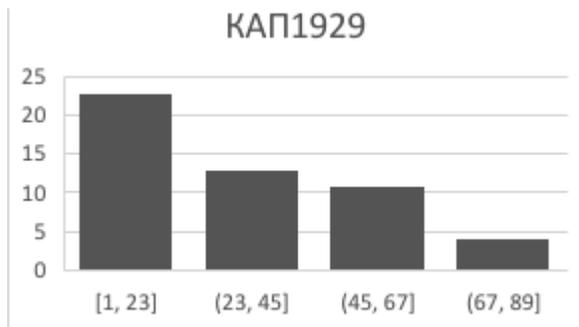
Рис. 17. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ЛФП1937, 8 примеров

Рис. 18. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ГВГ1942, 18 примеров

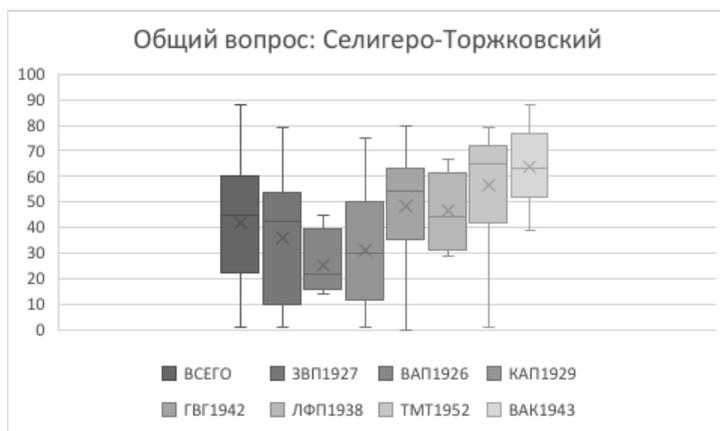

Рис. 19. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ВАП1926, 4 примера

Рис. 20. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), КАП1929, 51 пример

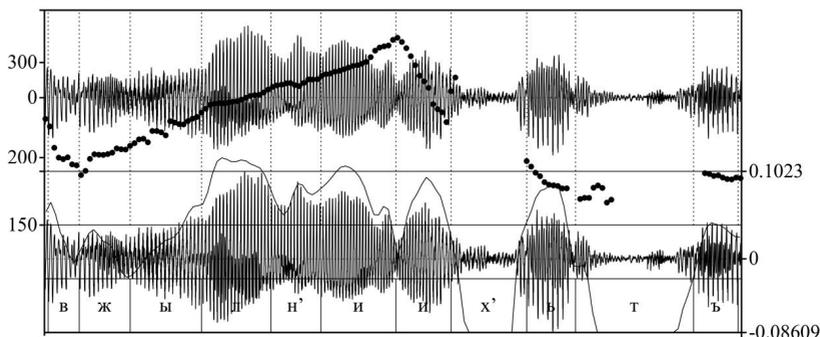
В обобщенном виде эти же данные представлены на диаграммах размаха, или «ящиках с усами» (рис. 21), которые показывают первый и третий квартили (собственно «ящик»), соответствующие средней половине всех данных выборки, и «усы», соответствующие первой и последней четвертям данных выборки. Таким образом, границы «ящика» соответствуют границам первого и третьего квартилей, линия, разделяющая «ящик» на две части, представляет собой медиану, а нижняя и верхняя границы «усов» отражают минимальное и максимальное значения всей выборки данных (крестик — среднеарифметическое значение каждого набора данных). Расстояния между отдельными частями ящика позволяют определить степень «плотности» данных на определенном отрезке шкалы.

Рис. 21. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности гласного) в общем вопросе

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что средние значения положения тонального максимума у информантов до 1930 года рождения (более старших) составляют менее 40 %, у более молодых — расположены в области около 50 %. Так, выше на рис. 20 приведены сведения о количественном распределении контуров с разным таймингом по квартилям для одного из самых старших информантов — КАП1929. Как видно из этого рисунка, в первый квартиль (тональный максимум в первой четверти ударного гласного) у него попадает наибольшее количество вхождений (и существенно больше, чем в любой другой).

Эти данные позволяют предположить, что в исследованном говоре происходит перестройка мелодического контура общего вопроса: **тональный максимум восходящего акцента смещается от первой части ударного гласного акцентоносителя к конечной** (по всей видимости — под влиянием литературного языка, в котором восходящее движение характеризуется максимально поздним таймингом)⁴. Об этом же может свидетельствовать часто встречающийся в произношении более молодых информантов тип оформления общего вопроса, пример которого приведен на рис. 22: 1) смена восходящего тонального движения происходит не плавно и постепенно, как это обычно бывает в подобных случаях (см., например, рис. 2, 4, 8, 11), а резко, скачкообразно; 2) подобное же резкое изменение наблюдается и в артикуляции гласного, и на огибающей интенсивности. Возможно, все это — результат перехода от одной модели просодического оформления к другой.

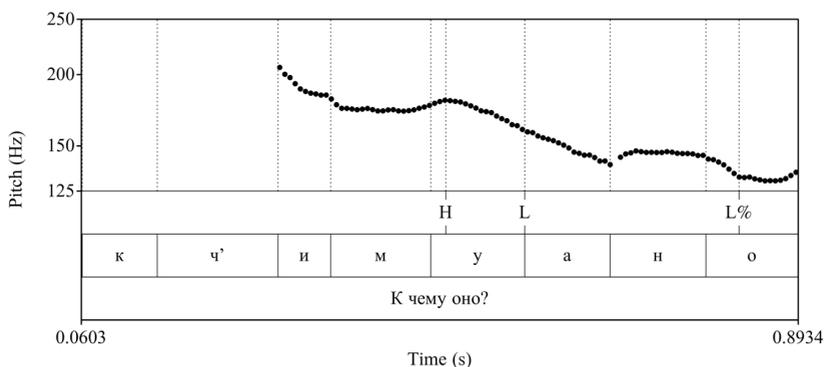

Рисунок 22. Осциллограмма, кривая ЧОТ и огибающая интенсивности фразы *В Желнихе-то?* (ЛФП1937)

⁴ Сходные процессы наблюдаются, например, в вологодском варианте СРЛЯ, где тайминг нисходящего движения тона в вопросах с вопросительным словом и утверждениях с узким фокусом (ИК-2) является более поздним, чем в московском варианте СРЛЯ, по-видимому, вследствие влияния соответствующего тонального акцента (Н*) севернорусских говоров [Duryagin, Knyazev 2022].

Есть основания полагать, что в исходной системе общий вопрос оформлялся высоким ровным тоном (Н*), который является одним из наиболее частотных тональных акцентов в современных архангельских говорах [Князев 2022а, б]. Для проверки этой гипотезы необходимо исследование просодической системы межзональных Белозерско-Бежецких говоров севернорусского наречия, граничащих с Селигеро-Торжковскими на севере.

Возможное объяснение наличия отрезка ровного тона при раннем тайминге восходящего акцента заключается в необходимости дифференцировать фонетическую реализацию общего вопроса и вопроса с вопросительным словом: последний характеризуется более ранним таймингом нисходящего тонального движения [Igarashi 2006; 2008] (см. рис. 23).

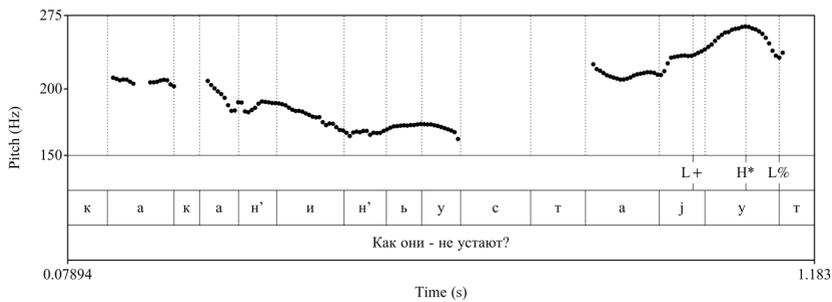

Рисунок 23. Кривая ЧОТ вопроса с вопросительным словом *К чему оно?* (ГВГ1942)

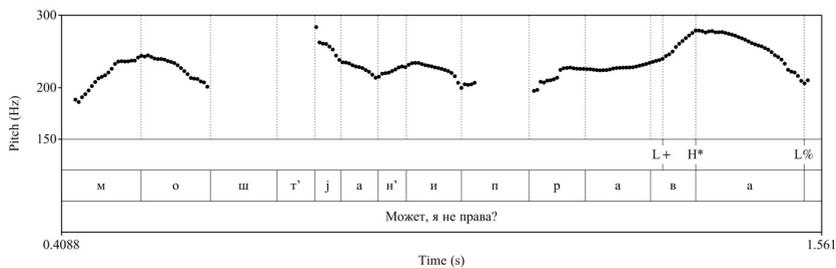
3.2. Усечение тонального контура

Если после восходящего тонального акцента (ударного гласного акцентоносителя) безударные слоги в высказывании отсутствуют, мелодический контур общего вопроса в селигеро-торжковском говоре, в отличие от литературного русского языка, усечению не подвергается: падение тона после его подъема происходит во второй половине ударного слога и достигает обычно среднего или низкого уровня, см. ниже рис. 24–26 и выше рис. 11.

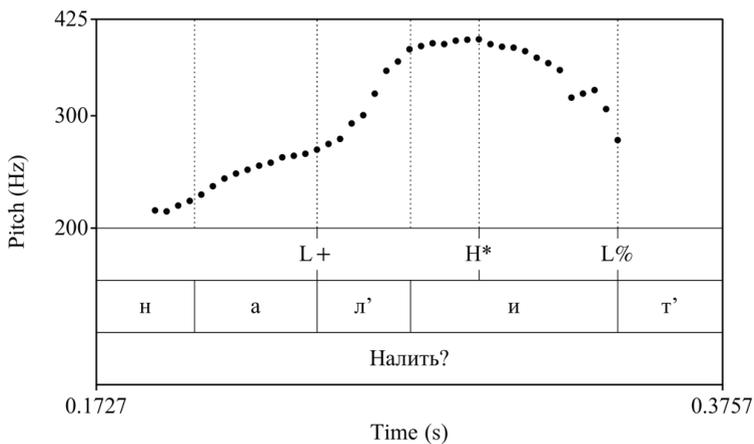
Отметим, что и в этом случае у информантов более старшего возраста возможен контур с максимально ранним таймингом восходящего акцента — см. рис. 25, 26.

Рисунок 24. Кривая ЧОТ общего вопроса *Как они — не устают?* (ВАК1943)

Рисунок 25. Кривая ЧОТ общего вопроса *Может, я не права?* (ЗВП1927)

Рисунок 26. Кривая ЧОТ фразы *Налить?* КАП1929

3.3. Уровень тона на заакцентных неконечных слогах

Как отмечалось выше, в севернорусских говорах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ. В исследованном нами говоре данное явление отсутствует: понижение тона начинается внутри ударного гласного акцентоносителя и сохраняется затем на низком уровне (см. выше рис. 4–12).

3.4. Отрицательный занос

В восточном среднерусском окающем говоре (владимирском) одной из особенностей контура общего вопроса является наличие «отрицательного заноса» — понижения частоты основного тона на предупредительном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге акцентоносителя. Исследованному нами селигеро-торжковскому говору это явление в целом не свойственно (см. рис. 4, 5, 9, 12, 22, 24, 26) и наблюдается лишь в исключительных случаях (отмечено всего 5 раз из общего числа в 180 вопросов, см., например, рис. 7).

4. Выводы

Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в западном среднерусском окающем селигеро-торжковском говоре по сравнению с другими среднерусскими (и СРЛЯ) является отмечаемая в речи самых старших информантов возможность сверххранного тайминга восходящего тонального акцента. Эта особенность сближает их с архангельскими говорами, от которых все среднерусские диалекты отличаются отсутствием сохранения высокого тона на заакцентных слогах.

От восточного среднерусского окающего говора Владимирско-Поволжской группы он отличается также отсутствием отрицательного заноса (нисходящего движения тона на предупредительном слоге перед его повышением в начале ударного).

Отличие от литературного русского языка состоит еще и в отсутствии усечения тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе.

Полученные данные позволяют предположить, что в исследованном говоре происходит перестройка мелодического контура общего вопроса: тональный максимум восходящего акцента смещается от начала ударного гласного акцентоносителя к его концу (по всей видимости — под влиянием литературного языка, в котором восходящее движение характеризуется максимально поздним таймингом): %L H* L- L% --> %L L+H* L- L%.

В обобщенном виде данные о сходстве и различии тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских и селигеро-торжковских говорах приведены в Табл. 1.

Таблица 1

**Основные различия тональных контуров общего вопроса
в СРЛЯ, архангельских, новгородских
и селигеро-торжковских говорах**

	СРЛЯ	Арх.	Новг.	Сел.-Тор.
Средняя длительность ударного гласного, мс		116	114	123
Отрезок ударного гласного до тонального максимума		48%	47%	42%
Поздний тайминг восходящего акцента	+	—	—	—
Ровный высокий тон тонального акцента	—	+ / —	—	+ / —
Ровный высокий тон на заударных слогах	—	+	—	—
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	—	—	—
Отрицательный занос	—	—	—	—
Тип мелодического контура	%L L*+H L- L%	%L (L+H)* H- L%	%L L+H* L- L%	%L H* L- L% -->%L L+H* L- L%

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брызгунова 1967 — *Брызгунова Е.А.* Интонация и смысл предложения // Русский язык за рубежом 1967, № 1. С. 35–40.
2. Высотский 1971 — *Высотский С.С.* О звуковой структуре русских говоров // Бромлей С.В. (ред.) Исследования по русской диалектологии. М., 1971. С. 17–41.
3. Касаткина 2002 — *Касаткина Р.Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М., 2002. С. 134–150.
4. Князев 2022a — *Князев С.В.* О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022. Т. 43, № 1. С. 113–153.
5. Князев 2022b — *Князев С.В.* О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022, № 1. С. 7–39.
6. Князев, Дьяченко 2023 — *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Интонация западного среднерусского окающего говора // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2023, № 3. (В печати)

7. Образование 1970 — *Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М., 1970.
8. Малышева, Тер-Аванесова 2020 — *Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В.* Селигеро-Торжокский говор деревни Лужниково и ее окрестностей // *Русский язык в научном освещении.* 2020. № 2 (40). С. 227–291.
9. Пост 2007 — *Пост М.* К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // *Фонетика сегодня* V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
10. Янко 2008 — *Янко Т.Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
11. Янко 2004 — *Янко Т.Е.* Русская интонация в задачах и примерах // *РЯНО* 2 (8) 2004. С. 86–123.
12. Duryagin, Knyazev 2022 — *Duryagin P.V., Knyazev S.V.* Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties // *Russian linguistics*, 2022. Vol. 46, 2.
13. Igarashi 2006 — *Igarashi Y.* Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives.* Amsterdam, 2006. P. 175–196.
14. Igarashi 2008 — *Igarashi Y.* (2008). Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures.* Berlin, 2008. P. 227–269.
15. Kachkovskaia et al. 2016 — *Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N.* CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech // *Proceedings of LREC 10*, 2016. P. 1949–1954.
16. Odé 2005 — *Odé C.* Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication.* 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
17. Post 2005 — *Post M.* The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.
18. Post 2008 — *Post M.* Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody.* Campinas, 2008. P. 233–236.
19. Rathcke 2017 — *Rathcke T.* How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica.* 2017, 73. P. 194–228.

REFERENCES

1. Bryzgunova E.A. Intonatsiya i smysl predlozheniya. *Russkij jazyk za rubezhom*, 1967, 1, pp. 35–40. (In Russ.)
2. Vysotskij S.S. O zvukovoj strukture slova v russkikh govoraх [On a word’s sound structure in Russian dialects] // S. V. Bromlej (Ed.), *Issledovanija po russkoj dialektologii.* Moscow: Nauka, 1973. P. 17–41. (In Russ.)
3. Kasatkina R.F. Zametki o južnorusskoj intonacii [Remarks on Southern Russian intonation]. *Materialy i issledovanija po russkoj dialektologii* I (VII). Moscow: Nauka, 2002. P. 134–150. (In Russ.)
4. Knyazev S.V. The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1 (43). P. 113–153. (In Russ.)

5. Knyazev S.V. O frazovoy prosodii v russkikh govorah s poslovnym melodicheskim oformleniem [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, № 1. P. 7–39. (In Russ.)
6. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Intonatsiya zapadnogo srednerusskogo okajushshego govora [Intonation of a Western Middle-Russian dialect with okan'je]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN*. 2023, № 3. (In print) (In Russ.)
7. Zaharova K.F., Orlova V.G., Sologub A.I., Stroganova T.Yu. Obrazovanie severnorusskogo narechija i srednerusskikh govorov: po materialam lingvisticheskoj geografii [Formation of Northern Russian dialect: based on linguistic geography]. Moscow: Nauka, 1970. (In Russ.)
8. Malysheva A.V., Ter-Avanesova A.V. Seliger-Torzhok dialect of the village Luzhnikovo and its surroundings. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, 2 (40). P. 227–291. (In Russ.)
9. Post M. K probleme opisaniia intonatsii obshchego voprosa v odnom severnorusskom govore [Towards the problem of the description of yes-no question intonation in a Northern Russian dialect]. In M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.), *Fonetika segodnia*. Moscow: IRIa RAN, 2007. P. 156–157.
10. Yanko T.E. *Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonational strategies of Russian speech in comparative dimension]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2008. (In Russ.)
11. Yanko T.E. Russkaya intonatsiya v zadachakh i primerakh [Russian intonation in problems and examples]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, № 2 (8). P. 86–123 (In Russ.)
12. Duryagin P.V., Knyazev S.V. Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties. *Russian linguistics*, 2022. Vol. 46, 2.
13. Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006. P. 175–196.
14. Igarashi Y. Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures*. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 227–269.
15. Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech. *Proceedings of LREC 10*, 2016. P. 1949–1954.
16. Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*. 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
17. Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Doctoral dissertation*. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.
18. Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.
19. Rathcke T. How truncating are 'truncating languages'? Evidence from Russian and German. *Phonetica*. 2017. 73. P. 194–228.

Поступила в редакцию 28.08.2022;
 принята к публикации 22.11.2022;
 отредактирована 17.12.2022

Received 28.08.2022;
 accepted 22.11.2022;
 revised 17.12.2022

ОБ АВТОРАХ

Князев Сергей Владимирович — главный научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова, svknia@gmail.com

Дьяченко Светлана Владимировна — научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова, svet-lan-a@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey Knyazev — chief research fellow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, svknia@gmail.com

Svetlana Dyachenko — researcher; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, svet-lan-a@list.ru

ВОКАЛИЗМ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ XVII В.

В.Ю. Шатин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vl.shatin@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются новые данные костромской деловой письменности XVII в., позволяющие сделать выводы об истории вокализма первого предударного слога после мягких согласных в севернорусских костромских говорах, а также о его соотношении с явлениями, наблюдаемыми в ударном слоге. Полученные результаты сравниваются с данными современных говоров на рассматриваемой территории. О том, что в костромских говорах тенденция к нейтрализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге между мягкими согласными в звуке [e] начинала складываться уже в XVII в., свидетельствуют замены буквы **а** на **е** в этой позиции. Материал рукописей подтверждает выводы о формировании севернорусского диалектного ландшафта, представленные в предшествующей литературе, и уточняет датировку появления еканья в позиции перед мягкими согласными. Параллелизм явлений первого предударного слога после мягких согласных с явлениями, наблюдаемыми в ударном слоге, в XVII в. в костромских говорах еще наблюдался, но в настоящее время в говорах Костромской группы, характеризующихся еканьем в первом предударном слоге в позиции перед твердыми и мягкими согласными, уже не представлен.

Ключевые слова: безударный вокализм; деловая письменность; историческая диалектология; историческая фонетика русского языка; история русского языка; костромские говоры; севернорусские говоры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-71-78

Для цитирования: Шатин В.Ю. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 71–78.

VOCALISM OF THE FIRST PRESTRESSED SYLLABLE AFTER PALATALIZED CONSONANTS IN 17TH CENTURY KOSTROMA DIALECTS

Vladimir Yu. Shatin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vl.shatin@gmail.com

Abstract: The article considers a new data of the 17th century Kostroma business style documents. Based on it, we come to a conclusion about a history of the first prestressed syllable vocalism after palatalized consonants in North Russian Kostroma dialects, as well as discover its relationship with the stressed syllable phenomena. The results obtained are then compared with the modern dialects data in the territory considered. It turns out that in Kostroma dialects the tendency to non-high vowel neutralization in the sound [e] in the first prestressed syllable between palatalized consonants started to take shape as early as the 17th century, which is evidenced by letter substitutions in this position. The manuscript data confirms the previous conclusions about the formation of the North Russian dialectal landscape and clarifies the dating of the 'ekanye' emergence in a position before palatalized consonants. Parallelism of the phenomena in the first prestressed syllable after palatalized consonants with the phenomena present in the stressed syllable was still present in 17th century Kostroma dialects, but nowadays it is lost in Kostroma dialects with 'ekanye' in the first prestressed syllable in a position before palatalized or velarized consonants.

Key words: business style documents; first prestressed syllable vocalism; historical dialectology; historical phonetics of the Russian language; history of the Russian language; Kostroma dialects; Northern Russian dialects; Russian dialectology

For citation: Shatin V. (2023) Vocalism of the First Prestressed Syllable after Palatalized Consonants in 17th Century Kostroma Dialects. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 71–78.

Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в окающих говорах достаточно разнообразны, но их общей особенностью является различие реализаций гласных фонем <e>, <o>, <ê> и <a>, степень которого при этом неодинакова. Севернее Ярославля, юго-восточнее Грязовца, северо-восточнее Костромы и южнее Кологрива наблюдаются небольшие островки еканья (все их, однако, можно связать и с влиянием говоров акающего острова), а еще два небольших островка еканья обнаруживаются также западнее Вельска и западнее Сольвычегодска. Иканье на территории северного наречия не представлено вовсе [ДАРЯ 1: 3].

В окающих говорах наблюдается (впрочем, не всегда) соответствие между вокализмом ударного слога и вокализмом первого предударного слога после мягких согласных.

Показательны с этой точки зрения вологодские говоры, в которых старая фонема <ê> под ударением перед твердыми согласными представлена широко распространенной реализацией [e] (а также сосуществующими с ней и нерегулярными реализациями [ê], [и̇] и [и]), а перед мягкими безусловно преобладает реализация [и] в сосуществовании с нерегулярными и единичными [и̇] и [e] [ДАРЯ 1: 40, 41]. Звук [e] перед твердыми согласными в вологодских говорах

достаточно последовательно переходил в [о], но в единичных случаях мог и сохраняться в корнях и суффиксах [Там же, 38, 39], а звук [а] между мягкими согласными с достаточной регулярностью изменялся в [е] [Там же, 43].

Все эти явления, наблюдаемые в вологодских говорах в ударном слоге, обнаруживаются также и в позиции первого предударного слога после мягких согласных, вплоть до нерегулярного перехода [е] в [о] перед твердыми согласными [Там же, 3].

В статье будет сделана попытка проследить в диахронии модификацию вокализма первого предударного слога после мягких согласных в Костромской группе говоров северного наречия и выявить наличие или отсутствие соответствия наблюдаемых в нем явлений ударному вокализму.

Основным материалом исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, исследованы лл. 1–948 об.), состоящая из отказов, написанных различными писцами.

Начнем с рассмотрения ударного вокализма говора, отраженно-го в отказной книге.

На месте *ѣ здесь регулярно пишется буква е (*бегае^m* 796, 797; *де^eками* 34 об., 475 об., 806; *ле^c* 83, 909 об.; *лесо^m* 44, 843 об. x2, et pass.; *места* gen. sg. 83, 217 об., 898 и др.). Число замен на и незначительно, все они представлены во флексиях местоимений (*всихъ* 264; *сец^{m1}* dat. pl. 583, 724, 757; *си^m* dat. pl. 90 x2, 422, 763, 928; *симъ* instr. sg. 818 об.; *симъ* dat. pl. 115, 376 об., 639 и др. — в четырех последних примерах, разумеется, возможно и сохранение старой флексии мягкого варианта), обратных замен и на ѣ нет.

В позиции перед мягкими согласным примеров этимологически верного употребления буквы ѣ приблизительно в полтора раза больше, чем в позиции перед твердыми, однако перед мягкими согласными обнаруживается также значительное число замен ѣ на и (*дите^m* dat. pl. 20 об. x2, 21 x2, 88 об.; *дитя^m* dat. pl. 85; *мире* dat. sg. 34 об.; *миря^l* 32, 34 об.; *о^mдиле* loc. sg. 35, 85, 460 об. x2; *о^mди^lные* 86, 590; *ро³ди^lны^m* 870 x2; *ри^uке* loc. sg. 493, 650; *умие^m* 744 об. и др.). Обнаруживаются здесь и единичные обратные замены и на ѣ (*секърина* gen. sg. 75; *секърине* loc. sg. 74, 74 об.). Можно, таким образом, предпо-

¹ Написание данной словоформы с буквой е является в рассматриваемых документах относительно стандартным: *се^m* dat. pl. 28 x2, 39 x2, 43 об. x2, 52 x2, 69 x2, 78 x2, 88 x3, 869 x3, 880 x2, 881 об., 887 x2, 894 x2, 907, 912 x2, 918 x2, 928 x2, 925 x4; *се^(m)* dat. pl. 34, et pass.; *семъ* dat. pl. 32 x2, 43 об., 52, 58, 75, 90, 119, 123, 449, 456, 475 x2, 483 x2, 708, 710, 782 x2 и др. Мы, таким образом, склоняемся к тому, чтобы признать за буквой и в составе подобного двойного написания большую фонетическую значимость.

лагать произношение [ӣе] либо [и] на месте *ѣ в позиции перед мягкими согласными.

В современных костромских говорах имеются данные, подтверждающие выдвинутое предположение: перед твердыми согласными в соответствии с *ѣ преобладает звук [е], лишь отдельными ареалами представлены [ѣ], [и] и [ӣе]; перед мягкими согласными почти всюду с [е] сосуществует [и] [ДАРЯ 1: 40, 41].

Переход [е] в [о] в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, к XVII в. осуществился последовательно: фонетический в корнях (*ноперо*² 417 об.; *ноперо*^к 107 2х; *но^мрь* 450 об. и др.) и аффиксах (*ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но^м* loc. sg. 642 об. и др.), аналогический (с использованием вариантов соответствующих морфем, присоединяющихся к основам на твердый согласный³) перед мягкими согласными (*кавалове* loc. sg. 117 об.; *ме^ншою* 740 об.; *ястре^нцове* loc. sg. 620, 621 и др.) и в конце слова (*се^нцо* 202, 384, 642 и др.), что отражено и на диалектных картах, фиксирующих состояние современных костромских говоров [Там же, 38].

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными в исследованной рукописи представлено лишь малочисленными спорными примерами. Среди них имеются и непосредственные замены а на е (*кне³ о^ндретьвича⁴* gen. sg. 856 об.; *мишенино* 642; *ф не^м че^ми^и* 154 х2 и др.), и замены е на а, позволяющие предполагать гиперкоррекцию (*клемя^нтие⁶* 624 об.; *клемянтье⁶* 948).

Данное явление вряд ли было характерно для рассматриваемых говоров в первой половине XVII в. Примеры *кне³ о^ндретьвича* и *ф не^м че^ми^и* не являются чистыми, гиперкорректные примеры *клемя^нтие⁶* и *клемянтье⁶* относятся к сфере ономастики, а единственного примера *мишенино* для уверенного утверждения о наличии рассматриваемого явления в костромских говорах XVII в. недостаточно. Отметим, что на карте [Там же, 43] главный его ареал расположен севернее, в основном массиве современных костромских говоров оно последовательно не представлено.

² В этом и следующих примерах переход [е] в [о] после парных по твердости-мягкости согласных отражается в ущерб отражению мягкости. Подобные написания редки, однако обнаруживаются в деловой письменности XVII в., фиксирующей фонетические особенности великолукских, смоленских и брянских говоров [Галинская 2002: 116, 175, 201, 203].

³ Р.И. Аванесов о подобных случаях, когда в говоре звук [о] после мягких согласных представлен лишь в ряде суффиксов и флексий, писал, что звук [о] здесь появился путем нефонетическим и под влиянием твердой разновидности склонения (*окном, пилой*) или же под влиянием уменьшительного суффикса *-ок* после твердых согласных (*дубок, возок, лесок*) [Аванесов 1949: 43].

⁴ Можно предположить, хоть доказать этого и нельзя, что это словосочетание, а также пример *ф не^м че^ми^и*, произносилось как одно фонетическое слово с одним словесным ударением на втором слове, а первое являлось проклитикой.

Таким образом, из явлений, наблюдаемых в ударном слоге и способных отразиться также и в безударном вокализме, развивающемся в говорах северного наречия параллельно с ударным, в исследуемом костромском говоре, отраженном в отказной книге XVII в., обнаруживается лишь нерегулярный переход старого <ѣ> в [и] перед мягкими согласными и последовательный переход [е] в [о] (как фонетический, так и аналогический).

Изучение вокализма первого предударного слога после мягких согласных в костромских говорах XVII в. следует начать с рассмотрения вопроса о фонеме <ѣ> в безударной позиции, так как доказательство ее утраты позволит объединить замены с участием букв **е** и **ѣ**, одинаково отражающих звук [е], на буквы **я** и **и**. Утрата фонемы <ѣ> в безударной позиции началась в русских говорах достаточно рано и проходила интенсивно, а потому мы вряд ли можем предполагать ее сохранение в позиции не под ударением, тем более что в ударной позиции в рассматриваемом говоре фонемы <ѣ> к XVII в. уже не было. Тем не менее приведем некоторое число примеров замены букв **ѣ** и **е** в безударных слогах, которое на самом деле в рукописи велико.

Прямые замены **ѣ** на **е**: *грамоте* dat. sg. 20, 47, 52 x2, 763, 789, 808, 822; *де^тми* 584 об. x2, 877 x2, 929; *се^нны^х* 30 x2, 844 и др.

Обратные замены **е** на **ѣ**: *дѣсьяти^н* 29, 154; *живущеть* асс. sg. 155; *се^ргеть^б* 849 об. и др.

Наличие замен обоих типов явно свидетельствует о совпадении в безударном положении реализаций старой фонемы <ѣ> с реализациями фонемы <е>, а потому в дальнейшем (при рассмотрении других замен) буквы **ѣ** и **е** будут рассматриваться как синонимичные.

После твердых согласных в отраженном в исследованных текстах говоре было представлено полное оканье. Имеются характерные написания ряда корней и приставок: *кропи^вка* ном. sg. 136; *кропи^бницъ* loc. sg. 30; *поро^сли* (форма прош. вр.) 44; *ро^здели^л* 21, 52, 90 об.; *ро^ззде* 455 и др. В акающих говорах, повлиявших также и на литературную орфографию, соответствующие корни и приставки произносились со звуком *а*: *крапива*, *растение*, *раздел*, *разъезд*. Рассмотрение материала для позиции после мягких согласных будет, таким образом, проводиться в соответствии с традицией описания предударного вокализма в этой позиции для акающих говоров, представленной в целом ряде работ [Бегунц 2007; Галинская 2002; Лопухина 2011]. Нас будут интересовать написания на месте этимологических *е, *а и *ѣ перед твердыми и мягкими согласными. Замены после букв шипящих и **ц** приводятся вместе с заменами после букв, обозначающих парные по твердости-мягкости согласные. Обратимся к примерам.

Замены **я** на **ѣ** / **е** перед твердыми согласными: *дѣвѣ^тна^тцѣ^ь*⁵ 146 об.; *дѣека* gen. sg. 151, 296; *нѣ^тнаца^т* 26 об.; *чичегова* gen. sg. п. р. 129.

Замены **я** на **ѣ** / **е** перед мягкими согласными: *двацѣти* 480 х2; *дѣвети^ь* 179 об.; *дѣсѣти* 157; *дѣсѣти^тни^чи* gen. sg. 79 об., 80 х2, 80 об. х2; *дѣсѣти^т* gen. pl. 34 об., 59 об. х2, 88 об., 344, 446, 480 х2, 717, 730 об., 756, 783, 784, 935 х2, 935 об., 936 об.; *ѣки^тко* 92 об., 139, 140 об.; *ѣки^тко^т* 831; *мѣкѣница* nom. sg. 848 об.; *свѣще^тни^к* 726 об., 909 об. х2; *трицѣти* 682 об.; *ѣки^т* nom. sg. 158 об. и др.

Количество подобных замен особенно велико именно в позиции перед мягкими. Встретились также и обратные примеры.

Замены **е** / **ѣ** на **я** перед твердыми согласными: *имяно^т* dat. pl. 358, 488 об.; *имяномѣ* dat. pl. 98 об., 377.

Замены **е** / **ѣ** на **я** перед мягкими согласными: *ѣмяно^т*⁸ 152.

На месте этимологического *и встретились также замены, которые для рассматриваемого периода следует считать нетипичными.

Замены **и** на **е** перед твердыми и мягкими согласными: *зѣно^тко^т*⁹ nom. sg. 148 об. х2; *клѣмѣ^ттѣѣ^т*¹⁰ gen. sg. 104 об.; *клѣмѣ^ттѣѣ^т* dat. sg. 106 х2; *клѣмѣ^ттьѣ^т*⁶ 314; *клѣмѣ^ттьѣ^т*⁶ 337, 442 об.; *на^трѣя^тшы* gen. sg. 121 х2.

Замены эти можно объяснить тем, что писцы, зная, что звуку [и] в ряде случаев (имеется в виду описанное выше изменение *ѣ в [и] перед мягкими согласными в ударных слогах) соответствует «правильная» буква **ѣ** (ср. единичные гиперкорректные написания *секѣрина* и *секѣрине*), могли распространить подобную гиперкоррекцию (с дополнительным смещением **е** и **ѣ**) и на безударные слоги.

Замены **и** на **я** перед мягкими согласными: *клѣмѣ^ттѣѣ^т*⁶ 154.

Приведем также и замены, обратные перечисленным выше.

Замены **е** на **и** перед твердыми и мягкими согласными: *дми^трѣю* *иво* *крѣстьяно^т*¹¹ 105 об.; *нѣдѣся^т* 44.

Большинство приведенных примеров нельзя считать чистыми, а лишь два, не подпадающие под какие-либо оговорки (*нѣдѣся^т* и

⁵ Здесь, впрочем, можно предполагать и графическую ассимиляцию.

⁶ И здесь (а также в следующих примерах) можно предполагать графическую ассимиляцию, смущает, однако, столь широкая ее распространенность.

⁷ Здесь и в следующем примере возможно влияние формы *имя* nom. sg.

⁸ Здесь возможно предвосхищение буквы гласного следующего слога.

⁹ Данное имя (гр. *Ζηρόβιος*) могло быть распространено и употребляемо также и в варианте без итацизма в первом слоге, который и может отражать данный пример.

¹⁰ Данный пример и три последующих можно объяснить и графической ассимиляцией.

¹¹ Здесь можно предполагать и утрату [j] в интервокальной позиции с последующим стяжением: [ije] → [ie] → [и].

кляме^н тие^е), убедительными быть не могут. Таким образом, оснований считать, что спорадическое иканье (если исключить пример кляме^н тие^е), стоящее за заменой **е** на **и**, уже было распространено в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, у нас нет.

По данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] после мягких согласных в костромских говорах в настоящее время возможно и перед твердыми, и перед мягким согласными. Закрепление подобной реализации, по всей видимости, сначала произошло в позиции перед мягкими согласными, а затем распространилось на позицию перед твердыми [Образование 1970: 299].

Можно заключить, что в костромских говорах XVII в. тенденция к нейтрализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге между мягкими согласными в звуке [е] уже начала складываться, о чем свидетельствует большое число прямых замен **я** на **ѣ** / **е** именно в этой позиции.

Материал рукописей подтверждает, таким образом, выводы авторов [Образование 1970] о появлении еканья сначала в позиции перед мягкими согласными с позднейшим распространением на позицию перед твердыми и дополнительно уточняет датировку: в костромских говорах XVII в. в позиции перед мягкими согласными еканье уже было.

Параллелизм явлений первого предударного слога после мягких согласных с явлениями, наблюдаемыми в ударном слоге, в XVII в. еще до определенной степени наблюдался: в первом предударном слоге после мягких согласных на месте *a перед твердыми согласными произносился звук [a], однако на месте *ѣ [и] перед твердыми согласными уже не было (данных о переходе [е] в [o] в рукописи нет, видимо, в связи с графической сложностью передачи звука [o] после мягких согласных).

В настоящее время в говорах Костромской группы, характеризующихся еканьем в первом предударном слоге в позиции перед твердыми и мягкими согласными, подобного параллелизма не наблюдается.

ИСТОЧНИКИ

Костр. — Костромская отказная книга 1619–1634 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
2. Бегунц И.В. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Канд. дис. М., 2006.

3. *Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
4. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1986.
5. *Лопухина А.А.* Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в. Канд. дис. М., 2011.
6. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970.

SOURCES

Kostromskaya otkaznaya kniga 1619–1634 gg.

REFERENCES

1. Avanesov R.I. Ocherki russkoj dialektologii. Ch. 1 [Studies on Russian dialectology. Part 1]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.
2. Galinskaya E.A. Istoricheskaya fonetika russkih dialektov v lingvogeograficheskom aspekte [Historical phonetics of Russian dialects in an aspect of linguistic geography]. Moscow, Izd-vo MGU, 2002. 272 p.
3. Begunc I.V. Foneticheskij stroj belozersko-bezhetskikh govorov pervoj poloviny XVII v. [Phonetical system of Belozersk-Bezhetsk dialects in the first half of the 17th century]. Moscow, PhD thesis, 2006.
4. Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Tsentr evropejskoj chasti SSSR). Vyp. 1. Fonetika [Dialectological atlas of the Russian language (Center of the European part of USSR). Part I. Phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1986.
5. Lopukhina A.A. Fonetika holmogorskogo i shenkurskogo dialektov XVII v. [Phonetics of Kholmogorsk and Shenkursk dialects of the 17th century]. Moscow, PhD thesis, 2011.
6. Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov (Po materialam lingvisticheskoj geografii) [The formation of the North Russian dialect and central Russian dialects (Based on linguistic geography materials)]. Moscow, Nauka Publ., 1970.

Поступила в редакцию 02.07.2022;
 принята к публикации 22.11.2022;
 отредактирована 18.12.2022

Received 02.07.2022;
 accepted 22.11.2022;
 revised 18.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Владимир Юрьевич Шатин — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, vl.shatin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Shatin — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, vl.shatin@gmail.com

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СУФФИКСА -ETT- В ИТАЛЬЯНСКОМ ПРОСТОМ ПЕРФЕКТЕ: ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

И.Н. Миляева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва; italrudn@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос происхождения и распространения суффикса *-ett-*. Данный суффикс используется при образовании форм 1 и 3 лица ед. числа и 3 лица мн. числа итальянского простого перфекта (*passato remoto*) некоторых глаголов II спряжения (спряжения на *-ere*). Начиная с середины XIX в. рядом европейских филологов-романистов выдвигались различные теории о происхождении суффикса *-ett-* (гипотезы Дематтио, Амедео и др.). При рассмотрении большинство их было расценено нами как бездоказательные и неправдоподобные. Среди современных заслуживает внимания предположение Байби — Слобина о распространении суффикса *-ett-* вследствие переосмысления схемы «простой перфект может иметь сегмент в удвоенным сибилантом». Двойной сибилант действительно присутствует в таких итальянских перфектах, как *disse*, *scrisse*, *visse*, *resse*, и в соответствующих формах однокоренных с ними глаголов. Эта гипотеза имеет логические основания, но тем не менее не лишена ряда недостатков, не позволяющих принять ее в качестве основной. Наиболее логичной и доказуемой нам представляется гипотеза Ф. Дица о происхождении суффикса *-ett-* из перфектных форм глагола *stare*. Документальные подтверждения этой гипотезы имеются в работах итальянских филологов Ф. Д’Овидио и Р. Спины, однако в предлагаемой последней периодизации распространения суффикса *-ett-* нами выявлено несоответствие между этапами периодизации и фактическими данными. Весьма вероятно, что некоторые письменные источники до нас не дошли, что затрудняет воссоздание объективной картины развития рассматриваемого процесса. Это, однако, не означает, что мы не должны брать за рассмотрение вопросов исторической морфологии итальянского глагола. Суммируя и анализируя точки зрения указанных выше филологов-романистов, мы предлагаем собственную периодизацию рассматриваемого явления, опираясь на документально подтверждаемые данные.

Ключевые слова: глагольная морфология; итало-романский языковой ареал; простой перфект; романское и итальянское языкознание; суффикс *-ett-*; Ф. Диц; Ф. Д’Овидио; Р. Спина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-79-88

Для цитирования: Милыева И.Н. Образование и распространение суффикса *-ett-* в итальянском простом перфекте: теории и реальность // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 79–88.

FORMATION AND DIFFUSION OF THE SUFFIX *-ETT-* IN ITALIAN PERFECT (PASSATO REMOTO): THEORIES AND REALITY

Irina N. Milyaeva

Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia; italrudn@mail.ru

Abstract: The article deals with a subject of origins and spread of suffix *-ett-*. The suffix is used to form the first and the third persons singular and the third person plural of the Italian perfect form (*passato remoto*) of some second conjugation verbs (*-ere* conjugation verbs). Since the mid-nineteenth century a number of European experts in Romanic languages have offered different theories of suffix *-ett-* origins (ideas by Demattio, Amedeo and others). On considering them we have found the majority of the theories groundless and uncreditable. We believe the Bybee — Slobin supposition to be worth noticing among contemporary ones. Their idea suggests the spread of suffix *-ett-* as a consequence of rethinking the pattern that reads as follows: “*Passato remoto* can have a segment with a double sibilant”. The double sibilant is really present in such Italian perfect forms as *disse, scrisse, visse, resse* and in the corresponding forms of cognate verbs. This supposition is quite logical but still has a number of drawbacks, which prevents us from admitting it as the principle one.

We suppose the theory of suffix *-ett-* originating from perfect forms of the verb *stare* offered by Friedrich Diez to be the most logical and verifiable. Documented evidence of it is contained in the works of Italian scholars F. D’Ovidio and R. Spina, yet the latter has some discrepancies between the periodization of the suffix spread offered in the work and the actual data. Some written sources may have failed to survive till present, which makes it difficult to reconstruct an objective picture of the process under consideration development. Yet that doesn’t mean that we shouldn’t tackle the issues of the Italian verb historical morphology.

Summarizing and analyzing the views of the experts in Romanic languages mentioned above, we have put forward our own periodization of the phenomenon under consideration basing on the documented data.

Keywords: verbal morphology; Italian Romance linguistic area; perfect; Romance and Italian philology; suffix *-ett-*; F. Diez; F. D’Ovidio; R. Spina

For citation: Milyaeva I.N. (2023) Formation and Diffusion of the Suffix *-ett-* in Italian Perfect (*Passato Remoto*): Theories and Reality. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 79–88.

Несмотря на то, что романское языкознание существует уже около двухсот лет, в истории романских языков и, в частности, романских глагольных форм остается немало белых пятен. Они воз-

никают в том числе потому, что филологи-романисты нередко ограничиваются описанием языка какого-либо литературного памятника или в целом какого-либо языка в определенную эпоху, не пытаясь установить глубинные причины происходивших в языке изменений. Это касается и интересующей нас области — истории романских глагольных форм и их морфологических составляющих. Данная статья посвящена одной из этих составляющих — перфектному суффиксу *-ett-*; истории его появления и распространения в итальянском языке до сих пор не было уделено достаточного и при этом не поверхностного, не формального внимания почти никем из романистов и итальянистов, и мы постарались максимально аргументированно и объективно восполнить этот пробел.

В итальянском простом перфекте у группы глаголов II спряжения в слабых формах 1 и 3.S. и 3.Pl. используется суффикс *-ett-*. По подсчетам итальянского филолога Д'Овидио, сделанным в конце XIX — начале XX вв. (и эта цифра в целом действительна и по сей день), таких глаголов насчитывается около тридцати, причем четырнадцать из них имеют корень, заканчивающийся на *-d* (*cedere, credere, perdere, vendere* и т.д.) [D'Ovidio 1911: 183–188]. Этот суффикс является итало-романским, т. е. не встречается в языках других романских языковых подгрупп, и используется как альтернативный вариант при образовании перфектных форм вышеуказанных глаголов (например, наряду с формой 1.S. *dovei* < *dovere* существует форма *dovetti*, наряду с формами 1.S. *resi, rendei* < *rendere* существует форма *rendetti*, и т. д.).

О происхождении суффикса *-ett-* в итальянском перфекте выдвигалось несколько теорий. Первые из них возникли в XIX в. Это гипотеза Дематтио о происхождении данного форманта из старопровансальского суффикса *-et*, использовавшегося для образования формы 3.S. перфектов глаголов I и II спряжений [Demattio 1875–76: 70]. Эта гипотеза не имеет под собой ни лингвистического, ни логического обоснования. Во-первых, при отсутствии общих изоглосс совершенно непонятно, каким образом данный суффикс мог проникнуть в народные говоры Тосканы и ряда других областей центра и юга Италии; во-вторых, в провансальском языке этот суффикс первоначально использовался для образования весьма немногочисленных слабых, или регулярных, форм глаголов II спряжения; его проникновение в формы многочисленного I спряжения, где должен был существовать этимологический флективный ряд *-ai, -ast(i), -at, -am, -atz, -aro(n)*, до сих пор не получило убедительного объяснения. В-третьих, Дематтио не указывает не только причин, но и времени появления и распространения суффикса *-et* в итало-романском языковом ареале. Возможно, он имел в виду, что этот

суффикс мог попасть первоначально в язык итальянской поэзии через язык трубадуров, но он этого не уточняет; в любом случае, и такое предположение не имеет под собой никакой доказательной базы. Как видим, у этой гипотезы слишком много недостатков, чтобы ее можно было рассматривать всерьез.

Помимо собственной, Дематтио допускает, а точнее, перечисляет и другие версии происхождения суффикса *-ett-*. Так, он указывает на возможность появления данного суффикса по аналогии с перфектом *stetti* глагола *stare*, а также от латинских перфектов на **-idi** вроде **credidi**, **perdidi**, **vendidi** и т.п., от которых путем перемещения ударения образовались формы **crediddi**, **perdiddi** и т.п., давшие в итальянском *credetti*, *vendetti* и пр. Правда, он сам же отмечает, что переход *dd > tt* не свойственен итальянскому языку, где существуют перфектные формы *caddi*, *cadde*, *caddero*, но нет *catti* [Demattio 1875–1876: 70]. В упрек ему следует поставить то, что он не указывает времени происхождения и авторства этих версий (первая из которых восходит к Дицу), а также не оценивает их критически, ограничиваясь в основном простым их перечислением.

Еще одно объяснение происхождения этого суффикса предложил Л. Амедео. По его мнению, латинская перфектная флексия 3.S. проделала следующий путь развития: **-it > -et > -ette** (в результате повтора) [Amedeo 1877: 17]. Как и Дематтио, Амедео ничего не говорит о времени, месте и причинах появления и распространения данного форманта, что не мешает ему считать ошибочным предположение Дица, полагавшего, что *-ett-* распространился под влиянием перфектных форм *detti* и *stetti* (< *dare*, *stare*) [Amedeo 1877: 23].

Относительно недавно появилась еще одна гипотеза о происхождении суффикса *-ett-*, выдвинутая Э. Маньи на основе предположения Байби — Слобина [Spina 2007: 102; Bybee, Slobin 1982: 267]. Суть ее в следующем.

Простые перфекты с группой */-ss-/* этимологического происхождения: *disse*, *scrisse*, *visse*, *resse* и т. п. — привели в сознании говорящих к образованию схемы «простой перфект может иметь сегмент с удвоенным сибилантом» [Magni 1997: 133].

Эти перфекты, а также новообразованная форма *mosse* (вместо лат. класс. **movit**) плюс формы типа *vollu* (< **volui**) (засвидетельствованная в классической латыни) вызвали процесс переосмысления — иными словами, появления аналогии: сегмент */-ss-/* распространился как прототип форм с удвоенным согласным. И эти формы возникли и распространились быстро и синхронно, без цепочки каких-либо промежуточных изменений. Такое объяснение предполагает, что формы *detti* и *stetti* также возникли спонтанно и, видимо, независимо друг от друга.

Нельзя сказать, что эта гипотеза лишена логических оснований, однако, на наш взгляд, она слишком умозрительна и не учитывает, во-первых, многих других факторов, способных приводить к изменениям в языке, а во-вторых, не опирается на какие-либо документальные свидетельства. В силу этого мы вынуждены рассматривать ее исключительно как игру ума и приступить к более подробному рассмотрению гипотезы Дица.

Его гипотеза заключается в предположении, что перфектная форма *stetti* (< лат. **stetui* < *stare*) могла привести к появлению у глагола *dare*, наряду с этимологической перфектной формой *diedi*, аналогической формы *detti*. Далее выделившийся суффикс *-ett-* стал использоваться для образования перфектных форм 1 и 3.S. и 3.Pl. ряда глаголов II спряжения с корнем, заканчивавшимся на взрывной или сонорный, а также проник в перфектную парадигму глагола I спряжения *andare*.

С логической точки зрения гипотеза Дица вполне обоснована. В латинском языке существовала тенденция к устранению во всех спряжениях типа образования перфекта с удвоением начального согласного корня; напротив, значительное распространение получает способ образования перфектных форм при помощи суффикса *-u-* [Эрну 2004: 223–224]. Отсюда в итальянском языке такие перфектные формы, как *bevvi* < **bevui*, *caddi* < **cadui*, *tacqui* < **tacui*, *tenni* < **tenui*, *venni* < **venui* и т.п.; так появилась и форма *stetti* < **stetui* вместо латинской классической формы *steti*, образовывавшейся удвоением начального согласного корня.

Далее, в итальянском языке у перфектных форм глаголов *stare*, *dare* и глаголов на *-ere* слабого спряжения во 2.S. и 1. и 2.Pl. наблюдается идентичность образования (*stesti* : *desti* : *vendesti*, *stemmo* : *demmo* : *vendemmo*, *steste* : *deste* : *vendeste*), что могло послужить причиной выравнивания остальных перфектных форм глаголов 2-го спряжения по формам глагола *dare* (*vendette* как *dette*, и т. д.).

Данное рассуждение также логично; в целом можно сказать, что из всех известных нам гипотез о происхождении суффикса *-ett-* предположение Дица наиболее приемлемо, хотя и не лишено недостатков. На некоторые из них указывает Маньи:

1) довольно много восстановленных форм под астериском; 2) о распространении суффикса *-u-* в других романских языках мало свидетельств; 3) о распространении суффикса *-u-* не очень много косвенных документальных свидетельств [Magni 1997: 124–125; Spina 2007: 102].

Слишком большое количество форм под астериском действительно может внушать определенное недоверие. Однако не следует забывать, что речь идет об эпохе, от которой осталось не так уж

много письменных свидетельств; умозрительные логические выкладки могут оказаться правильными — просто мы, возможно, никогда не найдем этому документального подтверждения. Тем не менее, признаём, что избыток восстанавливаемых форм — недостаток любой теории (в том числе теории Байби — Слобина и Маньи).

Что же касается остальных пунктов, то некоторое количество прямых и косвенных доказательств того, что суффикс *-u-* действительно использовался для образования перфектных форм в позднелатинскую эпоху и что следующий за согласным заударный гласный *-u-* мог вызывать удвоение предшествующего согласного, все же имеется. Их собрала и перечислила в своей работе итальянская исследовательница Р. Спина, и мы приведем несколько примеров из ее труда.

Формы 3.S. *reguit* вместо **rexit** (CIL V, 923) < **regere**, *linuit* вместо **lêvit** (Itala, Joh. 9, 6 11) < *linere*. Такие формы, как *vicque*, *vicquero* (старый римский диалект, Аbruццо), также могли произойти только от форм **wikwit*, **wikwerun(t)*, а не от классических латинских **vicit**, **vicerunt**.

О возможности исчезновения заударного безударного *-u-*, приведшего к удвоению предшествовавшего согласного, говорят и такие существительные, как *gennaio* < **januariu(m)**, *mannaia* < **manuaria(m)** [**secure(m)**] [Spina 2007: 103]. Заметим, однако, что в обоих этих примерах мы обнаруживаем не заударный, а предупредный *-u-*, поэтому они не очень корректны. Более точные примеры находит Рольфс: *manna* < **manua**, *menno* < ***minuus**, *fottere* < **futuere**; кроме того, он отмечает, что, как указывается еще в “Appendix Probi”, следует произносить **aqua**, а не **acqua** [Rohlf 1966: 415].

Как бы то ни было, итальянская исследовательница взяла на себя труд (и, насколько мы можем судить, это первая попытка, по крайней мере, в итальянском языкознании) подробно и аргументированно проследить за всеми этапами распространения суффикса *-ett-* в перфектных формах итальянского литературного языка и итало-романских диалектов (следуя теории Дица). У нас есть ряд замечаний к ее аргументации и некоторым выводам, но к ним мы вернемся после того, как изложим основные пункты ее исследования.

Весь процесс распространения суффикса *-ett-* Спина делит на пять этапов:

I. Суффикс *-ett-*, выделившийся из перфектной формы *stetti* (< лат. **stetui**) глагола *stare*, стал использоваться для образования перфектных форм глагола *dare*; таким образом, наряду с этимологической формой *diedi* у этого глагола появляется аналогическая форма *detti*. Спина полагает, что это произошло до или около XII в. — когда, по ее словам, появляются первые формы *dette*, *detti*, *dettero*, но не при-

водит ни одного документального подтверждения этому, что ставит под сомнение обоснованность ее датировки.

II. Суффикс *-ett-* начинает использоваться для образования перфектных форм глаголов, чей корень заканчивается на звонкий зубной согласный *-d-* (*vendere, credere, perdere, rendere, concedere, vendere, chiedere* и т. п.). Это происходит предположительно в течение XII в. Отметим, что в таблице таких форм Спина дает их в основном в 1.S., однако в приводимых ею документальных примерах (их три) обнаруживаются только формы 3.S. и 3.Pl., но форм 1.S. нет. Вот они: 3.Pl. *perdetero* ‘perdettero’ 1213, *Ritmo Lucchese*; 1252, *Storie de Troia e de Roma* (старый римский диалект); 3.S. *concedecte* ‘concedette’ *Cronica fiorentina*, конец XIII в. [Spina 2007: 106].

III. Суффикс *-ett-* распространяется на перфектные формы некоторых глаголов II спряжения, чьи корни не заканчивались на зубной согласный. Этот процесс затрагивает как литературный итальянский язык, так и многие итало-романские диалекты областей Абруццо, Венето, Кампании, Лацио, Лукании, Марке, Молизе, Романьи, Тосканы, Умбрии. Первые документальные свидетельства этого этапа восходят к XIII в. [Spina 2007: 105, 107].

IV. Суффикс *-ett-* проникает в перфектные формы глагола I спряжения *andare* (отметим, что его корень оканчивается на зубной согласный). Р. Спина нашла пример употребления формы 3.S. *andette* в сочинении *Dubbie Nencia vulgata*, 18, 4 Лоренцо де’ Медичи 1460–90 гг.: “*veddi coglier la ‘nsalata, / i’ te ne chiesi, e tu mi rinbrottasti, / tanto che se ne andette la brigata*” [Spina 2007: 107]. Подобное явление не удивительно, учитывая, что у глаголов *andare, dare, stare* в настоящем времени идентично строение форм единственного и 3-го лица множественного числа, что способствует взаимному аналогическому влиянию парадигм этих глаголов друг на друга. Таким образом, данную фазу можно отнести к XV в. (по крайней мере, для Тосканы).

Аналогичный факт появления формы *andette* отмечает и Д’Овидио, но не указывает на какой-либо письменный источник [D’Ovidio 1911: 183–188].

V. Суффикс *-ett-* распространяется в I спряжение, но только в диалектах. Так, в Умбрии встречается форма 3.S. *guardette* (Кассио да Нарни, XVI в.), а в Абруццо форма 1.S. *fermette* (1765 г.). Подобное явление отмечено также в диалектах Романьи, Марке и северного Лацио. Документируется с XVI в. [Spina 2007: 108–109].

Периодизация, предложенная Спиной, вызывает у нас следующие замечания:

1. Не приводится ни одного документального подтверждения того, что I этапом аналогического распространения суффикса *-ett-*

следует считать его появление в перфектных формах глагола *dare*; это тем более примечательно, что в целом в своем труде исследовательница стремится к максимальной аргументированности изложения. Между тем еще Д'Овидио отмечал, что форма *detti* появляется только у Пульчи и Макиавелли, а у более ранних авторов ее нет [Д'Овидио 1911: 183–188]. Удивительным образом это наблюдение Д'Овидио прошло мимо внимания подавляющего числа романистов разных стран, и ничем не подкрепленное положение о том, что выделившийся из формы *stetti* (< лат. **stetui**) суффикс *-ett-* проник в перфектные формы глагола *dare*, откуда затем распространился на глаголы *credere*, *perdere*, *vendere* и т.п., кочует из одной исторической грамматики романских языков (либо итальянского языка) в другую; этого механического копирования не избежали даже такие видные романисты, как Бурсье [Бурсье 1952: 439] и Рольфс [Rohlf 1968: 321]. Примечательно, что Бурсье, указывая, что форма *detti* привела «к образованию форм *vendetti*, *vendette*, *vendettero*, которые с конца XIII в. могли заменять другие формы (например, у Брунетто и Данте)», ни одной формы *detti* ни у Брунетто, ни у Данте, ни у каких-либо более ранних авторов не приводит [Бурсье 1952: 439]. Ни одной предшествующей формам *vendetti* и т.п. формы *detti* не может привести и Рольфс [Rohlf 1968: 321].

2. Говоря о проникновении суффикса *-ett-* в перфектные формы глаголов II спряжения, чей корень заканчивался на звонкий зубной согласный *-d-*, а также некоторых других (пункты II и III), Спина обходит молчанием проникновение этого суффикса и в некоторые глаголы III спряжения. Между тем уже у Данте в «Божественной комедии» присутствуют формы *seguette* (*Par.*, 9, 141) [Blasucci 1993: 648], в рифму *seguette* и *convenette* (*Inf.*, 25, 40 e 42) [Blasucci 1993: 466] и *persequette* (*Purg.*, 22, 83) [Blasucci 1993: 574].

Исходя из перечисленных выше аргументов, мы вынуждены предложить иную периодизацию процесса аналогического распространения суффикса *-ett-* в формы простого перфекта:

I. При помощи выделившегося из формы *stetti* (< лат. ***stetui**) суффикса *-ett-* начинают образовываться перфектные формы некоторых глаголов II и III спряжений. Среди глаголов II спряжения процесс охватывает не только глаголы, чей корень заканчивается на звонкий зубной согласный *-d-*, но и глаголы с корнем на другие взрывные; кроме того, у Данте встречаются формы *tacetti* и *tacette* [D'Овидио 1911: 183–188]. Отметим, что корни перечисленных выше глаголов III спряжения также оканчиваются либо на взрывной, либо на сонант. Можно сказать, что этот этап осуществился в течение XIII в.

II. Суффикс *-ett-* проникает в перфектные формы глаголов I спряжения *andare* и *dare*. Форма *andette* впервые отмечается у Ло-

ренцо Великолепного [Spina 2007: 107]; что же касается формы *detti*, то она появляется только у Пульчи и Макиавелли, а у более ранних авторов их нет [D'Ovidio 1911: 183–188]. Таким образом, данный этап можно отнести к XV в.

III. Суффикс *-ett-* распространяется в I спряжение в ряде италороманских диалектов. Здесь мы согласны с периодизацией Спины, где этот этап идет под номером V (см. выше).

Кроме того, мы считаем нужным сделать следующее уточнение. Судя по приводимым Р. Спина данным, первыми примерами появления суффикса *-ett-* являются формы 3.S. и 3.Pl., но не 1.S. Это согласуется с наблюдениями Д'Овидио, отмечавшего, что существуют диалекты, где суффикс *-(e)tt-* присутствует либо только в форме 3.S., либо еще в форме 3.Pl., но нет данных о том, что в каком-либо диалекте существует только форма 1.S. с этим суффиксом, а в остальных формах его нет [D'Ovidio 1911: 183–188]. В связи с этим при описании процесса аналогического распространения суффикса *-ett-* представляется более корректным говорить о воздействии форм *stette, stettero* (а не *stetti, stette...*) на образование перфектных форм ряда глаголов II спряжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
2. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 2004.
3. Amedeo L. Teorica dei verbi irregolari della lingua italiana: studio e regole certe per le forme forti del perfetto e participio passato. Saggio di morfologia comparata. Torino, 1877.
4. Blasucci L., a cura di. Dante Alighieri. Tutte le opere. Milano, 1993.
5. Bybee J.L., Slobin D.I. Rules and schemas in the development and use of the English past tense // Language Linguistic Society of America. Volume 58, Number 2, June 1982. P. 265–289.
6. Demattio F. Grammatica storica della lingua italiana — ad uso dei ginnasii e dei candidati allo insegnamento / per Fortunato Demattio. Innsbruck, 1875–1876.
7. D'Ovidio F. Una reliquia grammaticale osca nel vernacolo neolatino del Sannio moderno? // Varietà filologiche. Napoli — Roma, s.d. [1911].
8. Magni E. L'organizzazione dei paradigmi nella flessione rizotonica e il passato remoto di avere e sapere in italiano // Rendiconti Morali dell'Accademia dei Lincei, 1997, 8. P. 119–146.
9. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Fonetica. Torino, 1966.
10. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Morfologia. Torino, 1968.
11. Spina R. L'evoluzione della coniugazione italoromanza. Uno studio di morfologia naturale. Catania, 2007.

REFERENCES

1. Bourciez E. *Osnovy romanskogoazykoznaniya* [Foundation of Romance philology]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1952. 672 p. (In Russ.).
2. Ernout A. *Istoricheskaya morfologiya latinskogo yazyka* [Historical morphology of Latin]. Moscow: URSS, 2004. 318 p. (In Russ.).
3. Amedeo L. *Teorica dei verbi irregolari della lingua italiana: studio e regole certe per le forme forti del perfetto e participio passato. Saggio di morfologia comparata*. Torino: Camilla e Bertolero, 1877. 40 p.
4. Blasucci L., a cura di. *Dante Alighieri. Tutte le opere*. Milano: Sansoni editore, 1993. 941 p.
5. Bybee Joan L., Slobin Dan I. *Rules and schemas in the development and use of the English past tense* // Language Linguistic Society of America. Volume 58, Number 2, June 1982. P. 265–289.
6. Demattio F. *Grammatica storica della lingua italiana — ad uso dei ginnasii e dei candidati allo insegnamento / per Fortunato Demattio*. Innsbruck: Libreria accademica Wagner, 1875–1876. 123 p.
7. D'Ovidio F. *Una reliquia grammaticale osca nel vernacolo neolatino del Sannio moderno? // Varieta' filologiche: scritti di filologia classica e di lingua italiana*. Napoli: A. Guida, 1911. 314 p.
8. Magni E. *L'organizzazione dei paradigmi nella flessione rizotonica e il passato remoto di avere e sapere in italiano* // Rendiconti Morali dell'Accademia dei Lincei, 1997, 8. Roma: Bardi Editore. P. 119–146.
9. Rohlfs G. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Fonetica*. Torino: Einaudi, 1966. 520 p.
10. Rohlfs G. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Morfologia*. Torino: Einaudi, 1968. 399 p.
11. Spina R. *L'evoluzione della coniugazione italo-romanza. Uno studio di morfologia naturale*. Catania: ED.IT, 2007. 232 p.

Поступила в редакцию 29.09.2022;
принята к публикации 28.11.2022;
отредактирована 12.12.2022

Received 29.09.2022;
accepted 28.11.2022;
revised 12.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Миляева Ирина Николаевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; italrudn@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Milyaeva Irina Nikolaevna — Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; italrudn@mail.ru

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ В НАУКЕ О ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА. ЧАСТЬ 2¹

Л.О. Чернейко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; avollis@mail.ru*

Аннотация: Вторая часть статьи посвящена феномену удивления, значимому для изучения читательского восприятия художественного текста (ХТ) и для понимания остраннения не только как литературного приема, но и как определенного состояния сознания читателя. В неоднозначной трактовке современной психологией этого состояния психики человека, взятого в статусах и базовой эмоции, и интеллектуальной оценки, нет противоречия, поскольку попытка понять мир сопровождается переживанием интенционального предмета, если не начинается с него. Однако новое, неведомое, будучи объектом-причиной удивления как интеллектуально-когнитивного состояния сознания, вызывает у разных людей прямо противоположные эмоциональные реакции — приятнь (приятие вплоть до восторга) и неприятнь (неприятие вплоть до раздражения). Именно эти эмоциональные эпифеномены удивления могут служить аргументом для разграничения рассматриваемого интеллектуального состояния на «удивление+», когда новое вызывает эмоциональное приятие и интеллектуальный интерес, и «удивление–», когда новое вызывает эмоциональное неприятие, не оставляющее места когнитивным устремлениям разума. Речевые примеры эмоциональной амбивалентности удивления представлены и в русском, и в других языках. Особое внимание уделяется связи понятия «удивление» с понятием «остраннение», а также их связи с авторской позицией. У становления текста есть и когнитивно-эстетическая причина, состоящая в осмыслении автором жизни через удивление в его двух ипостасях — приятии и отторжении (как правило, в их сложном переплетении), и формально-эстетическая цель, подтверждаемая черновиками. Изучение материала позволило прийти к выводу, что удивление автора (в любой из авторских художественных ипостасей) с его диаметрально противоположными эпифеноменами является причиной остраннения как вербально-композиционного воплощения этого модуса сознания в ХТ. При этом доминирует «удивление–» и адекватный ему прием остраннения в заданном рамках этого вида удивления языковом воплощении.

Ключевые слова: художественная форма; лирическая эмоция; модус сознания; удивление; деструктивное удивление; остраннение; перцепция; ре-
цепция

---

¹ См.: Чернейко Л.О. Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 85–99.

Для цитирования: Чернейко Л.О. Читательское восприятие в науке о литературе: к истории и теории вопроса. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 89–98.

READER'S PERCEPTION IN LITERATURE STUDIES: TOWARDS THE HISTORY AND THEORY OF THE QUESTION. PART 2

Liudmila Cherneyko

Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract: The second part of the article is devoted to the phenomenon of surprise, which is significant for studying the reader's perception of a literary text (CT) and for understanding estrangement (ostrannenie) not only as a literary device, but also as a certain state of the reader's consciousness. In the ambiguous interpretation of this state of the human psyche, taken in the status of both basic emotion and intellectual assessment, by modern psychology, there is no contradiction, since an attempt to understand the world is accompanied by the experience of an intentional object, if it does not begin with it. However, the new, the unknown, being the object-cause of surprise as an intellectual-cognitive state of consciousness, induces opposite emotional reactions in different people — like (acceptance up to delight) and hostility (rejection up to irritation). It is these emotional epiphenomena of surprise that can serve as an argument for distinguishing within the considered intellectual state «surprise+», when the new causes emotional acceptance and intellectual interest, and «surprise–», when the new causes such emotional rejection that leaves no room for the cognitive aspirations of the mind. Speech examples of the emotional ambivalence of surprise are presented both in Russian and in other languages. Particular attention is paid to the connection between the concept of 'surprise' and the concept of 'estrangement' (ostrannenie), as well as their connection with the author's position. The formation of the text also has a cognitive-aesthetic reason, which consists in the author's understanding of life through surprise in its two forms — acceptance and rejection (as a rule, in their complex interweaving), and a formal-aesthetic goal, confirmed by drafts. The study of the material made it possible to come to the conclusion that the surprise of the author (in any of the author's artistic incarnations) with his diametrically opposed epiphenomena is the reason for the estrangement as a verbal-compositional embodiment of this mode of consciousness in CT. At the same time, «surprise–» dominates and the method of estrangement adequate to it in the linguistic embodiment given within the framework of this type of surprise.

Key words: artistic form; lyrical emotion; mode of consciousness; surprise; destructive surprise; estrangement (ostrannenie); perception; reception

For citation: Cherneyko L. (2023) Reader's Perception in Literature Studies: Towards the History and Theory of the Question. Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 89–98.

3. Амбивалентность эпифеномена удивления

3.1. Удивление как особое состояние сознания всегда вызвано несоответствием наблюдаемого ожидаемому, сущего должному, оставляющим в сознании субъекта след в виде сильного впечатления, переживания. В психологии нет единогласия в понимании этого сложного состояния: одни считают удивление базовой эмоцией, другие — интеллектуальной оценкой. Но в этих подходах нет противоречия, поскольку когнитивная деятельность сознания, будучи интеллектуальной, непременно окрашена эмоционально по той причине, что попытка понять мир непременно сопровождается его переживанием, если не начинается с него.

Специфика когнитивно-эмоционального состояния удивления определяется его амбивалентностью, обусловленной онтологией неизвестного, которое и манит (одних), и пугает (других), а может пугать и манить одновременно. Желание разума постичь неизвестное, понять его сопровождается, таким образом, двумя противоположными по знаку оценки эмоциональными эпифеноменами — условно говоря, приятием вплоть до восторга («удивление+») и неприятием, раздражением («удивление-»). Непонятное, неясное, неожиданное как каузаторы интеллектуального состояния удивления имеют разные эмоциональные эпифеномены: удивление со знаком «+» если и не ведет к интеллектуальному порыву, определяющему желание понять, разобраться, узнать доселе неведомое, то, по крайней мере, не вызывает неприятие непонятного и непонятого, тогда как «удивление-» вызывает отторжение неведомого, раздражение из-за столкновения с ним. Такое удивление агрессивно по своей природе. Два типа удивления в полной мере относятся ко всему тому, что непонятно человеку в его мире, и неважно, новое это или привычное, «старое». И художественное произведение не является исключением.

Речевые примеры амбивалентности этого психоэмоционального состояния представлены как в русском (*Я был приятно/неприятно удивлен*), так и в других языках. Во французском и в английском существуют абсолютные семантические эквиваленты этого русского предложения: *J'ai été agréablement/désagréablement surpris* и *I was (un)pleasantly surprised*. Обе эти формы возможны только в нарративе. В актуальном настоящем удивление как особое состояние, которое субъект речи испытывает в данный момент, выражается в таких перформативных высказываниях, как *Удивлен*, *Меня удивляет*, *Я вам удивляюсь*, выражающих, как правило, несогласие с собеседником и даже скрытое осуждение и сопровождающихся мимическим жестом — движением бровей, пожатием плечами. Что касается

«удивления+», то перформатив *Приятно удивлен* относится к этикетным формулам. Таким образом, удивление есть состояние сознания, обусловленное отступлением воспринимаемого явления (предмета, состояния природы и социума) от сложившихся в культуре стереотипов и норм как тех мер, которые разум прилагает к миру. Что касается современной русской речи, то в ней состояние удивления связывается с отрицательным эпифеноменом: *Как же я был в хорошем смысле удивлен, что она* (внучка известного артиста — Л. Ч.) *не очень похожа на большинство журналистов* (7 дней. 2021, № 11, с. 9).

Что касается художественного произведения, то одним из стимулов к его созданию может быть удивление перед самой жизнью и текстом как ее эстетически значимым артефактом. При этом удивление может сопровождаться эмоцией приятия неожиданного и даже интеллектуальным восторгом перед ним, стимулирующим познание, либо его отторжением, проявляющимся в раздражении.

Второй важный вопрос касается связи удивления как модуса сознания с феноменом остраннения. Если остраннение увидено В. Шкловским (у него — «остранение») и интерпретировано им исключительно как литературный прием, то понятие «удивление» известно со времен античности (а может быть, и раньше). Аристотель в «Метафизике» уделил достаточно много внимания этому состоянию сознания. Он, в частности, писал, что «удивление побуждает людей философствовать», что удивление обусловлено непониманием (у Аристотеля — «недоумением»), что «недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим», что «все начинают с удивления» и что «миф создается на основе удивительного» [Аристотель 1976: 69]. И к знанию, по Аристотелю, стремятся «ради понимания»: «Всем, кто еще не усмотрел причину, кажется удивительным, если что-то нельзя измерить самой малой мерой» [Там же, 70]. И методологически важное замечание: «У нас есть знание тогда, когда мы познаем причины» [Там же, 93]. Удивление с его диаметрально противоположными эпифеноменами и является причиной остраннения как вербально-композиционного воплощения этого модуса сознания. Остается ответить на вопрос, какого типа удивление как интеллектуально-эмоциональный субстрат остраннения является доминирующим в литературном произведении и возможна ли типология остраннения (она представлена в [Чернейко 2022]).

Возвращаясь к способам изучения читательского восприятия ХТ, следует добавить, что без изучения материи произведения, его формы (слово в его разных значениях, сочетаемость значений, принцип построения текста и его ритм) обобщение статистических результатов экспериментального изучения чтения оказывается «одно-

боким», тогда как изучение структуры текста специалистами является фоном для постижения специфики его восприятия читателем в определенный момент развития культуры. Кроме того, Аристотель считал, что «математической точности следует требовать не для всех предметов, а лишь для нематериальных» [Аристотель 1976: 98]. Оставляя математикам оценку истинности этого суждения, применительно к анализу текста (любого — научного, политического, а не только ХТ) можно сказать, что лингвистика текста должна сосредоточиться на выявлении частотности в первую очередь его ключевых смыслов и определении смысловой доминанты, а «ключевые слова» в их текстовых синонимических рядах представляют собой материальную основу главного поиска — смысла методом «симптоматической статистики».

3.2. У каждого артефакта есть материал, создатель, причина и цель. Специфика ХТ, как известно, состоит в том, что текст, по выражению Г.-Г. Гадамера, «сам себя зиждет» [Гадамер 1991: 142]. Следует отметить, что философ ведет речь о стихотворном тексте, но и прозаический текст автореферентен: смысл текста читателем выводится из него самого, а не из «фундирующей» его действительности, и жизненный материал в нем автором не отражен и даже не отображен, а преображен раскрытием (иногда умелым сокрытием²) собственных переживаний «вещества жизни» в разнообразии его материального воплощения в формах. Поэтому попытка осмысления фактов жизни автором — это процесс становления текста. Достаточно взглянуть на черновики ХТ. Так что у становления текста есть и когнитивно-эстетическая причина, состоящая в осмыслении автором жизни через удивление в его двух ипостасях — приятии и отторжении (как правило, в их сложном переплетении), и формально-эстетическая цель, подтверждаемая черновиками.

В эссе уже упоминавшегося в первой части статьи философа сказано, что созданный им текст — это «откровение самому себе» и что возникал он в виде «вспышек самосознания» [Кувакин 1993: 7]. Цель обнародования откровений в их текстовом оформлении автор связывает с «потребностью» сообщить другому «о найденном, увиденном в глубине духа», а причину оформления определяет как «опознание неизвестного» [Там же]. И все мы, как пишет Кувакин, «метафизически незащитны перед неизвестным», а «неизвестное намекает на многое» [Там же, 169]; неизвестность «коррелирует с самим бытием мира» онтологически, с процессом его познания — гносеологически и с системой «ценностных иерархий бытия» — ак-

² О сложных отношениях искусства, автора и читателя писал О. Уайльд в Предисловии к «Портрету Дориана Грея»: «Раскрыть людям себя и скрыть художника — вот к чему стремится искусство» (пер. М. Абкиной).

сиологически [Там же, 167]. У человека и потребность в неизвестности, желание ее «схватить», познать, понять, и страх перед ней, как перед бездной, бегство от нее [Там же, 165]. Таким образом, неизвестность как онтологическая база психологического состояния человека амбивалентна по своей сути и наделяет этим свойством удивление. Энтелехия как «единое в бытии» дает разные ХТ и определяет различия в восприятии одного и того же текста разными читателями. Удивление перед миром, испытываемое автором, рождает художественное произведение. Удивление, вызванное художественным произведением как артефактом культуры, так же креативно, поскольку оно в каждом читателе рождает новое самостоятельное целое — такой метатекст, который, имея герменевтический статус, становится предметом эмпирического познания в науке о литературе.

4. К вопросу об острани(н)ении как речемыслительной категории (модусе сознания) и как литературном приеме

После такой фундаментальной работы, как монография австрийского искусствоведа Оге А. Ханзен-Лёве, посвященная глубокому и всестороннему анализу русского формализма и, в частности, принципа остраннения (в тексте автора — «остраниения»), найти что-то новое в решении этой проблемы кажется невозможным, хотя в предисловии сказано, что соотношение теории и практики в формализме представляет собой «теоретическую целину» [Ханзен-Лёве 2001: 9]. Предлагая понимать остраннение не просто как изолированный художественный прием, а более широко — как «ноэтический принцип», который мотивирует не только «художественный процесс», но любой вид интеллектуальной активности сознания, особенно в отношении к новизне явленного, автор, тем не менее, сводит его к достаточно банальной вещи: остраннение «стоит за всеми актами теоретического и практического любопытства» [Там же, 12].

Можно провести прямую параллель с тем, что сказано почти век назад в отечественной филологии: «Если на минуту сбросить шоры да посмотреть *наивно* вокруг, тогда замечаешь вещь, которая в первую минуту поражает», а в «качестве элемента гениальности» выступает «простая *догадка*» [Энгельмейер 1914: 135]. Но и «любопытство», и «догадка» превращают проблему соотношения удивления и остраннения в дискуссионную: что чему предшествует. Так, В. ван Пир считает, что «остраниение делает наше повседневное восприятие странным, и странность (по крайней мере, поначалу) нас удивит.

<...> Наш прогноз: читателей удивят остранные фрагменты»³ [W. van Peer 2021].

Представляется, что в этой формулировке неправомерно совмещены две позиции — восприятие мира любым наблюдателем и восприятие художественного произведения, текста читателем: остранные фрагменты способны удивить читателя, но остранение как модус сознания автора в роли наблюдателя мира базируется на удивлении, порождаемом широко понимаемым восприятием, включающим в себя и перцепцию как биологическую способность реагировать на мир, и рецепцию, т. е. восприятие, обусловленное культурно значимым контекстом со своей, присущей конкретной эпохе и/или определенному социуму данной эпохи системой ценностных ориентиров.

Как справедливо пишет К. Гинзбург, текст Шкловского «Искусство как прием» и «по сей день несколько не утратил своего молодого напора» [Гинзбург], а «обаятельное нахальство» текста (так он им квалифицируется), связано, как представляется, с небрежностью в отношении к текстовому материалу и с пренебрежением к такому субстрату его формы, как психологизм характеров и состояний персонажей. Такой формализм, как считает Выготский, «без психологических объяснений оказался не в состоянии правильно учесть действие художественной формы» [Выготский 1997: 78]. К. Гинзбург, подчеркивая познавательный потенциал остраннения, точно определил его ценность в таких словах: «остранение представляет собой эффективное средство противодействия тому риску, которому подвержены все мы: риску принять реальность (включая сюда и нас самих) за нечто самоочевидное, само собой разумеющееся» [Гинзбург]. Для современной когнитивной науки о литературе рассматривать концепцию В. Шкловского вне ее критики Л.С. Выготским, психологом и литературоведом одновременно, и К. Гинзбургом, историком и философом, представляется делом не только бесперспективным, но и ненаучным.

Вместо заключения

Современная наука о литературе, оформившаяся как когнитивная поэтика, задает такой вектор исследования «формо-содержания» произведения словесного искусства, который требует от исследователей ответа на простой вопрос Выготского «Прием чего?», возникший у него в связи со статьей В. Шкловского «Искусство как прием», и предполагает комплексный подход к реконструкции картины мира

³ “*Ostranenie* is making our everyday perceptions strange, and strangeness will (initially, at least) surprise us. So here we have a starting point: we predict that readers of *ostranenie* passages will be surprised” (перевод мой — Л.Ч.).

как автора, взятого в статусах личности и персонажа (resp. «повествовательной инстанции» — автора, повествователя, рассказчика, персонажа), так и читателя через изучение его восприятия текста.

Проделанное исследование ставило две основные цели: дать краткую историю изучения оппозиции «ХТ — читатель» в отечественной науке о литературе и провести демаркационную линию между понятиями «удивление» и «остраннение» (подробно о проблеме остраннения и его типологии см. [Чернейко 2022]). Отечественная традиция изучения художественного произведения отстаивает позицию, согласно которой литературный прием не может изучаться только как форма, взятая в отрыве от ее связи с психологическим субстратом — определенными модусами сознания (и подсознания как его «подвала») а) автора художественного произведения, б) персонажей и в) реального читателя (для автора в статусе «портрет адресата»).

Деструктивное остраннение (узко понимаемое, но широко представленное как прием в художественных текстах, особенно в современных) есть везде, где восприятие реального феномена (предмета, ситуации, идеи) конфликтует либо с мыслью о нем, застывшей в такой логической модели, как понятие, либо со сложившимися стереотипами восприятия, выражающимися в коннотациях феномена для говорящего и в коннотациях имени феномена для слушающего. При этом и логика понятия, и мифология представлений, связанных с интенциональным предметом (феноменом), одинаково принадлежат конкретной культуре, одинаково выражаются в сочетаемости его имени, однако в сочетаемости разного типа: свободная сочетаемость имени воспроизводит логику мира, а несвободная, связанная — его мифологию.

Что касается изучения восприятия художественного произведения читателем, то, как представляется, Л.С. Выготскому принадлежит пальма первенства и в формулировании основных положений современного эмпирического изучения литературы: 1) «пользование произведениями искусства в каждую эпоху имеет свой особый характер» [Выготский 1997: 52]; 2) «мы не только по-разному толкуем художественные произведения, но и по-разному их переживаем» [Там же]; 3) «лирическая эмоция» есть «специфическая эмоция художественной формы» [Там же]; 4) необходимость критического отношения к доказательной силе «большинства голосов» в экспериментальной эстетике [Там же, 78]; 5) «всякий прием (критика приема «остранения» В. Шкловского — Л.Ч.) есть не самоцель, а получает смысл и значение в зависимости от того общего задания, которому он подчинен» [Там же, 70]. Рецептивной основой такого произведения искусства, как художественный текст, является при-

сущая ему «лирическая эмоция», на которую читатель реагирует переживанием, определяющим его понимание произведения и эстетическое отношение к нему.

Остраннение как художественный прием и стоящий за ним психологический страт в виде деструктивного удивления вписываются в мифологическое пространство «переживаемого» социумом мира культуры в целом и отдельного произведения искусства читателем. А рецептивная эстетика на современном этапе развития цивилизации имеет технические возможности объективной оценки влияния искусства на зрителя, слушателя, читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения в 4 томах. Т. 1. М., 1976. С. 65–367.
2. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1997.
3. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. *Гинзбург К.* Остранение: Предыстория одного литературного приема // НЛО. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).
5. *Квакин В.А.* Личная метафизика надежды и удивления: Записки о неизвестности, человеческом и нечеловеческом, о вероятной и невероятной России. М., 1993.
6. *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.
7. *Чернейко Л.О.* Острые вопросы вокруг *остран(н)ения* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 2. С. 127–139.
8. *Энгельмейер П.К.* Эврология, или всеобщая теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т. У. Ч. 2. Харьков, 1914. С. 131–160.

СЛОВАРИ

9. *ЛЭС* Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
10. *ЛЭТП* Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. URL: <https://www.academia.edu/37372082/> (дата обращения: 12.07.2021).
11. *СЛТ* Словарь литературных терминов. Литературная энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1925. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (дата обращения: 20.07.2021).

REFERENCES

1. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics] // *Sochineniya v 4 tomah* [Works in 4 volumes]. Т. 1. М.: Mysl', 1976. P. 65–367.
2. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1997.
3. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 368 p. (In Russ.).
4. Ginzburg K. *Ostranenie: Predystoriya odnogo literaturnogo priema* [Defamiliarization: The backstory of a literary technique] // NLO. 2006. № 80. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (accessed: 15.03.2019).
5. Engel'meier P.K. *Evrologiya, ili vseobshchaya teoriya tvorchestva* [Eurology, or the Universal theory of creativity]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva. T. 5.* [The

- questions of theory and psychology of creativity. Vol. 5]. Khar'kov: Publ. Mirnyi trud, 1914, pp. 131–160.*
6. Hanzen-Lyove Oge A. Russkij formalizm: Metodologicheskaya rekonstrukciya razvitiya na osnove principa ostraneniya [Russian formalism: Methodological reconstruction of development based on the principle of defamiliarization]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. 672 p.
  7. Chernejko L.O. Ostrye voprosy vokrug ostraneniya [Urgent issues round ostran(n)enie // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology]. 2022. № 2. P. 127–139.
  8. Van Peer W. Some Progress in Literary Studies: 'Ostranenie' and Beyond. — Manuscript of the article for the Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology]. 2021.

DICTIONARIES

9. Literaturnyj enciklopedicheskij slovar' [Literary encyclopedic dictionary]. M.: Sov. enciklopediya, 1987.
10. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literary encyclopedia of terms and concepts]. M.: NPK «Intelvak», 2001. URL: <https://www.academia.edu/37372082/> (retrieval date: 12.07.2021).
11. Slovar' literaturnyh terminov. Literaturnaya enciklopediya [Dictionary of literary terms. Literary encyclopedia.]. V 2 t. T. 2 [in 2 v. V. 2]. M.; L.: Izd. Frenkelya, 1925. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/> (retrieval date: 20.07.2021).

Поступила в редакцию 01.09.2022,
принята к публикации 22.11.2022,
отредактирована 25.11.2022

Received 01.09.2022,
accepted 22.11.2022,
revised 25.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Чернейко Людмила Олеговна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: avollis@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Cherneyko Liudmila — Prof. Dr., Department of Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: avollis@mail.ru.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ПОСВЯЩЕНИЕ, П.А. ПЛЕТНЕВ И «ПУШКИНСКИЙ КРУГ»

Д.П. ИВИНСКИЙ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru*

Аннотация: Изучение литературных отношений всегда затруднено нехваткой прямых свидетельств или их ненадежностью, отсутствием полной картины литературной жизни. В подобных ситуациях приходится заниматься воссозданием историко-литературного и биографического контекста, отделяя факты, выдержавшие перекрестную проверку, от сведений, которые такой проверке не могли быть подвергнуты или ее не выдержали. Все это оказывалось тем более существенно, если на каком-то этапе развития литературных отношений происходил переход на уровень, достаточный для обсуждения специфической включенности литераторов в «невидимые» или по крайней мере скрытые от непосвященных процессы, обуславливающие не только те или иные особенности литературной жизни, но и образы литературной истории и идеологии литературы. Именно такой представляется история литературных отношений А.С. Пушкина и П.А. Плетнева, содержащая в себе нечто сугубо нетривиальное. В самом деле, небольшому поэту и не слишком влиятельному литературному критику вдруг оказывается посвящен роман «Евгений Онегин», одно из главных произведений Пушкина, а вместе с тем и русской литературы периода ее расцвета. Тот факт, что именно Плетнев выступил доверенным издателем романа в стихах, представляется важным, но недостаточным для объяснения пушкинского решения. Другим, собственно литературным контекстам данного казуса посвящена настоящая заметка: в ней ставится вопрос о Плетневе как об одном из прототипов Ленского, а вместе с тем рассматривается рецензия Плетнева на сборник стихотворений Е.А. Баратынского, в которой содержатся все мотивы пушкинского Посвящения и которая была ориентирована на выдвинутый в «Евгении Онегине» образ истории русской литературы.

Ключевые слова: Пушкин; Плетнев; Дельвиг; Баратынский; «Евгений Онегин»; «Северные цветы»; история русской литературы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-99-116

Для цитирования: Ивинский Д.П. Из комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Посвящение, П.А. Плетнев и «пушкинский круг» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 99–116.

FROM A COMMENTARY TO *EUGENE ONEGIN*
BY A.S. PUSHKIN: DEDICATION, P.A. PLETNEV
AND ‘PUSHKIN CIRCLE’

Dmitriy Ivinskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

Abstract: The study of literary relations is always hampered by the lack of direct evidence or their unreliability and the lack of a complete picture of literary life. Thus, it is necessary to reconstruct the historical, literary and biographical contexts by separating the facts that have stood the cross-check from the information that has not been verified. It is even more significant in cases when the specific involvement of writers in ‘invisible’ or at least implicit processes is discussed — it could determine not only some certain features of literary life, but also the images of literary history and ideology of literature. This is exactly how the history of literary relations between A.S. Pushkin and P.A. Pletnev seems to contain something purely non-trivial. Indeed, Pushkin rather unexpectedly dedicated the novel *Eugene Onegin* to a minor poet and a literary critic of little influence. The fact that it was Pletnev who acted as the trusted publisher of the novel in verse seems important, but not sufficient enough to explain Pushkin’s decision. This paper is devoted to other literary contexts of this case: it examines Pletnev as one of the prototypes of Lensky. Moreover, we analyze Pletnev’s review of the collection of poems by E.A. Baratynsky, which contained all the motives of Pushkin’s Dedication and was focused on the image of the history of Russian literature as it was presented in *Eugene Onegin*.

Key words: Pushkin; Pletnev; Delvig; Baratynsky; *Eugene Onegin*; *Northern Flowers*; history of Russian literature

For citation: Ivinskiy D. (2023) From a Commentary to *Eugene Onegin* by A.S. Pushkin. Dedication, P.A. Pletnev and ‘Pushkin Circle’. *Lomonosov Philology Journal. Seriya 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 99–116.

Текст Посвящения с датой 29 декабря 1827 г. и адресацией Плетневу на отдельном листе впервые появился в первом издании четвертой и пятой глав романа, причем было не вполне ясно, относится это посвящение ко всему тексту «Евгения Онегина» или только к этим двум новым на тот момент его главам: на титульном листе значилось лишь «Евгений Онегин, роман в стихах» [Пушкин 1828]¹. В первом отдельном издании романа Посвящение было отнесено в примечания и предварено кратким разъяснением: «Четвертая и пятая Главы вышли в свет, со следующим посвящением П.А. Плетневу <...>»; дата отсутствовала [Пушкин 1833: 268–269]. Итак, не роман в целом, а две указанные главы посвящены Плетневу. Только

¹ Ср., впрочем: «Сии две песни посвящены Г-ну Плетневу» [Погодин 1828: 393].

в третьем (втором отдельном) издании Посвящение заняло привычное нам место и недвусмысленно оказалось отнесено именно ко всему тексту романа в стихах, но уже не только без даты, но и без имени Плетнева [Пушкин 1837].

Причины такого последовательного снижения уровня присутствия Плетнева в тексте романа неизвестны. Можем лишь предположить, что Плетнев, никогда не пытавшийся преувеличивать значение пушкинского Посвящения как обращенного к нему лично, сам просил Пушкина сделать нечто подобное, поскольку пушкинские комплименты могли создавать ему некоторые затруднения, связанные с необходимостью выслушивать вопросы и рассуждения и давать какие-то разъяснения тем заинтересованным читателям пушкинского романа, которые входили в плетневский круг общения необязательным образом; не исключаем и того, что он, будучи человеком скромным и умным, воспринял пушкинские комплименты как дружески преувеличенные. Так или иначе, Посвящение было выразительным свидетельством признания не только личных достоинств Плетнева, но и его равноправного положения в пушкинском кружке, которое в дальнейшем будет не раз обсуждаться²; в это же время укрепился социальный статус Плетнева: в конце 1827 г. стало известно, что он — по протекции и при поддержке В.А. Жуковского — приглашен преподавать русский язык великим княжнам Марии и Ольге Николаевнам и великому князю Александру Николаевичу³.

Плетнев Посвящения неизбежно оказывался включен в смысловое поле романа в стихах, и прежде всего темы Ленского. В.Э. Вацуро показал, что мироощущение и литературные вкусы этого персонажа восходят к тому кругу русских «шиллерианцев», который еще в 1801 г. сплотился вокруг Андрея И. Тургенева и будущих «геттингенцев» (Александра И. Тургенева, А.С. Кайсарова) в Дружеском литературном обществе, обычно воспринимаемом как важнейший эпизод в истории русской «элегической

² Ср., напр.: «<...> надобно было обладать особенными достоинствами, чтобы в такой степени, как он, приобрести уважение и доверие лучших тогдашних писателей. Известно, что Пушкин, Дельвиг и Баратынский, а впоследствии Жуковский и Гоголь отдавали на суд Плетнева новые труды свои, дорожили его советами и замечаниями, поручали ему свои литературные дела, как надежному, твердому в слове, опытному и бескорыстному другу» [Грот 1870: 2].

³ В этой связи, заметим в скобках, можно было бы предположить, что одна из двух первоначально посвященных Плетневу глав романа в стихах, именно четвертая, с «педагогической» «отповедью» Онегина, столь неожиданно прозвучавшей в устах петербургского Дон Жуана, мягко иронически подсвечивала актуальный контекст педагогических занятий Плетнева и при этом не противоречила их нравственно-воспитательному характеру.

школы», сохранившей свое значение вплоть до пушкинского времени включительно. Противопоставленное «вольтерианству» «шил-лерианство» с его «неоплатонизмом», восторженностью, оптимизмом и «энтузиазмом», культом дружбы обусловило «мировоззрение пушкинского поэта». С этим контекстом исследователь соотнес характеристику Ленского в VIII и IX строфах II главы, а вместе с тем показал, что «последние строки» этой VIII строфы «звучат как парафраза философских идей гимна “К радости”», а «то, что Ленский читает Шиллера <...> в свои предсмертные часы, <...> показывает, насколько ясно представлял себе Пушкин источник мироощущения своего героя. Оно определило и систему этических и эстетических ценностей, в пределах которой Ленский реализует себя и как личность, и как поэт». Несмотря на то, что «шиллерианский характер» Ленского «предстает в слегка ироническом свете», он прямо и точно «соотнесен с <...> понятием “schone Seele” — «прекрасной души», которое появится несколько позднее в посвящении “Онегина” в применении к Плетневу и уже в модифицированном виде» [Вацу-ро 1994: 33–34; ср.: Виноградов 1941: 48].

Так тема Ленского-поэта оказалась замкнута на плетневскую, заявленную в Посвящении, а Плетнев оказался единственным поэтом-современником Пушкина, упомянутым в двух первых изданиях «Евгения Онегина» и соотнесенным с Ленским не только на уровне литературных подтекстов, но и на уровне обсуждения фундаментальных основ личности: прекраснотушию в сочетании с простодушием, идеализм и «святая» мечтательность в сочетании с «шиллеровским» оптимизмом и всем уже перечисленным выше⁴. Поскольку же содержание

⁴ Именно так воспринимали Плетнева с его «schone Seele» едва ли не все, кто его знал и о нем писал; так, например, мало или просто несовместимые друг с другом Вяземский и И.С. Тургенев неожиданно (?) сошлись в отзывах о Плетневе. «По трудам своим, по свойству дарования своего и по своей натуре <...>, он никогда не искал и не мог искать быть любимцем большинства, не хотел и не мог действовать на публику, то есть на толпу, самовластно и полнолично. Но тем более дорожил свойствами и качествами его ограниченный круг избранных, который мог вполне оценить его. Им одним доступны были не блистательные, не расточительные, но благонадежные и верные богатства ума и души его. Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза. Но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действий и явлений современной ему литературной эпохи. В общей человеческой жизни на всех ее поприщах встречаются не передовые, а, так сказать, *пассивные* деятели, мало заметные для проходящих, но которых влияние переживает иногда шумные и наступательные действия более отважных подвижников» (впервые: [Вяземский 1866: 154–155; то же: Вяземский, 7: 129–130]. Ср.: «Как профессор русской литературы он <...> искренно любил “свой предмет”, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. <...> Он не внушал студентам никаких преувеличенных чувств

Посвящения переключается *только* с темой Ленского (разумеется, если не считать Автора), Плетнев неизбежно оказывается соотнесен с ним как его прототип или, как минимум, один из них. Данное обстоятельство, насколько нам известно, до сих пор специально не обсуждалось, и неслучайно.

Во-первых, Плетнев вообще нечасто привлекал к себе внимание исследователей и во всяком случае оставался на периферии исследований, затрагивавших «пушкинский круг». Во-вторых, мы практически ничего не знаем о раннем периоде его общения с Пушкиным: обычно предполагается, что знакомство состоялось в последних числах декабря 1816 г., продолжилось не ранее конца 1817 г., поддерживалось (неясно, насколько интенсивно и заинтересованно) до отъезда Пушкина на юг России в первых числах мая 1820 г., возобновилось в 1827 г. [Летопись, 1: 100, 132, 136, 141, 142, 161, 168, 174, 482]. В-третьих, что в данном случае едва ли не более существенно, именно к Плетневу восходит распространенная версия о Кюхельбекере как прототипе Ленского.

В 1896 г. было напечатано письмо Плетнева к Я.К. Гроту от 16 февраля 1848 г., где читалось, в частности, следующее: «В понедельник мы все трое <т. е. Плетнев, М.А. Корф и К.К. Данзас> были у Балабиных. Я прочел там 2-ю главу <“>Онегина<”>. Это подало мне повод рассказать, как мастерски в Ленском обрисовал Пушкин лицейского приятеля своего Кюхельбекера. Когда я рассказал о последнем несколько характеристических анекдотов, Варвара Осиповна <Ба-

---

<...>. Он <...> был очень смирен; но его любили <...> как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде, как друга Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гоголя, как лицо, которому Пушкин посвятил своего Онегина <...>. <...> Кто изучил Плетнева, не мог не признать в нем

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты <...>,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты.

<...> Кроткая тишина его обращения <...> не мешала ему быть пронизательным и <...> тонким; но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства; <...> он в хитрости не нуждался: все, что он желал, — медленно, но неотразимо как бы плыло ему в руки; и он, покидая жизнь, мог сказать, что наслаждался ею вполне, лучше чем вполне — в меру. Такого рода наслаждение надежнее всякого другого; древние греки <...> говорили, что <...> высший дар богов человеку — чувство меры. *Эта* сторона античного духа в нем отразилась <...>; *другие* ему были закрыты. Он не обладал никаким, так называемым, “творческим” талантом; и он сам хорошо это знал: главное свойство его ума — трезвая ясность — не могла изменить ему, когда дело шло о разборе собственной личности. <...> Оживленное созерцание, участие искреннее, незабываемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому — вот весь Плетнев» (впервые: [Тургенев 1869: 1672–1674]). Ср. замечания Я.К. Грота на статью Тургенева [Грот 1870].

лабина> сожалела, что я не составляю записок моей жизни» [Переписка, 3: 384].

На этот текст опирался Ю.Н. Тынянов, выдвигая свою гипотезу о Кюхельбекере как прототипе Ленского, позволившую дополнительно связать Пушкина с самым значительным из «младоархаистов» / «поэтов-декабристов» [Тынянов 1929: 233; Тынянов 1934: 356]. Казалось бы, и источниковедчески, и идеологически все было в полном порядке⁵, тем более что в тексте пушкинского романа нашлись отрывки, которые при желании могли рассматриваться как отсылки к произведениям Кюхельбекера [Тынянов 1934: 357–362]. Однако вскоре выяснилось, что данная гипотеза не была воспринята как адекватная материалу. Сначала М.Л. Гофман заявил об отсутствии видимого сходства Кюхельбекера с Ленским, а вместе с тем проблематизировал саму идею поиска прототипов героев пушкинского романа [Пушкин 1937: 220], потом В.В. Набоков еще более резко высказался о поиске прототипов как о занятии бессмысленном и даже вредном⁶, а к статье Тынянова о Пушкине и Кюхельбекере предложил относиться «с долей скептицизма» [Набоков 1998: 156], позднее Ю.М. Лотман с полной определенностью заявил о неубедительности версии Тынянова⁷, а В.Э. Вацуру, занимавшийся изучением литературных подтекстов образа Ленского, об этой версии не счел нужным даже упомянуть, как и о пушкинских «цитатах» из Кюхельбекера [Вацуру 1994: 33–34].

Вероятно, причины падения версии Тынянова (а вместе с тем ее научные и идеологические контексты) могут стать предметом самостоятельного исследования (ясно, что столь слабо совместимых друг с другом исследователей, каковы только что перечисленные, могли

⁵ Если не считать того обстоятельства, что Кюхельбекер, с его специфической социальной репутацией, вряд ли в полной мере соответствовал ожиданиям поклонников «декабризма»: революционное рыцарство без страха и упрека в нем оборачивалось выходками чудака, не вполне адекватно воспринимавшего реальность. Возможно, именно поэтому сначала Б.В. Томашевский [Томашевский 1956: 551], а потом и Ю.М. Лотман сочли необходимым хотя бы косвенно связать с Ленским героическую фигуру В.Ф. Раевского [Лотман 1983: 184]; ср. его же попытку максимально расширить географию соответствующих проекций: «Первоначальный вариант характеристики значительно более резко определял политическую направленность поэзии Ленского, сближая ее с теми установками, которые настойчиво стремились привить П<ушкину> его декабристские друзья в Петербурге и Кишиневе» [Лотман 1983: 185]).

⁶ «Я категорически против поисков прототипов, поскольку они заменяют истинные, всегда атипические приемы гения» [Набоков 1998: 224].

⁷ «<...> Энергичное сближение Ленского с Кюхельбекером, произведенное Ю.Н. Тыняновым <...>, лучше всего убеждает в том, что попытки дать поэту-романтику в <“Е<вгении> О<негине”> некоторый единый и однозначный прототип к убедительным результатам не приводят» [Лотман 1983: 26–27; ср. там же, 295].

привести к сходным выводам разные соображения); одна из них лежит на поверхности: если Ленский — это Кюхельбекер, то неясно, в чем тогда смысл противопоставления так изображенному Кюхельбекеру... Кюхельбекера же, выведенного в четвертой главе под именем «критика строгого», т. е. в качестве автора статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» [Кюхельбекер 1824], требующего отбросить «убогой» «венок элегии» (единственный жанр, в котором проявил себя Ленский) и «писать оды» (строфы XXXII–XXXIII). У тех немногих посвященных современников наших поэтов, которые знали и произведения Кюхельбекера, и его отношения с Пушкиным, и при этом проявляли хотя бы условный интерес к прихотливой эволюции литературной позиции первого, эта предполагаемая нами (а фактически — Тыняновым и его последователями) пушкинская шуточная, чтобы не сказать шутовская, выходка могла вызвать только недоумение. Утверждая противное, пришлось бы разъяснить ее смысл, причем ориентируясь именно на восприятие этих немногих посвященных; опыты подобного рода нам неизвестны.

Впрочем, Ю.М. Лотман, по неясным причинам считавший стих из элегии Ленского «Что день грядущий мне готовит?» [Пушкин, б: 125] цитатой из стихотворения Кюхельбекера «Пробуждение» (ср.: «Что несет мне день грядущий?» [Кюхельбекер 1820]), заметил по близкому поводу: «Включение в элегию Ленского стиха из ранней элегии Кюхельбекера представляло тонкий полемический ход. Оно было ответом *П<ушкина>* на войну, объявленную Кюхельбекером элегиям» [Лотман 1983: 298]. В чем именно заключалась «тонкость» пушкинской «poleмики», ученый не пояснил, вероятно предполагая, что Кюхельбекер — критик «унылых» элегий, натолкнувшись на текст Ленского, должен был опознать лирическую банальность как «свой» стих и вспомнить, что в возрасте Ленского и даже более позднем («Пробуждение» опубликовано в 1820 г., времени создания пьесы мы не знаем) сам писывал в его духе. Но, во-первых, трудно было Пушкину предполагать, что Кюхельбекер об этом забыл или готов был согласиться с тем, что его более или менее «ранние» стихи (значение которых он вряд ли переоценивал) компрометируют позицию, занятую им позднее. И тем труднее было это предполагать, что в своей статье Кюхельбекер никак не отделял себя от своих литературных современников, оказавшихся в плену элегического слога, ср.: «Теперь спрашивается, выиграла ли *мы*, променяв Оду на Элегию и Послание?»; «Сила? — где найдем ее в большей части *своих* <...> произведений?»; здесь же: «у нас <...>», «*все мы* в запуски

тоскуем <...>» [Кюхельбекер 1824: 34, 36; курсив наш]⁸; ниже нам придется процитировать данный фрагмент более полно. Во-вторых, если мы готовы признать, что стих Пушкина / Ленского о «дне грядущем» действительно был цитатой из Кюхельбекера, то с еще большим основанием мы должны были бы «опознать» в стихах «Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни» «цитату» из «Утра» В.М. Перевощикова (1808), ср.: «Дни первые любви! <...> / Куда, куда вы удалились» [Утро 1808; Бродский 1950: 242]. Между тем в последнем случае невозможно заявить о какой бы то ни было актуальности «источника», и нет никаких оснований ни настаивать на том, что Пушкин об этом «источнике» помнил, ни полагать, что эти или какие-либо иные стихи элегии Ленского Пушкин числил по конкретным авторам: даже если и так, у нас нет ключа к этой конструкции, мы не можем выстроить иерархию подтекстов и понять, что ближе к «фону» или сливается с ним, что проясняется до персонального уровня. По этой причине в настоящее время не может быть пересмотрена традиционная точка зрения, согласно которой он составлял текст Ленского из штампов элегической поэзии (см., в частности: [Бродский 1950: 241–242; Набоков 1998: 450]). Соответствующим образом и в-третьих, попытка генерализации версии Лотмана (прежнему Кюхельбекеру противопоставлен новый, несовместимый не только с литературными современниками, но и с самим собой ветхим), будь она предпринята, оказалась бы откровенно несостоятельной: в самом лучшем случае и довольно неубедительно она задевала бы его лично, но не могла бы скомпрометировать заявленную им позицию. Не случайно в известных нам полемических по отношению к Кюхельбекеру пушкинских набросках другая логика и аргументация [Пушкин, 11: 41, 50, 73; 12: 178]. Единственная тема, которая без натяжек и противоречий позволяет соотнести Ленского с Кюхельбекером, это их вспыльчивость (что было отмечено еще Л.И. Поливановым [Пушкин 1892–1898, 4: 46–47]: вряд ли можно сомневаться в том, что именно анекдоты о вспыльчивости, в т.ч. дуэльной, Кюхельбекера⁹ рассказывал Плетнев в доме

⁸ Сходным образом, Кюхельбекеру непросто было бы предъявить обвинение в чрезмерной строгости к Жуковскому, как это сделал Пушкин в письме к К.Ф. Рылееву от 25 января 1825 г., обсуждая не дошедшее до нас письмо А.А. Бестужева («<...> не совсем соглашаюсь [в] с строгим приговором о Жук<овском>. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Ж<уковский> имел решительное влияние на дух нашей словесности <...>» [Пушкин, 13: 134]); в статье Кюхельбекера это «влияние» недвусмысленно признавалось, Жуковский был назван «преобразователем» русской поэзии [Кюхельбекер 1824: 29].

⁹ К числу наиболее известных принадлежат следующие: 2 мая 1817 г. после ссоры с И.В. Малиновским Кюхельбекер с горячкой попал в больницу, откуда бе-

Балабиных, каким-то образом учитывая их особое отношение к Кюхельбекеру¹⁰.

Существенно и другое: сам Кюхельбекер, отношение которого к пушкинскому роману было сложным и во всяком случае далеким от апологетического¹¹, отнес на свой счет лишь реплику насчет галлицизмов¹², и не случайно: в тексте романа его «присутствие» сводится к более или менее уверенно опознаваемым цитатам из его статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и отсылкам к ней [Лотман 1983: 190, 214, 226, 244–245, 300] и к уже обсужденному нами упоминанию о «критике строгом», авторе все той же статьи об исчерпанности элегического жанра.

Впрочем, в концепции Тынянова, точнее в его понимании природы «Евгения Онегина», содержится нечто существенное: в отличие от многих позднейших исследователей он понимал, что пушкинский роман «не типологический» и что «поэтому вряд ли можно говорить о *type* Ленского»; понимал он и то, что отрицание типологической природы героев романа и, в частности, занимающего нас сейчас Ленского, не ограничивает исследователя кругом прямолинейных идентификаций: «Другой вопрос, каким образом скомбинированы в Ленском черты, дающие простор для литературных “отступлений”» [Тынянов 1929: 223]. С этой точки зрения «бегство» комментатора под спасительную сень «типологии» равносильно признанию неспособности воссоздать смысл романа таким, каким он виделся автору на всех этапах работы над ним и различным группам его современников. А «комбинирование черт» разных людей в одном

жал, чтобы утопиться в пруду Александровского сада; в 1819 г. Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль после его эпиграммы «За ужином объелся я...»; во второй половине 1823 г. Кюхельбекер обиделся на Пушкина, с точки зрения последнего без какой бы то ни было причины [Летопись, 1: 105, 160, 337].

¹⁰ Тетка последнего Анна Ивановна Брейткопф (1751–1823) была некогда дружна с В.О. Балабиной; собственно, Балабины и Кюхельбекеры, а также Глинки, находившиеся в родстве с той же Брейткопф, — один круг, ср., в частности [Смирнова, 1: 40–41].

¹¹ Ср.: «Тысячелетия разделяют меня с Гомером, а не могу не любить его, хотя он и всегда за сценою, не могу не восхищаться свежестью картин его, верно, истинно каждой малейшей даже черты, которую он рисует мне быт древних героев, которую вызывает их из гроба и живых ставит перед глазами моими; ювеналовские, напротив, выходки Байрона и Пушкина заставляют меня презирать и ненавидеть мир, ими изображаемый, а удивляться только тому, как они решились воспевать то, что им казалось столь низким, столь ничтожным и грязным» [Кюхельбекер 1979: 65].

¹² «Появление Тани живо: но нападки на *** не очень кстати (я бы этого не должен говорить, ибо очень узнаю себя самого под этим гиероглифом, но скажу стихом Пушкина ж: “Мне истина всего дороже”»)» [Кюхельбекер 1979: 101]; см. также [Бродский 1950: 290].

образе, о чем говорит Тынянов, должно иметь какой-то смысл, причем внятней если не широкому читателю, то по крайней мере самим носителям этих «черт»: в противном случае придется исходить из того, что Пушкин затеял это «комбинирование» для одного себя, вообще не рассчитывая на адекватное прочтение своего произведения кем бы то ни было. Но данную версию трудно было бы не признать избыточно экзотической.

Пока что заметим, что в смысловом поле образа Ленского рядом с Плетневым Посвящения, перекликающегося с характеристикой Ленского во второй главе, и вспыльчивым Кюхельбекером неизбежно оказывается Дельвиг, причем, в отличие от Кюхельбекера, прямо названный Пушкиным (в данном случае представляется несущественным, что в тексте романа имя Дельвига было полускрыто: Пушкин ограничился одной первой буквой его имени) и соотнесенный не с Ленским — дуэлянтом, исполненным «кюхельбекеровской» вспыльчивости, а с Ленским — поэтом: «Владимир книгу закрывает, / Берет перо; его стихи, / Полны любовной чепухи, / Звучат и льются. Их читает / Он вслух, в лирическом жару, / Как Д<ельвиг> пьяный на пиру» [Пушкин 1828: 23]; ср. [Пушкин, 6: 125]¹³.

Но от Посвящения тянутся нити не только к «элегической школе» и раннему кругу Тургеневых — Жуковского, но и к тексту Плетнева, который содержит *все* мотивы этого Посвящения и который явился в свет почти одновременно с ним. Это небольшая заметка Плетнева о первом сборнике Баратынского [Баратынский 1827], напечатанная в альманахе Дельвига «Северные цветы» за 1828 г. [Плетнев 1827]. Напомним, что данная книжка альманаха была отпечатана около 22 декабря 1827 г. (в этот день появилось первое объявление о ее поступлении в продажу [Летопись, 2, 331]), т. е. *за неделю* до написания Посвящения, датированного Пушкиным 29-м декабря.

Сопоставим.

<p>Не мысля гордый свет забавить, Вниманье дружбы возлюбя <...>.</p>	<p>Нежное сердце и просвещенный разум услаждаются возвышенными чувствованиями дружбы <в цитате из М.Н. Муравьева, которой Плетнев открывает свою статью>.</p>
---	--

¹³ Напомним, что у «лирического жанра» в сочетании с «опьянением» есть вполне почтенный подтекст, обычно не учитывающийся комментаторами: это концепция лирического вдохновения как «трезвого пианства», выдвинутая Буало и известная русским поэтам по крайней мере со времен Ломоносова [Серман 1983: 474].

<p>Хотел бы я тебе пред- ставить Залог достойнее тебя, Достойнее души пре- красной <...>.</p>	<p><1> Все то, что способствует к доставлению вкусу более тонкости и разборчивости, что приводит в совершенство чувствование красоты в искус<с>твах <...> <в цитате из М.Н. Муравьева>. <2> <...> великодушия <...>. <3> <...> волнует душу <...>. <4> <...> привлекательное простодушие <...>.</p>
<p>Святой исполненной мечты <...>.</p>	<p>Пускай разумок <...> отвергает <...>, как ложный или мечтательный, тот образ мнений, который мы нечувствительно принимаем вместе с поэтом <цитата из В.А. Жуковского, которой Плетнев заканчивает свою статью>.</p>
<p>Поэзии живой и ясной <...>.</p>	<p><...> мысли сильные и живые <...>.</p>
<p>Высоких дум и просто- ты <...>.</p>	<p><1> <...> возвышенными чувствованиями <...>. <2> Человек строгой нравственности и высокого лю- бомудрия <...>. <3> Он не увлекся владычеством нынешней европейской поэзии, <...> справедливо порицаемой за изыскан- ность и переувеличение украшений. <4> <...> привлекательное простодушие <...>.</p>
<p>Но так и быть — рукой пристрастной Прими собранье пе- стрых глав <...></p>	<p>В нас примечают противоречие надежд и желаний. Оно-то составляет прелестное разнообразие элегий <...>.</p>
<p>Полусмешных, полупе- чальных <...>.</p>	<p>В его элегиях не уныние, не мечтательность, но <...> раздумье. Может быть, природа создала эту душу для веселости. <...> Иногда близкий к слезам, он их остано-вит и улыбнется; за то и веселость его иногда светится сквозь слезы.</p>
<p>Простонародных, иде- альных, Небрежный плод моих забав <...>.</p>	<p><1> Для поэта элегического, иногда слишком резвого в своих забавах с Грациями <...>. <2> <...> шалость воображения <...>.</p>
<p>Бессониц, легких вдох- новений <...>.</p>	<p><...> вдохновенная музыка, лаская слух, нередко вол-нует душу <...>.</p>
<p>Незрелых и увядших лет, Ума холодных наблю- дений И сердца горестных замет.</p>	<p><1> <...> он не перестает мыслить и каждую свою мысль умеет согреть чувством <...>. Опыты жизни заставляют нас часто углубляться в самих себя. Внима-ние знакомит с тяжелыми тайнами человечества. Мы усиливаемся отогнать от сердца мрачные мысли, но в то же время становимся недоверчивыми к счастью. <2> Пускай рассудок вооружается противу чувства и страсти, производимых в нас стихотворцем <в цитате из Жуковского>.</p>

Итак, весь мотивный комплекс Посвящения — *дружба, прекрасная душа, мечта, высокие думы, простота и нестрота, неразделимые веселость и печаль, поэтические забавы и вдохновения, опыт жизни, ум и сердце* — представляет собой вариацию тематики заметки Плетнева о Баратынском, напечатанной Дельвигом. Если прибавить к этому ряду — в контексте темы Ленского — имя вспыльчивого Кюхельбекера с анекдотами о нем, то ряд этот, значение которого было понятно немногим, замкнется: это полный список поэтов, входивших в конце 1810-х г. в т. н. «союз»; замкнется с выделением именно Плетнева (ему, а не кому-то другому посвящен роман), не «типологическим», а именно — в отношении к Ленскому — прототипическим.

Теперь напомним, что в литературном сознании Пушкина вопрос о Баратынском — элегике был тесно связан с вопросом о Кюхельбекере — критике элегической поэзии. Сохранившийся набросок не завершенной Пушкиным рецензии на все тот же сборник Баратынского, которому посвящена обсуждаемая заметка Плетнева, содержит именно (полу)скрытую полемику с Кюхельбекером: «Первые произв<е>дения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража<тели> Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирическ<ий> и элегическ<ий> должны быть исключены из разрядн<ых> книг поэтической олигархии» [Пушкин, 11: 50]. Вряд ли можно сомневаться в том, что Пушкин увидел в статье Плетнева своего рода ответ Кюхельбекеру — деликатный, почти совершенно скрытый от непосвященных, но вместе с тем вполне адекватный. В статье последнего говорилось:

«Подражатель не знает вдохновения: он <...> принуждает себя пересказать чужие понятия и ощущения. Сила? — Где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? У нас все *мечта* и *призрак*, все *мнится*, и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, *как бы*, *нечто*, *что-то*. Богатство и разнообразие? — Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы запустели тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях. <...> Картины везде одни и те же: *луна*, которая — разумеется — *уныла* и *бледна*, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, пошлые иносказания, бледные,

безвкусовые олицетворения: *Труда, Неги, Покоя, Веселия, Печали, Лени* писателя и *Скуки* читателя в особенности же — туман <...>» [Кюхельбекер 1824: 36–38].

Ср. у Плетнева:

«Надобно ли смотреть на поэзию так же, как смотрят на те произведения ума, которые <...> приближаются к высшему <...> совершенству? Если в ученом сочинении повторение давно известных истин показывает ничтожность писателя: должно ли <...> заключить, что поэт, изображающий знакомые, испытанные чувствования, не производит ничего и не заслуживает отличного внимания? Науки суть плоды опытов <...>, Искусства же составляют одни отзвывы чувственных ощущений, всегда и везде свойственных природе человека. Картины одних и тех же чувствований, как образы людей, до бесконечности могут изменяться. Тибулл и Проперций, Парни и Гёте в своих элегиях разнообразны и разнозанимательны. У каждого из них есть собственный характер, особенное составление мыслей, отличное слияние света и тени, сила и нежность красок. Баратынский показывает большую власть над своим искусством. <...> В его элегиях не уныние, не мечтательность, но (если можно сказать) раздумье. <...> Опыты жизни заставляют нас часто углубляться в самих себя. <...> Мы усиливаемся отогнать от сердца мрачные мысли, но в то же время становимся недоверчивыми к счастью. В нас примечают противоречие надежд и желаний. Оно-то составляет прелестное разнообразие элегии Баратынского. Иногда близкий к слезам, он их остановит и улыбнется; за то и веселость его иногда светится сквозь слезы. Детская чувствительность и ум философа под строгою властью тонкого вкуса, составляют его главный характер» [Плетнев 1827: 306–308].

Последняя фраза очевидным образом перекликается с тем, что Пушкин сказал о Баратынском в своих заметках, напечатанных в том же выпуске «Северных цветов», ср.: «Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах» [Пушкин 1827: 211].

Но и это не все: в статье Плетнева была предъявлена та историко-литературная «рамка», из которой исходил Пушкин в своем романе и которую образуют тексты М.Н. Муравьева (выписка из его оды «Богине Невы» (1794), напомним, сопровождает в примечаниях текст первой главы), и Жуковского, чья «Светлана» (1812) не просто цитируется Пушкиным, но и, как известно, является основным подтекстом сюжета и образа героини романа в стихах. При этом цитата из Жуковского, которой Плетнев закончил свою статью, содержала именно ту идею самодостаточности поэзии, которую не раз повторял Пушкин:

«Пускай рассудок вооружается противу чувства и страсти, производимых в нас стихотворцем; пускай отвергает он как ложный или мечтательный тот образ мнений, который мы нечувствительно принимаем вместе с Поэтом, пускай находит недостойными или чудовищными те характеры, которые, будучи украшены цветами Поэзии, кажутся нам привлекательными и превосходными — все это не принадлежит к стихотворному искусству: оно имеет в виду одно изящное, действует исключительно на одно чувство, остается довольным, если недостаток морально-прекрасного не обратится в совершенно моральное безобразие. Стихотворец исполнил свою должность, как стихотворец; он прав перед судилищем Критики <...>» [Плетнев 1827: 310–311]; ср. [Жуковский 1809: 169].

Ср. в письме Пушкина к Жуковскому от 20-х чисел апреля 1825 г.: «Ты спрашиваешь, какая цель у <“>Цыганов<”> ? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). <“>Думы<”> Рылеева и целят, а всё не в попад» [Пушкин, 13: 165].

Разумеется, плетневский текст лишь частично отражал пушкинский образ истории русской литературы (в заметке Плетнева не было упоминаний ни о Вяземском, которому в романе в стихах было уделено особое внимание и «Коляску» (1826) которого Пушкин счел нужным процитировать в Посвящении, ни о Гнедиче, чью идиллию «Рыбаки» Пушкин цитировал в примечаниях к первой главе, ни о многих других русских поэтах, чье присутствие в «Евгении Онегине» вполне различимо), но все же она позволяла оформить и осмыслить этот образ как идентифицируемый, неслучайный и значимый. Дело было не в том, что альманашная рецензия на поэтический сборник оказалась одним из «ключей» к роману в стихах, предназначенным для небольшого избранного кружка (этот кружок вряд ли нуждался в плетневских «ключах»), а в том, что «романная» историко-литературная схема начала работать независимо от Пушкина, вышла в контекст журнальной критики и уже в этом контексте оформила тему преемственности и единства литературных поколений — от Муравьева к Жуковскому и «шеллингианцам» и далее к Пушкину и Баратынскому. Плетнев оказался одним из тех немногих, кто понял значение этой схемы, и едва ли не единственным литературным критиком, попытавшимся опереться на нее, обсуждая литературный материал, которому Пушкин и его круг придавали особое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баратынский Е.А.* Стихотворения. М., 1827.
2. *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы / 3-е изд., переработанное. М., 1950.

3. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
4. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
5. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896.
6. Вяземский П.А. Памяти П.А. Плетнева // Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М.<П.> Погодиным. М., 1866. С. 153–157.
7. Грот Я.К. Петр Александрович Плетнев. По поводу статьи И.С. Тургенева «Литературный вечер у Плетнева». М., 1870.
8. <Жуковский В.А.> О нравственной пользе Поэзии. (Письмо к Филалету) // Вестник Европы. 1809. № 3. С. 161–172.
9. Ивинский Д.П. Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин. Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994.
10. Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003.
11. Ивинский Д.П. «Механизм стихов», Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Князь П.А. Вяземский и Карл Вильгельм Рамлер // Ostkraft / Литературная коллекция. Научное обозрение. 2021. Т. 4. С. 5–37.
12. Ивинский Д.П. Из комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Энциклопедия» Дидро и Даламбера. 1–2 // Болдинские чтения 2022. Нижний Новгород, 2022. С. 24–38.
13. Кюхельбекер В.К. Пробуждение // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 197.
14. Кюхельбекер В.К. О направлении нашей Поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн.<язем> В.Ф. Одоевским и В.К. Кюхельбекером. Ч. 2. М., 1824. С. 29–44.
15. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1–4 / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.
16. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1983.
17. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Перевод с английского. СПб., 1998.
18. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под редакцию К.Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского университета. Т. 1–3. СПб., 1896.
19. Плетнев П.А. О стихотворениях Баратынского // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 301–311.
20. <Погодин М.П.> Литературные новости // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 3. С. 392–396.
21. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: Т. 1–17. М.; Л., 1937–1959.
22. <Пушкин А.С.> Отрывки из писем, мысли и замечания // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 208–226 (без подписи).
23. Пушкин А.С. Евгений Онегин, роман в стихах <Главы 4 и 5>. СПб., 1828.
24. Пушкин А.С. Евгений Онегин, роман в стихах / 3-е изд. СПб., 1837.
25. Пушкин А.С. Соч. с объяснениями их и сводом отзывов критики. Издание Л.И. Поливанова для семьи и школы / 2-е изд.: В 5 т. М., 1892–1898.
26. Пушкин А.С. Евгений Онегин, роман в стихах / С комментариями М.Л. Гофмана, С.М. Лифаря и Г.Л. Лозинского: Юбилейное издание. Париж, 1937.
27. Серман И.З. Ломоносов и Буало // Cahiers du monde russe et soviétique. 1983. V. 24. № 4. P. 471–482.
28. Смирнова А.О. Записки Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.). Ч. 1–2. СПб., 1895–1897.

29. *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.; Л., 1956.
30. *Тургенев И.<С.>* Литературный вечер у П.А. Плетнева // Русский архив. 1869. № 10. Ст. 1663–1676.
31. *Гынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.
32. *Гынянов Ю.Н.* Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. <Т.> 16–18. М., 1934. С. 321–378.
33. *Перевощиков В.М.* Утро (Посвящено Мальвине) // Цветник. 1809. Ч. 3. № 8. С. 176–182.

REFERENCES

1. Baratynskiy Ye.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Tipografiya Avgusta Semena, 1827.
2. Brodskiy N.L. «Yevgeniy Onegin». *Roman A.S. Pushkina. Posobiye dlya uchiteley sredney shkoly. 3-ye izd., pererabotannoye* [“Eugene Onegin”. Roman A.S. Pushkin. Handbook for Secondary School Teachers. 3rd ed., revised]. Moscow, Uchpedgiz, 1950. 408 p.
3. Vatsuro V.E. *Lirika pushkinskoy pory: «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin’s time: «Elegiac school»]. Sankt-Peterburg, Nauka, 1994. 240 p.
4. Vinogradov V.V. *Stil’ Pushkina* [Pushkin’s style]. Moscow, Goslitizdat, 1941. 620 p.
5. Vyazemskiy P.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 12 t* [Complete Works]. Sankt-Peterburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1878–1896.
6. Vyazemskiy P.A. Pamyati P.A. Pletneva [In memory of P.A. Pletnev]. *Utro, literaturnyy i politicheskyy sbornik, izdavayemyy M.<P.> Pogodinym*. Moscow, Tipografiya L.I. Stepanovoy, 1866, pp. 153–157.
7. Grot Ya.K. *Petr Aleksandrovich Pletnev. Po povodu stat’i I.S. Turgeneva «Literaturnyy vecher u Pletneva»* [Pyotr Alexandrovich Pletnev. Regarding the article by I.S. Turgenev «A Literary Evening at Pletnev’s»]. Moscow, Tipografiya V. Gracheva, 1870.
8. <Zhukovskiy V.A.> O npravstvennoy pol’ze Poezii. (Piš’mo k Filaletu) [On the moral benefits of Poetry. (Letter to Filalet)]. *Vestnik Yevropy*. 1809. № 3, pp. 161–172.
9. Ivinskij D.P. *Knyaz’ P.A. Vyazemskiy i A.S. Pushkin. Ocherk istorii lichnykh i tvorcheskikh otnosheniy* [Prince P.A. Vyazemsky and A.S. Pushkin. Essay on the history of personal and literary relationships]. Moscow, Filologiya, 1994. 173 p.
10. Ivinskij D.P. *Pushkin i Mitskevich. Istoriya literaturnykh otnosheniy* [Pushkin and Mickiewicz. History of literary relations]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury, 2003. 432 p.
11. Ivinskij D.P. «Mekhanizm stikhov», N.M. Karamzin, A.S. Pushkin, Knyaz’ P.A. Vyazemskiy i Karl Vil’gel’m Ramler [«The Mechanism of Verses», N.M. Karamzin, A.S. Pushkin, Prince P.A. Vyazemsky and Carl Wilhelm Ramler]. *Ostkraft. Literaturnaya kolleksiya. Nauchnoye obozreniye*. 2021. T.4, pp. 5–37.
12. Ivinskij D.P. Iz kommentariya k romanu A.S. Pushkina «Yevgeniy Onegin»: «Entsiklopediya» Didro i Dalamberta. 1–2 [From the commentary to the novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”: “Encyclopedia” by Diderot and d’Alembert. 1–2]. *Boldin-skiye chteniya 2022*. Nizhniy Novgorod, *Nizhegorodskiy Gosudarstvennyy universitet*, 2022, pp. 24–38.
13. Kyukhel’beker V.K. Probuzheniye [Awakening]. *Trudy Vysochayshe utverzhdennogo Vol’nogo obshchestve lyubiteley rossyskoy slovesnosti*. 1820. Chast’ 9. Kniga 2, p. 197.
14. Kyukhel’beker V.K. O napravlenii nashey Poezii, osobenno liricheskoy v posledneye desyatiletie [On the direction of our Poetry, especially lyrical in the last decade]. *Mnemozina, sobraniye sochineniy v stikhakh i proze, izdavayemaya Kn.<cyazem> V.F. Odoyevskim i V.K. Kyukhel’bekerom*. 1824. Chast’ 2, pp. 29–44.

15. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina* [Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin]. Sost. [Comp.] M.A. Tsyavlovskiy, N.A. Tarkhova. T. 1–4. Moscow, Slovo, 1999.
16. Lotman Yu.M. *Roman A.S. Pushkina «Yevgeniy Onegin»*. *Kommentariy. Posobiye dlya uchitelya* [Roman A.S. Pushkin «Eugene Onegin». Comment. A guide for the teacher]. Leningrad, Prosveshcheniye, 1983. 416 p.
17. Nabokov V.V. *Kommentariy k romanu A.S. Pushkina «Yevgeniy Onegin»*. *Perevod s angliyskogo* [Commentary on the novel by A.S. Pushkin «Eugene Onegin». Translation from English.]. Sankt-Peterburg, Iskusstvo, 1998. 926 p.
18. *Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym* [Correspondence of Ya.K. Grott with P.A. Pletnev]. T. 1–3. Sankt-Peterburg, *Tipografiya Ministerstva Putey Soobshcheniya*, 1896.
19. Pletnev P.A. O stikhotvoreniyakh Baratynskogo [About the poems of Baratynsky]. *Severnyye tsvety na 1828 god*. Sankt-Peterburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1827, pp. 301–311.
20. <Pogodin M.P.> Literaturnyye novosti [Literary news]. *Moskovskiy vestnik*. 1828. Cast'. 7. № 3, pp. 392–396.
21. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. T. 1–17. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
22. <Pushkin A.S.> Otryvki iz pisem, mysli i zamechaniya [Excerpts from letters, thoughts and comments]. *Severnyye tsvety na 1828 god*. Sankt-Peterburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1827, pp. 208–226.
23. Pushkin A.S. *Yevgeniy Onegin, roman v stikhakh*: Glavy 4 i 5> [Eugene Onegin, a novel in verse<: Chapters 4 and 5>]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1828.
24. Pushkin A.S. *Yevgeniy Onegin, roman v stikhakh*. 3-ye izd. [Eugene Onegin, novel in verse / 3rd ed.]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1837.
25. Pushkin A.S. *Sochineniya s ob'yasneniyami ikh i svodom otzyvov kritiki*. *Izdaniye L.I. Polivanova dlya sem'i i shkoly*. 2-ye izd.: V 5 t. [Works with Explanations of them and a set of Reviews of Criticism. Edition L.I. Polivanova for family and school]. Moscow, Tipografiya M.G. Volchaninova, 1892–1898.
26. Pushkin A.S. *Yevgeniy Onegin, roman v stikhakh*. *Skommentariyami* M.L. Gofmana, S.M. Lifarya i G.L. Lozinskogo: Yubileynoye izdaniye [Eugene Onegin, a novel in verse. With comments by M.L. Hoffman, S.M. Lifar and G.L. Lozinsky: Anniversary Edition]. Parizh, Типография «Étoile», 1937. 335 p.
27. Serman I.Z. Lomonosov i Bualo [Lomonosov and Boileau]. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1983. V. 24. №4, pp. 471–482.
28. Smirnova A.O. *Zapiski. (Iz zapisnykh knizhek 1826–1845 gg.)* [Memoires. (From the notebooks of 1826–1845)]. Chasti 1–2. Sankt-Peterburg, Tipografiya M. Merkusheva, 1895–1897.
29. Tomashevskiy B.V. *Pushkin. Kniga pervaya* [Pushkin. Book One] (1813–1824). Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 744 p.
30. Turgenev I.<S.> Literaturnyy vecher u P.A. Pletneva [Literary evening at P.A. Pletnev]. *Russkiy arkhiv*. 1869. № 10, pp. 1663–1676.
31. Tynyanov Yu.N. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad, Priboj, 1929. 596 p.
32. Tynyanov Yu.N. Pushkin i Kyukhel'beker [Pushkin and Kuchelbecker]. *Literaturnoye nasledstvo*. <T.> 16–18. Moscow, 1934, pp. 321–378.
33. Perevoshchikov V.M. Utro (Posvyashcheno Mal'vine) [Morning (Dedicated to Malvina)]. *Tsvetnik*. 1809. Chast' 3. № 8, pp. 176–182.

Поступила в редакцию 05.09.2022,
принята к публикации 22.11.2022,
отредактирована 22.11.2022

Received 05.09.2022,
accepted 22.11.2022,
revised 22.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Павлович Ивинский — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dmitrij_ivinskij@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitriyy Ivinskiy — Prof. Dr. Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

“WHAT IS ðER IN PARADIS”: СИМВОЛИКА ДЕТАЛЕЙ РАЯ ЗЕМНОГО И ПОЛЕТЫ НАД НИМ В ПОЭМЕ XIV В. *THE LAND OF COKAÿGNE*

В.Б. Семёнов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, vadsetionov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается поэма XIV в. *The Land of Cokaÿgne*, записанная на среднеанглийском языке в рукописи, связанной с Ирландией. Поэма представляет собой описание небывалой страны, являющейся воплощением Рая земного, и потому одной из целей исследования ее образа стало установление символических значений составляющих его деталей. Упоминание о четырех реках земли Кокейн, о драгоценных камнях, служащих ложем для устья четырех целебных ручьев, о розах и лилиях, украшающих луг подробно описываемого аббатства, и т. д., по мнению автора статьи, связаны с библейскими образами и средневековыми религиозными верованиями, поэтому изображенный Рай земной оказался проекцией и Иерусалима небесного, и Эдемского сада. Этот религиозный подтекст отделяет английскую версию легенды о Кокейн от иноязычных версий, созданных исключительно для развлечения социальных низов, а не адресованных «книжным людям». Автор статьи касается вопроса о месте фрагмента английской поэмы, в котором изображены небесные игры монахов, их фантастический полет над аббатством, центром этой страны. Истоки фантазии анонимного поэта автор видит в знакомстве с английской традицией изображать небесные полеты и с ирландской традицией упоминаний «свидетельств» о наблюдении плывущих по небу лодок. А мотивацию поэта воплотить эту фантазию автор статьи усматривает в берущем начало в староанглийском языке и развившемся в некоторых диалектах среднеанглийского неразличении форм глаголов «летать» и «убегать».

Ключевые слова: Кокейн; утопия; среднеанглийский язык; земной Рай; символ; мотив полета; средневековая поэзия; антифон

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-117-127

Для цитирования: Семёнов В.Б. “What is ðer in paradis”: символика деталей Рая земного и полеты над ним в поэме XIV в. *The Land of Cokaÿgne* // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 117–127.

“WHAT IS ðER IN PARADIS”: SYMBOLISM OF THE DETAILS OF EARTHLY PARADISE AND FLIGHTS OVER IT IN THE POEM OF THE XIV CENTURY *THE LAND OF COKAYGNE*

Vadim Semyonov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vadsemonov@mail.ru

Abstract: The article deals with *The Land of Cokaygne*, the poem of the 14th century recorded in Middle English in a manuscript associated with Ireland. The poem is a description of an unprecedented land, which is the embodiment of the earthly Paradise, and therefore one of the goals of studying its image was to establish the symbolic meanings of its details. The mention of the four rivers of the land of Cokaygne, the precious gems that are the bed for the mouth of the four healing streams, the roses and lilies that adorn the meadow of the abbey described in detail, etc., according to the author of the article, turned out to be associated with biblical images and medieval religious beliefs, therefore, the depicted earthly Paradise seems to be a projection of both the heavenly Jerusalem and the Garden of Eden. This religious connotation separates the English version of the Cokaigne legend from foreign-language versions created solely for the entertainment of the social lower classes, and not addressed to “men of wisdom”. The author of the article touches upon the fragment of the English poem which depicts the heavenly games of the monks, and their fantastic flight over the abbey, the center of this land. The author sees the origins of the anonymous poet’s fantasy in his acquaintance with the English tradition of depicting celestial flights and with the Irish tradition of mentioning ‘evidence’ of boats floating in the sky. The article argues that the poet embodied this fantasy, because the forms of the verbs ‘fly’ and ‘flee’, that originated in the Old English and developed in some dialects of Middle English, were indistinguishable.

Keywords: Cokaygne; utopia; Middle English; earthly Paradise; symbol; motive of flight; Medieval poetry; antiphon

For citation: Semyonov V. (2023) “What is ðer in Paradis”: Symbolism of the Details of Earthly Paradise and Flights over It in the Poem of the 14th Century *The Land of Cokaygne*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 117–127.

В 29-ти милях к юго-западу от Дублина находится деревушка Килдэр. Здесь в первой четверти XIV в. был переписан с утраченного оригинала памятник поэзии на ирландском диалекте среднеанглийского языка — поэма *The Land of Cokaygne*, которая открывает собрание из 16-ти стихотворных текстов, известных как *Kildare poems* (их сохранила рукопись *London, British Library, Harley MS 913*). Это анонимное сочинение известно тем, что впитало различные мотивы, связанные как с литературными, так и с фольклорными традициями средневековья. Большая часть текста поэмы очерчивает контуры утопического места, земного Рая, каким его увидел автор

(общепринятым стало относить его происхождение к западу/юго-западу Англии). Легенда о «стране Кокейн» охватывает западноевропейские литературы Средневековья: в поэзии это и французское фаблио в рукописях XIII в. (*Coquaigne* в *MS Bern, Burgerbibliothek, Cod. 354 (A)* и *F. de Coquaigne* в *MS Paris, Bibliothèque nationale de France, français, 837*), и средненидерландский текст XV в. *Dit is van dat edele lant van Cockaengen* («Это о чудесной стране Кокань») в *London, British Library, MS Add. 10286*, а также предшествовавшая им латинская миниатюра *Ego sum abbas Cucaniensis* («Я аббат Кукании») в *Carmina Burana* (№ 222). А за пределами Средних веков упомянем шванк Ганса Сакса *Das Schlaraffenland* (1530): Шлараффия была скопирована с Кокани/Кукании.

Каждый из упомянутых текстов являет особенное видение райской жизни, хотя все сходятся в изображении этой жизни как беззаботной, сытой и нетрудозатратной. Каждый словно показывает некую ее формулу. Французский вариант представляет жизнь в стране Кокани таким образом, что кажется, будто ее описание адресовано *низу социальных низов*, тем, кому прежде всего нужно наесться и чем-то себя прикрыть. Голодному не до волшебства — и мельком заявленный сказочный мотив разгуливающих по улицам жареных кусочков под белым соусом (позднее его заметит и разовеет Сакс) тонет в перечислениях обыденных блюд, из которых, впрочем, сложены деревенские строения, и вообще разных бесплатных яств; мотив *еды задаром* здесь возникает многократно, на грани самоповтора. Голому и босому не до любви — и автор быстро проскакивает привлеченную им самим тему утопических свободных отношений между полами ради того, чтобы сосредоточиться на детализации той одежды, которую в Кокани можно получить бесплатно.

Голландский аноним старательно следует за французом и, повторяя его формулу счастья, корректирует ее: не столь подробно описаны еда и одежда, кое-где к картине гастрономической утопии добавлены новые штрихи (даже лучи, падающие на дома, — и те из масла: «*Die balkan, die daer in den huse leggen, / Sijn ghemaect van boterwegghen*»; повсеместно льют дожди из сладостей и выпечки: «*Het reghent daer in allen hoecken / Vlادن, pasteyen ende pannekoeken*» [Prietsch 1894: 188–189]). В каждом тексте Кокань явлена местом не только праздности, но и празднований: Пасха, Рождество и прочие церковные праздники — четырежды в год, а пост — редкий и краткий (день в двадцать лет у француза, полдня в сотню лет у голландца). Французский повествователь завершает описательный текст сообщением, что не хочет и не может выбраться из страны Кокань, голландский — почти обрывает текст, свертывая рассказ неожиданным *Amen*.

На этом фоне островная поэма выигрывает. В описании Рая земного, который лучше Рая небесного (ст. 6–8: «Cokaygn is of fairir sizt, / What is þer in paradis / Bot grasse and flure and grene ris?» — «Кокейн выглядит прекраснее. / Что там, в раю, / Кроме травы, да цветов, да зеленых ветвей?»), повышен градус детализации, а большинству деталей сообщен символический характер. Описание начинается с периода, построенного на отрицаниях, и период этот открывается библейским мотивом вечного дня / отсутствия ночи: ст. 26 «Al is dai, nis þer no nizte» (ср. описание Небесного Иерусалима: Откр. 21: 25). Далее перечислены (по ст. 42 включительно) отсутствующие явления: тяготы (печаль, тяжкий труд, раздоры, смерть), опасные звери, требующий ухода домашний скот, портящие жизнь насекомые, виды непогоды и, наконец, слепота (упоминание о ее отсутствии уместно, так как далее речь пойдет о чудесном пейзаже, который стоит хоть раз повидать в жизни земной).

После данного периода, указывающего на *отсутствие* препятствий к беззаботной жизни, следует реестр *наличествующих* благ. Начальный контур райской топографии задают реки (ст. 45–46): «Þer beþ riuers gret and fine / Of oile, melk, honi and wine». Масло, молоко, мед и вино упомянуты не случайно: они более чем свидетельство сытой жизни, поскольку еще и встраивают мир поэмы в библейскую традицию. Из библейского Рая истекают именно четыре реки: Фисон (Ганг), Гихон (Нил), Хиддекель (Тигр) и Евфрат (Быт. 2: 10–14). Интересно, что встраивание в эту традицию осуществлено посредством обращения к апокрифическому тексту — имевшему хождение в Средние века «Апокалипсису от Павла» (гл. 23): «Была там река меда, и река молока, и река вина, и река масла. <...> Река меда зовется Фисон, и река молока — Евфратес, и река масла — Геон, и река вина — Тигрис» [James 1924: 538]. Таким образом, Рай земной преподнесен как квинтэссенция всего земного пространства, его эталонный образец.

Посреди этого рая расположено аббатство «of white monkes and of grei» (цвет, очевидно, указывает на цистерцианцев; в Килдэр самая знаменательная достопримечательность — Серое аббатство, одна из ранних готических построек на территории Ирландии, и на памятном камне рядом с ним указано, что оно «отстроено цистерцианцами, или “белыми монахами”»). Архитектурная идея его, как и домов во французском фаблио, материализована едой: стены аббатства из пирогов с рыбой и мясом, черепица крыши из лепешек, контрфорсами служат жирные колбасы, и т.д. Данный мотив был достаточно широко распространен. А далее описан монастырь на территории аббатства. В связи с его образом в памятнике умест-

но вспомнить вид Небесного Иерусалима в более поздней поэме того же века — знаменитой *Pearl*.

В ней в ст. 989–990 город представлен стенами из *золота, яркого, как стекло*. Мотив явно пришел из Апокалипсиса, где заявлен дважды (Откр. 21: 18–21). Анонимный автор поэмы «Жемчужина» и не скрывал, что следует за св. Иоанном, поэтому точно воспроизвел и список дюжины камней (см. там же), из которых были вытесаны основания стен: *jasper* (яшма), *saffer* (сапфир), *calsydoyne* (халцедон), *emerade* (изумруд), *sardonysse* (сардоникс), *rybe* (рубин; в православной Библии вместо него сердолик), *crysolyt* (хризолит) *beryl* (берилл), *topasye* (топаз), *crysopase* (хризопраз), *jacynghyt* (гиацинт) и *amatyst* (аметист). В Средневековье многие камни из этого списка в поверьях людей были связаны с той или иной полезной в конкретной жизненной ситуации магической способностью (например, освобождение из застенков и избавление от пут) [Heather 1931: 231].

В *The Land of Cokaygne* золотых стен нет, но колонны из хрусталя, а основание стен, как в *Pearl*, из яшмы. И далее следует список каменьев, слегка расширенный относительно приведенного выше: *saphir*, *vniune* (крупная жемчужина), *carbuncle* (карбункул), *astiune* (лунный камень), *smaragde* (изумруд), *lugre* (янтарь), *prassiune* (хризопраз), *beril*, *onix*, *topasiune* (топаз), *ametist*, *crisolite* (хризолит), *calcedun* (халцедон), *epetite* (рубиновая шпинель). Совпадения в списках едва ли случайны. Отличие только в том, что второй список включает в себе камни, служащие не основанием стен, а руслом для каждого из четырех текущих рядом и не иссякающих ручьев с целебными жидкостями: *triacle* (противоядие), *halwei* (вода или мазь, исцеляющая как от отравления, так и от ран), *baum* (бальзам, сваренный из древесных сока или смолы) и *piement* (микстура на основе подслащенного вина со специями).

И едва ли случайно то, что рядом со стенами в обеих поэмах растет чудо-дерево: в *Pearl* — древо жизни, а в *The Land of Cokaygne* — древо, которое символизирует фертильность земли, выраженную через специи. Из специй оно и составлено: корни из имбиря (*gingeuir*) и галангала (*galingale*), стебли из побегов куркумы-зедоария (*sedwale*), цветы из кожицы мускатного ореха (*trie maces*), корой его служит сушеная кора корицы (*rind canel*), а плодами гвоздика (*gilofre*). Это богатство, принадлежащее именно земле Кокейн, а не кому-либо конкретному из ее обитателей. Вокруг древа из специй растут красные розы и белые лилии: «*Per beþ rosis of rede ble / And lilie likful forto se*» (ст. 79–80). *Rosa gallica* и *Lilium candidum* были цветами, связанными с Девой Марией. А для «райского» антуража в данной поэме важно, что розы и лилии часто появлялись на средневековых изображениях Эдемского сада: с Раем они оказались связаны посред-

ством символизации Богородицы, утверждавшей ее в статусе *Regina coeli* [D’Arcy 2005: 315].

Итак, можно подвести итог беглому сличению английской версии легенды о стране Кокейн как о Рае земном с версиями иноязычными: в *The Land of Cokaygne* образ райской земли, счастливой утопии в большей степени детализован, но главное отличие представленного в поэме предметного описания от прочих описаний в том, что их авторы не покидали плоскость «приземляющего», обывовляющего описания «чудес» волшебной страны, сводя рассказ о Кокани/Кукании к реализации концепта «разбогатеть и наесться», а между тем в английской поэме, хоть и перечислены блага, могущие иметь практический «низкий» смысл для конкретного человека, большинство деталей образа Кокейн с их дополнительными символическими значениями организованы в единую структуру, обращающую к теме *Рая небесного*, Божественного творения, коротко говоря — к религии. Можно заключить, что образ страны Кокейн более объемный, чем образы иных версий.

Это сочинение выглядит многослойным. Так, трудно свести упоминаемые детали монастырской жизни только к укоряющей погрязших в пороках цистерцианцев сатире, зная, что в конце поэмы нас поджидают скатологические мотивы, связанные уже не с братством, а с читательской аудиторией (шутливая «великая епитимья» для тех, кто соберется в страну Кокейн, — брести к ней семь лет по подбородок в свином навозе — подошла бы для голиарда). Изображение мессы (когда в помощь монахам на службе стеклянные окна на время превращаются в яркий хрусталь) и особенно тема полетов монахов в небеса препятствуют восприятию автора только как непримиримого борца с грехами или только как колкого пародиста; ясно лишь, что автор — образованный человек. Поэма наполнена приязненным подтруниванием над монашеством вообще. И ее трудно упрекнуть во вторичности, зная, что «из 190 стихов только 50 основаны на дошедшем до нас материале, а все остальные <...> посвящены описанию монашеской жизни» [Heuser 1904: 144].

Действительно, как мы показали выше, есть точки пересечения с общеевропейской традицией изображения чудесной земли (так, поэма открывается утверждением, что страна Кокейн расположена далеко в море к западу от Испании, но и иноязычные версии задавали такую связь, например, в голландском тексте одна половина Кокани лучше, чем Испания, в то время как вторая — лучше, чем Пуату); впрочем, такие схождения суть удобная подложка для прорывающейся и к концу обретающей силу фантазии автора. И оригинальным, свежим мотивом сюжета английской поэмы оказыва-

ется полет молодых монахов в небеса — полет чудесный именно по той причине, что не требует ни магических формул, ни специальных механико-технических решений (ст. 123–134):

Nis þer hauk no fule so swifte Bettir fleing bi þe lifte Þan þe monkes heiȝ of mode Wiþ har sleuis and har hode. Whan þe abbot seef ham flee, Þat he holt for moch glee; Ak napeles al þer amang He biddiþ ham lizt to euesang. Þe monkes liztiþ nozt adun, Ac furre fleef þin o randun. Whan þe abbot him iseef Þat is monkes fram him fleef...	Ни один ястреб или быстрая птица не летает в небе лучше, чем монахи в приподнятом настроении, со своими рукавами и капюшоном. Аббат наблюдает, как они летят, с большим удовольствием, но, тем не менее, всех скопом зовет их вниз к вечерне. Монахи не спускаются, а с большой скоростью уносятся вдаль. Когда аббат видит, что они убегают от него...
---	--

Это фантастика *в чистом виде*, вне жанровых стереотипов: ее могло бы не быть, так как все прочие версии легенды о Кокани/Кукании без нее обошлись. И потому интересно, каковы были условия возникновения этого оригинального мотива, его литературный и национально-исторический контексты.

С полетами в небеса европейские читатели были знакомы еще по античным сюжетам (колесница Гелиоса, Дедал и т. д.). Эти полеты преимущественно были обусловлены использованием хитроумных механизмов. Средневековым британцам — благодаря упоминаниям в «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского и в «Бруте» Лайамона — была памятна история и одного из собственных легендарных королей, Бладуда, отца наследовавшего ему Лейра, позднее прославленного в трагедии Шекспира. Бладуд, десятый в списке легендарных правителей бриттов, слыл некромантом. Он с помощью черной магии изготовил аппарат с крыльями, на котором полетел, но врезался в храм Аполлона в Триновантуме (Лондоне) — и разлетелся на тысячу осколков, словно сам был магическим камнем. В тексте начала XIV в. (т. е. современном по отношению к автору поэмы о стране Кокейн), который вошел в приписываемую Роберту Глочестерскому «Метризованную Хронику», о нем сказано:

þe wynd com mid stormes þo weþelede his feþeres
þe stringes þat helde þat gyn for þe grete wederes
to borsten...

[Wright 1887: 782]

Поднялся штормовой ветер, так что ослабли его крылья;
Веревки, которые держали тот аппарат при сильных бурях,
Полопались...

М.Е. Руджерини справедливо заметила, что галлицизм *gyn* (из старофранцузского *engine*) заместил в этом фрагменте древнеанглийскую лексему *feberhome*, которую применяли, если нужно было рассказать о «летательных аппаратах» [Ruggerini 2006: 225].

Был и исторический контекст. В XI веке в Англии монах-бенедиктинец Эйлмер из Мальмсберийского аббатства пытался применить крылатый аппарат для планирующего полета. Его в следующем веке упомянет историк Уильям Мальмсберийский в *Gesta regum Anglorum*. В свете происхождения рукописного текста поэмы о земле Кокейн, возможно, важен и контекст ирландский. В том же XI веке Патрик, бывший епископом Дублина с 1074 по 1084 год, написал на латыни поэму *De mirabilius Hiberniae*, в которой перечислил все известные ему ирландские чудеса, и девятнадцатым оказалось следующее: «De nau que visa est in aere» [Carey 1992: 16]. В Ирландии были распространены видения кораблей/лодок, плывущих по небу. На несколько таких зафиксированных в рукописях видений сослался Куно Мейер, процитировав одно из «свидетельств», изложенное в «Книге Бэллимота» (англ. *Book of Ballymote*, ирл. *Leabhar Bhaile an Mhóta*), или рукописи *Royal Irish Academy, MS 23 P 12*: «Конгалах, сын Мэйла Митига (A.D. 956), был на ярмарке в Телтауне в определенный день, когда увидел корабль (плывущий) по воздуху» [Meyer 1894: 313]. Важно отметить, что рукопись эту датируют 1390-м или 1391 годом, т. е. по времени близко к созданию рукописи с интересующей нас поэмой.

Такие контексты важны, но сами по себе они не объясняют присутствие в *The Land of Cokaugne* летающих монахов. Кроме прочих, есть еще контекст истории языка, и он, по нашему мнению, способен снабдить нас ключом к процитированному фрагменту о полетах. Автор данной статьи увидел такой ключ случайно, обратившись к одной миниатюре на среднеанглийском языке того же XIV века.

В VI веке возник и с VIII века используется западным христианством на вечерних службах последней предрождественской недели цикл из семи латинских одиночных трех-, четверо- или пятистиший «О-антифоны» (или «Великие О», названные по вокативной частице, открывающей каждый антифон). Первый антифон — катрен *O Sapientia*:

O Sapientia, quae ex ore Altissimi prodiisti,
attingens a fine usque ad finem,
fortiter suaviterque disponens omnia:
veni ad docendum nos viam prudentiae.

Ты, Мудрость, изошедшая из уст Всевышнего,
Простершаяся от одного конца мира до другого,

Твердо и мягко все вещи устроившая,
Приди учить нас пути благоразумия.

В рукописи XIV в. *Worcester, Worcester Cathedral Library, F.126* со-
держится следующий перевод на среднеанглийский язык, оформ-
ленный как прозаический текст, однако легко обнаруживающий
пары концевых рифм (fol. 28; ниже процитирован текст в транс-
крипции его первого публикатора Зигфрида Венцеля):

Þu wysdom þat crepedest out of Godes mouþe
þat rechest fram est to west, fram norþ to souþ
þat alle þynges mades throw þy myth
come to tech vs þe wey of flyth
[Wenzel 1974: 72]

Ты, Мудрость, *выползшая* из уст Божиих,
Которая тянется с востока на запад, с севера на юг,
Которая создала все вещи силой твоей,
Приди учить нас *летать*.

Финальный оборот *þe wey of flyth* должен был бы соотноситься с *via prudentiae*. Однако слова *prudence*, присутствовавшего в текстах Чосера и Лидгейта, здесь нет, его место заняла не известная словарям словоформа *flyth*. Существует также не перевод, но вариация всех семи антифонов цикла в виде последовательных семистиший *rhyme royal* в рукописи *London, British Library, Harley 45* (первая пол. XV в.). Анонимный автор вариации тоже писал на среднеанглийском языке и старался максимально использовать лексику источника, поэтому последний стих в его *O Sapientia* выглядит так: «Come þu and teche vs þe ways of prudence» (f. 168). Однако аноним XIV в. применил загадочное слово *flyth*, и нужно понять, что оно означает. Данная словоформа могла бы вести происхождение от древневерхненемецкого *fliz* ‘усердие’ (в совр. нем. *Fleiß*). Однако *усердие* — все же не *благоразумие*. Почему же неизвестная среднеанглийская форма *flyth* — это ‘полет’? Потому что срифмована с *myth*, а данное слово соотносится с лат. *fortitude* (см. *fortiter* в латинском антифоне), следовательно, обозначает ‘мощь, твердость’. Вместо *myth* в словарях присутствуют близкие формы *mith* и *might*. Но таких близких форм для *flyth* нет.

Нам кажется, что искать следы странного слова следует в древнеанглийском языке. В словарях древнеанглийского и среднеанглийского языков такой словоформы нет, но если слово есть в тексте, то оно, скорее всего, существовало в языке на правах диалектного. Такая же диалектная форма могла быть и в англосаксонском языке. Посмотрим на аналоги. Форму *flit* ‘скандал’ отбросим сразу, а вот на

глагольную форму *flyþ* (то же *fleóþ*), происходящую от *fleón* ‘убегать, разбегаться’, обратим внимание. Известно, что, кроме форм настоящего времени, остальные формы глаголов *fleón* и *fleógan* ‘летать’ не различались, а по мере развития среднеанглийского в некоторых его диалектах полностью слились.

Остается вопрос, почему автор среднеанглийского антифона использовал «полет» вместо «благоразумия». Но ведь он изменил и другое в исходном тексте, например метафору первого стиха: Мудрость, которая должна быть «изошедшей», «выползла», словно змея или червь. Вполне ясно, что автор перевода создал *вольную вариацию* на тему оригинала. Очевидно, «полет» ассоциировался у него с высоким строем мыслей как благочестием, которое равно «благоразумию».

И вот теперь, после отступления о первом О-антифоне, вернемся к поэме. В процитированном выше фрагменте о полетах выделим формы *fleing*, *flee* и дважды повторяющуюся *fleeþ*. Формы различаются только контекстуально: первые две связаны с полетом, а *fleeþ* сначала равно реализует концепты как *полета*, так и *бегства*, а потом — только бегства от аббата-пастыря. Подобно тому, как автор антифона ассоциировал благоразумие с полетом, автор поэмы совместил *разбегающихся* с *разлетающимися*.

Наш взгляд на причины появления мотива полета в поэме о Рае земном таков: *анонимный автор осознал, что формы обозначения двух действий совпадают* (он был носителем этого диалекта) и, будучи знакомым с историко-литературными английской и особенно ирландской традициями свидетельств о полетах в небеса, *сцену игр молодых монахов сознательно перенес с земли на небо, а неразличение глагольных форм ему в этом помогло.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carey J. Aerial Ships and Underwater Monasteries: The Evolution of a Monastic Marvel // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. Vol. 12. 1992. Pp. 16–28.
2. D’Arcy A.M. The Middle English lyrics // Johnson D.F., Treharne E.M. (eds.). Readings in Medieval Texts: Interpreting Old and Middle English Literature. Oxford, 2005. Pp. 306–322.
3. James M.R. The Apocryphal New Testament. Oxford, 1924.
4. Heather P.J. Precious Stones in the Middle-English Verse // Folk-Lore. Vol. 42. No. 3. 1931. Pp. 217–264.
5. Heuser W. Die Kildare-Gedichte. Bonn, 1904.
6. Meyer K. The Irish Mirabilia in the Norse “Speculum Regale” // Folk-Lore. Vol. 5. 1894. Pp. 299–316.
7. Priebsch R. Noch einmal “Van dat edele lant van Cockaengen” // Tijdschrift voor Nederlandse Taal- en Letterkunde. Jaargang 13. Leiden, 1894. S. 185–191
8. Ruggerini M.E. Tales of Flight in Old Norse and Medieval English Texts // Viking and Medieval Scandinavia. Vol. 2. 2006. Pp. 201–238.

9. Wenzel S. Unrecorded Middle-English Verses // *Anglia*. № 92. 1974. P. 55–78.
10. Wright W.A. The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester. Part II. London, 1887.

REFERENCES

1. Carey J. Aerial Ships and Underwater Monasteries: The Evolution of a Monastic Marvel. *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, Vol. 12, 1992, pp. 16–28.
2. D'Arcy A.M. The Middle English lyrics. *Readings in Medieval Texts: Interpreting Old and Middle English Literature* / Ed. by Johnson D.F., Treharne E.M. Oxford, *Oxford Univ. Press*, 2005, pp. 306–322.
3. James M.R. *The Apocryphal New Testament*. Oxford, *Clarendon Press*, 1924.
4. Heather P.J. Precious Stones in the Middle-English Verse. *Folk-Lore*, Vol. 42, No. 3, 1931, pp. 217–264.
5. Heuser W. *Die Kildare-Gedichte*. Bonn, *P. Hanstein's Verlag*, 1904.
6. Meyer K. The Irish Mirabilia in the Norse “Speculum Regale”. *Folk-Lore*, Vol. 5, 1894, pp. 299–316.
7. Priebisch R. Noch einmal “Van dat edele lant van Cockaengen”. *Tijdschrift voor Nederlandse Taal- en Letterkunde, Jaargang 13*. Leiden, *E.J. Brill*, 1894, pp. 185–191.
8. Ruggerini M.E. Tales of Flight in Old Norse and Medieval English Texts. *Viking and Medieval Scandinavia*, Vol. 2, 2006, pp. 201–238.
9. Wenzel S. Unrecorded Middle-English Verses. *Anglia*, № 92, 1974, pp. 55–78.
10. Wright W.A. *The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester, Part II*. London, *Eyre & Spottiswoode*, 1887.

Поступила в редакцию 20.07.2022,
принята к публикации 22.11.2022,
отредактирована 22.11.2022

Received 20.07.2022,
accepted 22.11.2022,
revised 22.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Семёнов Вадим Борисович — к.ф.н., доцент, кафедра теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, vadsemionov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim Semyonov — Ph. D., Associate Professor, Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, vadsemionov@mail.ru

«АВСТРИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» В ТЕКСТЕ В.Г. ЗЕБАЛЬДА: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Е.В. Соколова

*Институт научной информации по общественным наукам, Москва, Россия;
e.v.sokolova@inion.ru*

Аннотация: Наследие влиятельного немецкоязычного писателя и академического литературоведа конца XX в. В.Г. Зебальда (1944–2001) рассматривается в статье в соотнесенности с выделенными Н.С. Павловой сущностными особенностями австрийской литературы как особого феномена и в контексте важных для этой литературы тем. Прослеживается становление Зебальда как мастера художественного слова по мере формирования и проявления его научного интереса (как исследователя-германиста) к литературному творчеству австрийских писателей от Адальберта Штифтера (1805–1868) до Петера Хандке (р. 1942) и постепенного постижения и освоения им наиболее существенных для этой литературы мировоззренческих ракурсов (недоверие к реальности, государству и социуму, родине, языку; доверие к вещи; преобладание ощущения над суждением) и актуальных тем (физической и душевной боли, болезни, бездомности, изоляции).

В статье показано, что сопоставление с творчеством австрийских писателей (в первую очередь это Франц Кафка, Томас Бернхард, Петер Хандке) открывает новые возможности и подходы к исследованию чрезвычайно подвижной и многослойной перспективы повествования, которая характерна для всех художественных текстов В.Г. Зебальда и во многом определяет специфику его собственного художественного стиля. Цель статьи — не только продемонстрировать некоторые важные стилистические и структурные особенности прозы Зебальда (многослойная опосредованность перспективы, уклоняющийся от собственного высказывания рассказчик, сетевая структура текста), но и показать, что формирование их происходило у этого писателя в неразрывной связи с осмыслением традиций австрийской литературы.

Ключевые слова: немецкая литература XX в.; австрийская литература; перспектива повествования; художественный стиль; В.Г. Зебальд; Франц Кафка; Томас Бернхард

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-128-141

Для цитирования: Соколова Е.В. «Австрийский писатель» в тексте В.Г. Зебальда: о некоторых особенностях художественного стиля // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 128–141.

“AUSTRIAN WRITER” IN THE TEXT OF W.G. SEBALD: ON SOME FEATURES OF HIS PROSE STYLE

Elizaveta Sokolova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow; e.v.sokolova@inion.ru

Abstract: The literary heritage of an influential German writer and academical literary critic of the late twentieth century W.G. Sebald (1944–2001) is considered in relation to the essential features of Austrian literature (as a special phenomenon) identified by N.S. Pavlova, and in the context of its important topics. The article traces Sebald’s rise as an outstanding prose writer in parallel with how his interest as an academic Germanist was focusing on the work of Austrian writers (from Adalbert Stifter, 1805–1868, to Peter Handke, b. 1942), how he was familiarizing himself with fundamentals of their worldview (distrust of reality; lack of confidence in the state, homeland and the language; deep intimacy with ‘things’; dominance of sensation over judgment) and acute topics (physical and mental pain, illness, homelessness, isolation).

Some pieces of Sebald’s prose are compared here to the work of the Austrian writers (Franz Kafka and Thomas Bernhard in particular) to study his extremely mobile and multi-layered perspective of narration, which is characteristic for all his texts and lies at the core of the specifics of his literary style. The article aims not only to show some important features of Sebald’s prose (the multilevel mediation of perspective, ‘network structures’ within the text) in their connection to Austrian literature of the last two centuries, but also to demonstrate that they were formed largely due to his deep understanding of this literature.

Keywords: German literature of the 20th century; Austrian literature; W.G. Sebald; Franz Kafka; Thomas Bernhard

For citation: Sokolova E.V. (2023) “Austrian Writer” in the Text of W.G. Sebald: On Some Features of His Prose Style. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 128–141.

Научные интересы В.Г. Зебальда (1944–2001), с 1970 г. и до своей внезапной смерти преподававшего в Университете Восточной Англии (г. Норидж) немецкую и европейские литературы, лежали, главным образом, в области германистики и довольно скоро оказались связаны с литературой не столько Германии («первой родины» писателя), сколько именно Австрии — страны, с которой у него не было биографических пересечений, кроме разве что географической близости места его рождения (д. Вертах на юге Баварской Швабии) к австрийской границе и впечатляющего многообразия мировоззренческих и биографических совпадений со многими австрийскими писателями [Schütte 2007], а особенно — с философом Людвигом Витгенштейном [Possnock 2010; Соколова 2021].

Однако начинал он свои академические штудии с писателей Германии. За довольно агрессивной магистерской диссертацией о Карле Штернгейме¹ (1966) последовала не менее критическая докторская — об Альфреде Дёблине² (1973), защищенная уже в Англии и только позднее опубликованная по-немецки³. Как отмечает Й. Хессинг, Штернгейм и Дёблин были немцами, «die Preussen», и «остаётся только гадать, не стало ли именно это одной из причин его “агрессивного отношения” к их творчеству» [Hessing; Lenzen 2016: 32], ведь даже Дёблин (у которого он многому как у мастера художественного слова научился), несмотря на наполовину еврейское происхождение, остался для Зебальда «слишком немецким» писателем. Вторую докторскую диссертацию (*Habilitationsschrift*) в 1986 г. Зебальд защищал уже об австрийских писателях⁴ и в дальнейшей академической практике переориентировался на литературу Австрии.

Первые его собственные художественные тексты — поэма «Подражая природе» (*Nach der Natur*, 1988) и объединившие четыре новеллы «Головокружения» (*Schwindel. Gefühle*, 1990) — сложились вскоре после того, как академической общественности были представлены его литературоведческие эссе — в сборнике «Описание несчастья: Об австрийской литературе от Штифтера до Хандке» (1985) [Sebald 2012a], содержащем работы второй половины 1970-х — начала 1980-х годов об А. Штифтере, А. Шницлере, Г. ф. Гофманстале, Ф. Кафке, Э. Канетти, Т. Бернхарде, П. Хандке, Эрнсте Хербеке и Герхарде Роте. Мировоззренческий гностицизм выбранных писателей (а отчасти и его собственный, спроецированный на их творчество Зебальдом) представляется объединяющим ракурсом этого сборника и раскрывается в том числе через призму эсхатологических мотивов (ср.: [Павлова 2005: 23]).

Параллельно с созданием первых художественных текстов в конце 1980-х — начале 1990-х годов Зебальд работал над вторым сборником «австрийских эссе» [Sebald 2012b], изданным впервые в 1991 г. В его заглавии — «Отечество злоеющее (Эссе об австрийской литературе)» — содержится указание на характерное для австрийской ментальности обостренное ощущение бездомности и страха перед непознаваемым и неконтролируемым, во многом формирую-

---

¹ Sebald W.G. Carl Sternheim; Kritiker und Opfer der Wilhelminischen Ära. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1969.

² Sebald W.G. The Revival of Myth: A Study of Alfred Döblin's Novels. Doctoral Thesis. Norwich: University of East Anglia, 1973.

³ Sebald W.G. Der Mythos der Zerstörung im Werk Döblins. Stuttgart: Klett, 1980.

⁴ К защите был представлен первый сборник его «австрийских эссе» [Sebald 2012a], впервые изданный в 1985 г.

щее то «сознание зыбкости жизни», которое обнаруживает у австрийских писателей Н.С. Павлова [Павлова 2005: 20; 41; 123 и др.]. Выбор слова «зловещее» (*Unheimlich*) для заглавного оксюморона о родине, доме (*Heimat, Heim*) содержит и намек на неприятие, особую критичность как основу отношения многих австрийских писателей к собственному отечеству (сам Зебальд испытывал похожие чувства по отношению к Германии). Квинтэссенцию такого отношения в XX в. исследователи отмечают у Томаса Бернхарда, чьи филиппики в адрес Австрии принимали порой характер не требовавшего «аргументов и доказательств» «поношения», будто выросшего «из архаического соединения хвалы и хулы богам» [Павлова 2005: 285, 288]. Произведения Петера Альтенберга, Йозефа Рота, Германа Броха, Жана Амери и даже Чарльза Зилсфилда, а также вновь — Франца Кафки, Герхарда Рота и Петера Хандке в [Sebald 2012b] предстают художественными свидетельствами исторической травмы, важная из которых — Холокост: эта тема все явственнее звучит теперь и в собственной прозе Зебальда — «Эмигрантах» (*Die Ausgewanderten*, 1992), отчасти в «Кольцах Сатурна» (*Die Ringe des Saturn*, 1995) — и достигает кульминации в «Аустерлице» (*Austerlitz*, 2001).

Похоже, обращаясь к австрийской литературе, Зебальд в немалой степени руководствовался созвучием собственного мировосприятия «австрийской ментальности», следуя при этом за ощущением определенного «семейного сходства» (Витгенштейн), в котором исследователи видят чуть ли не принцип, собирающий в единое целое его собственную прозу [Schalkwyk 2010]. Но тогда и относительное молчание о литературе Германии может объясняться не столько тем, что Зебальд так и не смог простить своей «первой родине» вину в преступлениях против человечества (хотя и этим тоже), сколько существенными несовпадениями в способах осмысления мира между ним самим и «каноническими» авторами немецкой литературы. Иначе как объяснить молчание Зебальда, например, о Томасе Манне, в частности, о его романе «Доктор Фаустус» (1947), сосредоточенном к тому же на самых чувствительных для Зебальда темах? Тем более, что в личной библиотеке Зебальда имелся экземпляр этого романа, испещренный многочисленными пометками, свидетельствующими о внимательнейшем прочтении [Saturn's Moon 2011].

Что могло отталкивать Зебальда в «немецкой ментальности» и привлекать в «австрийской»? Опираясь на предложенное Н.С. Павловой в [Павлова 2005] глубокое осмысление представления о реальности, отраженного в австрийской литературе, и сопоставляя выделенные ею особенности с характерными чертами прозы В.Г. Зебальда, можно выдвинуть некоторые предположения.

Во-первых, Зебальду чуждо всепоглощающее стремление «познать последнюю тайну мироздания» [Павлова 2005: 19], олицетворяемое гётевским Фаустом и увиденное О. Шпенглером в основе западноевропейской «фаустовской культуры» («Закат Европы», 1918–1922). Как и некоторые современные философы (К.А. Свасьян, Г.М. Тавризян), Зебальд видел кульминацией этой культуры современную технику, соединившую в себе изобретательский гений с хваткой «человека-хищника» и жаждой господства, а «теперь ведущую человека к гибели» [Тавризян]. Такое ощущение от современной западной культуры явственно считывается у Зебальда в повторяющихся образах «заполненных наводящим ужас транспортом» [Зебальд 2019а: 108] городов, где «машин на улицах гораздо больше, чем людей» и кажется, «будто наш вид уже уступил место какому-то другому...» [Зебальд 2019а: 224]. Во взаимоотношениях с мирозданием писателю близка позиция «вслушивания» и «всмаатривания» в непостижимую тайну бытия, которая окружает человека повсюду и допускает лишь деликатное прикосновение: так относится к действительности не только его рассказчик, но и все «созвучные» ему персонажи, привлекаемые для опосредования перспективы повествования — от Стендаля и Кафки в «Головокружениях» до вымышленного историка искусства Жака Аустерлица в одноименном романе [Ward 2012].

Во-вторых, Зебальду совершенно не свойственна характерная для немецких писателей тенденция к «преувеличению возможностей художника» [Павлова 2005: 20] (и, соответственно, ложно понятой власти слова), рождающая дидактические интонации и любовь к воспитательным сюжетам на фоне известной убежденности пишущего в собственной способности различать, что «хорошо», а что «плохо». Последняя черта не только скрытым (или явным) доминированием «пишущего» над «не пишущим» и не всегда осознаваемой трансляцией ощущения превосходства, но и определенной негибкостью, прямолинейностью, чрезмерной жесткостью перспективы повествования, в поэтике Зебальда немислимой. Собственной его прозой транслируется иное ощущение: рассказчик вообще не относит себя ни к писателям, ни «художникам» (в широком смысле), он просто вглядывается в «культурный след» и судьбы других действующих лиц европейского культурного поля, часто далеко не самых известных, — как будто бы для того, чтобы оживить «тайну» их жизни и творчества, непостижимую для него самого, и на мгновение предъявить самому себе и читателю. И это намерение оберегает Зебальда и его рассказчиков от прямого вторжения в «высокие материи», склоняя к естественному и мягкому с ними контакту — через эмпирику жизни, ландшафты и вещи, которые, оставаясь

неподвластны времени несколько дольше, чем люди, сохраняют иногда их следы в «культурной памяти» человечества.

Такая стратегия взаимодействия с прошлым, коллективным и историческим, в каком-то смысле магистральна для литературы австрийской (в отличие от немецкой). Помимо фундаментального ощущения «зыбкости жизни», в книге Н.С. Павловой названа и вытекающая из него другая основополагающая черта, «существенно отличающая ее от немецкой, — приверженность эмпирике жизни, “вещи”», причем «поразительная» по своей «стойкости» — отмечаемая на протяжении почти двух веков истории этой литературы [Павлова 2005: 20; 23; 35]. Обе черты в полной мере присущи тем писателям, кому посвящены глубокие исследования Зебальда и чей образ и стиль ощутимо присутствуют в его собственной прозе — Францу Кафке, Адальберту Штифтеру, Гуго фон Гофмансталу, Людвигу Витгенштейну, а из более поздних — Жану Амери, Томасу Бернхарду, Петеру Хандке.

Зебальд не только исследовал особенности мировосприятия и стиля названных писателей в своих работах [Sebald 2012a; 2012b], но и, преобразуя, перенимал и воспроизводил их в собственных художественных текстах на разных уровнях (рефлексии, формы, художественного приема). Так, рефлекслируя, его рассказчик в «Головокружениях» называет «абстрактность» (математических выражений) «зловещей, как послания смерти» [Зебальд 2019а: 31], тем самым «от противного» атрибутируя «конкретности вещи» особый потенциал жизненности. Кроме того, в разных текстах Зебальд с настойчивостью втягивает читателя в пристальное исследование форм окружающей действительности (геометрических, архитектурных, художественных), отводя этому многие страницы прозы: от «Головокружений» (где форма вещи еще не вполне отделена от нее самой, но стратегии вербализации уже тщательным образом исследуются) до «Колец Сатурна» (содержащих, в частности, фрагмент о прикладной и сакральной геометрии «квинкунса» [Зебальд 2016: 26–28]) или «Аустерлица», где подробнейшим образом и в огромном разнообразии словесными средствами воспроизводятся сложные архитектурные формы (вокзалы, отели, геометрия и архитектура концлагеря Терезиенштадт и т. д.) с опорой на деталь (вещь).

Постепенно, на уровне художественного приема, оказывается, что вещи могут дать «рабочий» язык для воссоздания образов прошлого — не только картин истории, но и их навсегда было канувшей в небытие атмосферы. Один из ярких примеров дает эпизод исследования рассказчиком содержимого чердака в доме Лукаса с параллельным воссозданием в памяти (и перед глазами читателя) картин истории на протяжении полутора веков [Зебальд 2019а: 198–202].

Выразительная сила вещей как бы противопоставляется при этом языку логики и понятий: последний ведь позволяет рассказчику рассчитывать только на «путаные объяснения», из-за которых «с течением времени в голове... все крепче одно связывается с другим, но от этого вещи делаются вовсе не яснее, а только загадочнее»: «Чем больше картинок из прошлого скапливается в голове, — признается рассказчик Лукасу, находя у того полное понимание, — тем менее вероятным мне представляется, что события прошлого в действительности могли разворачиваться именно так, и тогда в этих событиях ничто уже не кажется мне нормальным, наоборот, многое представляется забавным или смешным, а то, что не смешно, вызывает ужас» [Зебальд 2019а: 188]. То есть «язык вещей» постепенно рождается на страницах его прозы в ответ на «критику языка», как бы обусловленную реальностью.

В таком контексте уместно вспомнить Людвиг Витгенштейна, в начале своего пути стоявшего у истоков понимания философии прежде всего как философии (критики) языка («Логико-философский трактат», 1914), а в поздних работах развивавшего круг идей, включавших в том числе и близкие Зебальду вопросы о соотношении «верности» (правдивости) и «точности» высказывания, и оправдание языка «обыденных вещей» (в противовес не только языку научных абстракций, но и литературному языку), и тему «семейного сходства» как универсального принципа формирования языка и закона самоорганизации материи [Perloff 1996; Schalkwyk 2011]. В немецкоязычном литературоведении не раз отмечалось глубокое воздействие его идей на австрийскую литературу XX в. [Schmidt-Dengler 2006] — в особенности представлений о сущности и возможностях языка, так и не понятых до конца, но воспринятых многими австрийскими писателями второй половины XX в. (в большой степени через само «устройство» его текстов, их художественную ткань, на неустрашимую значимость которой для понимания идей Витгенштейна указывает, например, А.И. Жеребин [Жеребин 2011: 333]), и не раз затем превращавшихся в источник вдохновения для все новых поколений литераторов.

«Языковой скептицизм» (*Sprachskepsis*) как сомнение в принципиальной возможности адекватно отражать действительность словами (особенно в словами скомпрометированного — немецкого — языка), присущий многим австрийским писателям XX в. [Ebner 2014], тоже отчасти восходит к философии и личности этого мыслителя [Korte 2016]. «Общее свойство философии Витгенштейна и поэтики Бернхарда» В.В. Котелевская видит в порождении «письма как критики языка» [Котелевская 2018: 302], но и другие крупные австрийские писатели последних десятилетий — Ингеборг Бахман,

Эльфрида Елинек, Петер Хандке и др. — развивали опыты и представления Витгенштейна, а то и включали фигуру философа в поле творческих экспериментов («Племянник Витгенштейна» Т. Бернхарда): о «витгенштейновском романе» как специфическом поджанре интеллектуального романа свидетельствует М. Клибс [Klebes 2006], находящий яркие примеры не только в австрийской или немецкой (Т. Бернхард, В.Г. Зебальд, Э-В. Хендлер), но и во французской литературе (Жак Рубо, р. 1932).

Принципиальное «недоверие к языку», вероятно, коррелирует с особым «доверием к вещи», о котором в отношении австрийских писателей писала Н.С. Павлова и которое нередко принимало форму убежденности в том, что средств «обыденного языка» для «главных вещей» совершенно достаточно и, чтобы постичь сущность жизни, нет нужды обращаться специально ни к какому усложненному, «умственному», языку, будь то «язык науки», философии или литературы. Но и коррелирующая с таким недоверием привычка остро чувствовать противоречие между верностью (правдивостью) и точностью словесного высказывания сама по себе подталкивает к созданию особого литературного стиля, что демонстрируют судьбы и стиль Кафки, Бернхарда, Хандке и др. То же случилось и с В.Г. Зебальдом, восхищавшимся ими и вплетавшим их стилистические изобретения в ткань собственной прозы.

В «Головокружениях» главный (хотя и далеко не единственный) австрийский «партнер» рассказчика по перспективе повествования — Франц Кафка. Ветка повествования, связанная с его фигурой, восходит к имевшей место в действительности (осенью 1913 г.) поездке Кафки в Северную Италию и структурирует третью из четырех новелл — «Доктор К. едет в Риву, на воды». При этом образ Кафки, его стиль и литературные сюжеты неявно пронизывают все четыре новеллы «Головокружений». Уже в самой первой, где рассказчик еще всматривается в мир глазами юного Стендаля, звучат лейтмотивы из рассказа Кафки «Охотник Гракх». На фоне скрытых цитат из переписки Кафки с Фелицией Бауэр и его дневников во второй части добавляется еще и кафкианская фантазмагория узнаваний и двойников — рассказчик принимает за юного Кафку двух итальянских близнецов-подростков, чем ставит себя в неловкое положение. В третьей новелле разворачивается сюжет самой поездки на воды (расставания с Фелицией и одновременно с мечтой), а в четвертой подхватывается и доводится до апокалиптического финала мотив перелома в развитии западной цивилизации, случившегося, по мнению рассказчика, в 1913 году, который к этому моменту становится уже в «Головокружениях» годом Кафки.

В пандан, но и в противовес всем известному Кафке «партнером по перспективе» в «Головокружениях» ненадолго оказывается еще один очень австрийский (и вполне кафкианский) персонаж. Это Эрнст Хербек, мало кому известный венский поэт второй половины XX в., почти сорок лет проживший в сумасшедшем доме, а в старости «разжалованный из пациентов» [Зебальд 2019а: 38] и выселенный на свободу — в социальное жилье. В начале второй новеллы изложена его драматическая история и описана совместная с ним поездка рассказчика в венский пригород, во время которой Хербек все время молчит. Однако, отражаясь в его молчании, вспыхивают реминисценции еврейской трагедии, с которых и начинается незаметное вызревание в тексте Зебальда темы Холокоста.

И Кафка, и Хербек в «Головокружениях» помогают рассказчику развивать другую «австрийскую тему» — тему болезни, физической и душевной (в тайной и непостижимой ее соотнесенности с творчеством). Первый, умерев от туберкулеза гортани в конце второй новеллы, в третьей, словно воскреснув, рождается как самостоятельный голос и сюжет. Второй утрачивает почву под ногами в становящемся все более безумным мире и оседает в больнице, прячась от безумия внешнего в безумие внутреннее, в то время как сам рассказчик в той же новелле бежит от безумия внутреннего во внешнее, где и встречает молчаливого Хербекса, ненадолго вернувшегося в безумный мир, но способного в нем разве только курить и писать парадоксальные (по своей верности и точности) стихи:

Сигарета —
это монополия и ее
следует выкурить. На
том она и прогорит...⁵

Австрийские голоса и судьбы звучат, пусть несколько тише, в «Эмигрантах», более приглушенно (и чаще на уровне стилиа) — в «Кольцах Сатурна», где английский пейзаж вызывает у рассказчика ассоциации, в основном связанные с Британской империей и колониализмом, и образуют качественно новое единство, цельность и глубину в итоговом тексте, «Аустерлиц» (2001), где «австрийский голос» уже непросто разложить на голоса отдельных писателей.

Австрийской по духу кажется сама многослойная опосредованность перспективы в «Аустерлице». Подобные эффекты Н.С. Павлова выявляла у Кафки и связывала с особенностями несобственно-прямой речи, чей «трудно уловимый, “шатающийся” смысл», проявлен у Кафки «в сети мотивов и значимых деталей» [Павлова 2005: 148]. Причем в отличие от многих современников, у которых

⁵ Перевод мой — Е.С. [Зебальд 2019а: 46].

«заметен прежде всего “след автора” в “тексте героя”», у Кафки все подчеркнуто по-другому: «Нейтральное повествование переходит в несобственно-прямую речь, доносящую чувства, мысли, интонации протагониста» [Павлова 2005: 151]. С этими свойствами прозы Кафки работал Зебальд в «Головокружениях» и постепенно сформировал своего «уклоняющегося от прямого высказывания» рассказчика, выстроил передачу смыслов «сетевыми структурами» взаимосвязанных деталей и мотивов — так, что в «Аустерлице» это уже мощно развитая черта его собственного литературного стиля.

Другой важный механизм многослойного опосредования перспективы в «Аустерлице» (т. н. «перископическая» техника [Новикова 2021: 56–57]) навеян прозой Томаса Бернхарда, творчество которого Зебальд также исследовал [Sebald 2012a: 103–114] и с которым ощущал глубинное сродство. Многоступенчатые синтаксические конструкции типа «сказал он, сказала она, подумал я...» отчетливо ритмизуют и структурируют прозу Бернхарда, одновременно позволяя тому расслаивать нарратив как на внутренний и внешний пласты реальности, так и на разные временные слои [Ташкенов 2009].

Зебальд использует потенциал подобных синтаксических конструкций аналогичным образом, хотя и в противоположных, как представляется, целях: стягивая воедино (к моменту повествования) своего рода сеть, пронизывающую несколько пространственных и временных слоев. Рассмотрим, что имеется в виду, на примере следующей фразы⁶: «Как-то раз, не помню уже, в связи с чем, вспоминала Вера, сказал Аустерлиц, Максимилиан рассказывал, как он однажды ранней осенью 1933 года, возвращаясь после профсоюзного собрания в Теплице, проехал чуть дальше, до Рудных гор, и там, сидя в саду местного постоялого двора, повстречался с некоторыми отдыхающими, которые вернулись из приграничной немецкой деревушки, где они накупили всякой всячины, в том числе новый сорт карамелек, у которых на малиновой поверхности красовался

---

⁶ Для ясности и удобства читателя фраза приводится здесь на русском языке, что в данном случае представляется допустимым — благодаря лексической и синтаксической адекватности, стилистической и художественной верности русского перевода Марины Кореневой. В оригинале рассматриваемая фраза такова: “Maximilian erzählte gelegentlich, so erinnerte sich Vera, sagte Austerlitz, wie er einmal, im Frühsommer 1933 nach einer Gewerkschaftsversammlung in Teplitz, ein Stück weit in das Erzgebirge hineingefahren und dort in einem Wirtshausgarten auf einige Ausflügler gestoßen war, die in einem Dorf auf der deutschen Seite allerhand eingekauft hatten, unter anderem eine neue Sorte Bonbons mit einem himbeerfarbenen, in die Zuckermasse eingegossen und einem also tatsächlich auf der Zunge zergehenden Hakenkreuz” (W.G. Sebald. Austerlitz. München: Carl Hanser, 2001. S. 241).

такой же малиновый оттиск свастики, каковая в прямом смысле таяла во рту» [Зебальд 2019b: 208].

Не затрагивая сейчас в деталях художественную картину реальности 1933 года во всей ее поразительной вещности, сосредоточимся на том, как в этой фразе устроена перспектива повествования. Подобно пазлу, она составлена из пяти, как минимум, слоев времени (и связанных с ними пространств). Во-первых, это момент (и реальность) рассказа Аустерлица нарратору; во-вторых, разговор Жака Аустерлица с Верой, имевший место когда-то в прошлом (который стягивает сюда же время, место и обстоятельства того разговора); в-третьих, определенный (еще более ранний) момент в воспоминаниях Веры о беседе с Максимилианом, и лишь в-четвертых, та фантазмагорическая картина 1933 г., которая, в свою очередь, расслаивается на несколько пространственно-временных «этажей» и коридоров, да еще и подключает канал невербальной передачи информации (в данном случае вкус), пронизывающий все «многоэтажное здание» фразы насквозь, подобно лифту.

Таким образом, из едва различимых глубин отступившего в небытие прошлого вытягивается, словно сеть, сооружение (напоминающее архитектурное) со множеством этажей и переходов, составленное из пространственно-временных слоев прошлого, связанных между собой. И в воспринимаемую реальность оно превращается именно в момент передачи Аустерлицем своего сообщения зебальдовскому рассказчику, который ведь остается в нем лишь воспринимающим присутствием (наблюдателем). Иными словами, надо всем мастерски выстроенным «сооружением», как бы склеивая его своим восприятием, пребывает рассказчик, чья сопричастность прошлому заключена в единственном мгновении слушания («сказал Аустерлиц»).

С другой стороны, сам факт наличия текста (в тот момент «настоящего», когда читатель его читает) указывает сразу и на еще один, скрытый, пространственно-временной слой реальности рассказчика — тот, в котором рассказчик, позднее и в других обстоятельствах, записывал сообщение Аустерлица в виде текста. Иными словами, «рассказывающая инстанция», в каждый момент повествования стягивающая воедино незримые нити множественного прошлого, в тексте Зебальда оказывается отчетливо *тройственной*, поскольку соединяет в акте рефлексии *восприятие* рассказанного (Аустерлицем) прошлого, собственное *действие по трансформации* рассказанного в текст в рамках другого прошлого и «след» этого действия в неограниченно удаленном от «прошлого» «настоящем» — через восприятие текста читателем. В таком случае обоснованными представляются ассоциации этого вербального феномена с Творением

и Творцом, как и предположение о том, что в тексте имплицитно содержится какое-то новое «доказательство бытия Бога», причем классифицировать его или сформулировать, в чем оно состоит, действительно не представляется возможным...

В завершение подчеркнем, что «австрийскость» у Зебальда (в вышеописанном понимании) можно раскрывать и далее. В его прозе мы найдем и очень австрийские мотивы «бездомности», «болезни», «любви-ненависти к своей родине», и бесконечные поиски баланса между «верностью» и «точностью» сказанного слова, и даже материализацию пресловутого «доверия к вещи» — в клочках старых документов, каких-то бумажек, обрывках фотографий, включенных в его тексты в виде странных картинок. Не обнаружим линейности нарратива, однозначности, «правильности», дидактической интонации, стремления чем-нибудь завладеть (включая знание) или что-нибудь из высказанного зафиксировать. Подобно первичной материи, его проза на миг проявляет некий образ, сюжет, отношение, которое, едва успев пробудить к жизни в чем-то похожее на себя другое, вновь погружается в нее и растворяется в туманных глубинах, оставляя светлое и странное ощущение верности жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жеребин А.И.* Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб., 2011.
2. *Котелевская В.В.* Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2018.
3. *Новикова С.Ю.* Триумф памяти: проза В.Г. Зебальда в отечественном театре // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6 (1). С. 46–69.
4. *Павлова Н.С.* Природа реальности в австрийской литературе. М., 2005.
5. *Соколова Е.В.* Фигура и круг идей Людвиг Витгенштейна в «Аустерлице» В.Г. Зебальда // *Studia litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 96–113.
6. *Тавризян Г.М.* Фаустовская культура. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163bfeaf78938fccac1e763> (дата обращения: 13.09.2022).
7. *Ташкенов С.П.* Проза Томаса Бернхарда: кризис языка и проблема диалогического слова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
8. *Ebner Ch.* Sprachskepsis und Sprachkrise: Fritz Mautners Sprachphilosophie im Kontext der Moderne. Hamburg, 2014.
9. *Hessing J., Lenzen V.* Sebalds Blick. Göttingen, 2015.
10. *Klebes M.* Wittgenstein's novels. N. Y., 2006.
11. *Korte H.* Österreichische Liteartur der Gegenwart // *Kindler Kompakt: Österreichische Liteartur der Gegenwart*. Heidelberg; Berlin, 2016. S. 9–35.
12. *Perloff M.* Wittgenstein's Ladder: Poetic Language and the Strangeness of the Ordinary. Chicago, 1996.
13. *Possnock R.* "Don't think, but look!": W.G. Sebald, Wittgenstein and Cosmopolitan Poverty // *Representations*. 2010. 112, pp. 112–139.

14. Saturn's Moons: W.G. Sebald — A Handbook / Ed. by J. Catling and R. Hibbit. Leeds, 2011.
15. *Schalkwyk D.* Wittgenstein and Sebald: The Place of Home and the Grammar of Memory // From ontos verlag: Publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society (New Series). Hessen, 2006–2011. Vol. 15. URL: <http://wittgensteinrepository.org/agora-ontos/article/view/2159> (дата обращения: 13.09.2022).
16. *Schmidt-Dengler W.* Ludwig Wittgenstein und die österreichische Liteartur nach 1945 // Wittgensteinkunst / Hrsg. von F. Goppelsröder. Zürich; Berlin, 2006. S. 83–98.
17. *Schütte U.* Für eine 'mindere' Literaturwissenschaft: W.G. Sebald und die 'kleine' Literatur aus der österreichischen Peripherie, und von anderswo // Modern Austrian Literature. 2007. 40 (4). S. 93–107.
18. *Sebald W.G.* Die Beschreibung des Unglücks. Zur Österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke. Frankfurt a.M., 2012a. 6. Aufl.
19. *Sebald W.G.* Unheimliche Heimat. Essays zur Österreichischen Literatur. Frankfurt a.M., 2012b. 4. Aufl.
20. *Ward L.* A simultaneous Gesture of Proximity and Distance: W.G. Sebald's empathic narrative Persona // Journal of Modern Literature. 2012. 1 (36), pp. 1–16.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

21. *Зебальд В.Г.* Головокружения / Пер. с нем. Е. Соколовой. М., 2019.
22. *Зебальд В.Г.* Кольца Сатурна / Пер. с нем. Э. Венгеровой. М., 2016.
23. *Зебальд В.Г.* Аустерлиц / Пер. с нем. М. Кореневой. М., 2019.

REFERENCES

1. Zherebin A.I. Vertikal'naja linija. Venskij modern v smyslovom prostranstve russkoj kul'tury [The vertical line. Viennese Modern in the semantic space of Russian culture]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, 2011. 534 p. (In Russ.)
2. Kotelevskaja V.V. Tomas Bernhard i modernistskij metaroman: monografija [Thomas Bernhard and metanovel of the modern]. Rostov-na-Donu; Taganrog, Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2018. 352 p. (In Russ.)
3. Novikova S.Iu. Triumf pamiati: proza V.G. Zebal'da v otechestvennom teatre [Triumph of memory: prose by W.G. Sebald in modern Russian theater]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii*. 2021, vol. 6 (1), pp. 46–69. (In Russ.)
4. Pavlova N.S. Priroda real'nosti v avstrijskoj literature [The nature of reality in Austrian literature]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 312 p. (In Russ.)
5. Sokolova E.V. Figura i krug idej Ljudviga Vitgenshtejna v «Austerlice» V.G. Zebal'da [The figure and the scope of ideas Ludwig Wittgenstein's in *Austerlitz* by W.G. Sebald]. *Studia litterarum*, 2021, vol. 6, № 2, pp. 96–113. (In Russ.)
6. Tavrizjan G.M. Faustovskaja kul'tura [Faustian culture]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163bfeaf78938fccac1e763> (accessed: 13.09.2022) (In Russ.)
7. Tashkenov S.P. Proza Tomasa Bernharda: krizis jazyka i problema dialogičeskogo slova [Thomas Bernhard's prose: the language crisis and the problem of dialogic word]. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2009. 185 p. (In Russ.)
8. Ebner Ch. Sprachskepsis und Sprachkrise: Fritz Mautners Sprachphilosophie im Kontext der Moderne. Hamburg, Diplomica, 2014. 144 S. (In Germ.)
9. Hessing J., Lenzen V. Sebalds Blick. Göttingen, Wallstein Verlag, 2015. 264 p.
10. Klebes M. Wittgenstein's novels. N. Y.: Routledge, 2006. 316 p.

11. Korte H. Österreichische Liteartur der Gegenwart. *Kindler Kompakt: Österreichische Liteartur der Gegenwart*. Heidelberg; Berlin, J.B. Metzler, 2016. S. 9–35. (In Germ.)
12. Perloff M. Wittgenstein's Ladder: Poetic Language and the Strangeness of the Ordinary. Chicago, University of Chicago Press, 1996. 326 p.
13. Possnock R. "Don't think, but look!": W.G. Sebald, Wittgenstein and Cosmopolitan Poverty. *Representations*. Oakland (USA), University of California, 2010, 112, pp. 112–139.
14. Saturn's Moons: W.G. Sebald — A Handbook. Leeds, Legenda: Modern Humanities Research Association and Maney Publishing, 2011. 677 p.
15. Schalkwyk D. Wittgenstein and Sebald: The place of home and the grammer of memory. *Publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society (New Series)*. Hesen, ontos verlag, 2006–2011, 15. URL: <http://wittgensteinrepository.org/agora-ontos/article/view/2159> (accessed: 13.09.2022).
16. Schmidt-Dengler W. Ludwig Wittgenstein und die österreichische Liteartur nach 1945. *Wittgensteinkunst*. Zürich; Berlin, 2006. S. 83–98. (In Germ.)
17. Schütte U. Für eine 'mindere' Literaturwissenschaft: W.G. Sebald und die 'kleine' Literatur aus der österreichischen Peripherie, und von anderswo. *Modern Austrian Literature*. 2007. 40 (4), pp. 93–107. (In German).
18. Sebald W.G. Unheimliche Heimat. Essays zur Österreichischen Literatur. Frankfurt a.M., Fischer taschenbuch, 2012b. 4. Aufl. 195 S. (In Germ.)
19. Sebald W.G. Die Beschreibung des Unglücks. Zur Österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke. Frankfurt a.M., Fischer taschenbuch, 2012a. 6. Aufl. 200 S. (In Germ.)
20. Ward L. A simultaneous Gesture of Proximity and Distance: W.G. Sebald's empathic narrative Persona. *Journal of Modern Literature*. 2012. 1 (36), pp. 1–16.

SOURCES OF EXAMPLES

21. Sebald W.G. Golovokruzhenija [Schwindel. Gefühle]. Moscow, Novoje Izdatelstvo, 2019a. 234 p. (In Russ.)
22. Sebald W.G. Kol'ca Saturna [Die Ringe des Saturn]. Moscow, Novoje Izdatelstvo, 2016. 312 p. (In Russ.)
23. Sebald W.G. Austerlic [Austerlitz]. Moscow, Novoje Izdatelstvo, 2019b. 362 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.09.2022,
 принята к публикации 28.11.2022,
 отредактирована 11.12.2022

Received 29.10.2022,
 accepted 28.11.2022,
 revised 12.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Соколова Елизавета Всеволодовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом литературоведения ИНИОН РАН; e.v.sokolova@inion.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Sokolova — PhD, Leding Research Fellow, head of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); e.v.sokolova@inion.ru

ФИЛИСТЕР В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ГЕТЕ И РОМАНТИКИ

Д.Л. Чавчанидзе

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; juchav@mail.ru*

Аннотация: В статье прослеживается функция слова *филистер* в немецкой литературе; в центре внимания — его использование от эпохи «Бури и натиска» до романтизма. Затрагиваются этимологические предпосылки слова *филистер*, варианты его использования в библейском тексте (в переводе Лютера) и лютеранской богословской литературе, фиксируется утверждение понятия в светской литературе и бытовой речи, дневниках и мемуарах рубежа XVIII–XIX вв. Отмечается первоначальное использование слова *филистер* — в трудах социально-философских — и сопровождавшее, а иногда предварявшее соответствующее художественное оформление понятия. Рассматривается возникновение антитезы *филистер — гений* в эстетике «Бури и натиска», ее трактовка в романе «Страдания молодого Вертера», письмах и высказывания молодого Гёте, а также перемена штюрмерских представлений Гёте о филистере к периоду позднего романтизма — однозначно отрицательное акцентирование слова. Анализируется применение слова *филистер* на двух этапах романтизма как показатель реакции на нововведения Французской революции 1789 года. Раскрывается значение слова у иенских романтиков: определение природы, лишенной романтического мироощущения, — и последующее его переосмысление в пропагандистском лексиконе гейдельбержцев как заявление немецкого «избранничества», перерастающее в антисемитизм. Анализируется употребление понятия *филистер* в текстах А. фон Арнима, К. Brentano и Й. фон Эйхендорфа, переосмысливших оппозицию *филистер — гений*; учитываются также произведения других авторов, входивших в «Христианско-немецкое застольное общество». Отмечается актуализация и политизация понятия *филистер* в ходе общественного движения в Германии накануне и после революции 1848 года.

Ключевые слова: филистер; синонимы; штюрмерство; гений; Гёте; романтики; антисемитизм; антифеминизм; революция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-142-149

Для цитирования: Чавчанидзе Д.Л. Филистер в немецкой литературе: Гёте и романтики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 142–149.

PHILISTINE IN GERMAN LITERATURE: GOETHE AND THE ROMANTICS

Julietta Chavchanidze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; juchav@mail.ru

Abstract: The article traces the function of the word *philistine* in German literature — from *Sturm und Drang* to Romanticism. Its etymological premises, two biblical variants are touched upon, its statement in secular literature is fixed. The initial use of the word *philistine* — in the socio-philosophical works — and accompanying, and sometimes preceding it, the corresponding artistic design of the concept is noted. The author considers the emergence of the antithesis ‘philistine — genius’ in the aesthetics of *Sturm und Drang* and the change of Goethe’s *Sturmer* ideas about philistine to the period of late Romanticism — an unambiguously negative accentuation of the word. The use of the word *philistine* at two stages of Romanticism is analyzed as an indicator of reaction to the innovations of the French Revolution of 1789. The meaning of the word among the Jena Romantics is revealed: the definition of a nature devoid of a romantic worldview — and its subsequent re-interpretation in the propaganda lexicon of the Heidelbergers as a statement of the German ‘elect’, which develops into anti-Semitism. The actualization and politicization of the concept of philistine in the course of the social movement in Germany on the eve and after the revolution of 1848 is noted.

Keywords: philistine; synonyms; sturmerism; genius; Goethe; romantics; anti-Semitism; antifeminism; revolution

For citation: Chavchanidze J. (2023) Philistine in German Literature: Goethe and the Romantics. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 142–149.

Отличительные особенности культурной эпохи передают, по формулировке А.В. Михайлова, «ключевые слова, семантика которых подвижна, изменчива, включает в себя актуальные, а также утерянные в процессе движения литературной культуры смыслы» [Михайлов 1989: 19–23]. Без внимания к таким словам нельзя уловить характер исторического времени, к которому относится художественное творчество.

В идеологическом новаторстве романтизма заметную роль играло понятие *филистер*. Как писал Н.Я. Берковский, «одно из самых бранных слов у романтиков... это обыватель, мещанин... Весь ушел в свой халат. В трубку, которую он курит. Весь занят кофе, который он пьет. Занят своими домашними делами, и только. И делами службы, если он служит, служебным преуспеванием» [Берковский 1973: 435].

На рубеже XVIII–XIX веков слово *филистер* употреблялось в мемуарах, автобиографиях, философских заметках. В дальнейшем,

в художественной немецкой литературе, сделалось значительным у Новалиса, Жан-Поля, затем у Гейне, Гуцкова, Фонтане, у Рихарда Вагнера. Как постоянный термин фигурировало в трудах Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Бебеля, Маркса. Так складывалась устойчивая социально-философская категория, что сопровождалось, а иногда предварялось эстетической ее передачей — новым литературным типом.

С начала XX века в Германии рассматривалась этимология и смысловая эволюция этого слова, его синонимичность в разных социальных дискурсах — *Kleinbürger*, *Spießbürger*. Как известно, *филистер* происходит от *филистимляне*, от наименования народа, жившего на окраине Палестины, врага древнего еврейства, согласно писаниям Ветхого Завета. В Библии Лютера филистер — враждебный иноплеменник, иноверец, в последующих теологических трудах — противник Слова Божия.

В бытовой речи слово *филистер* стали употреблять на исходе XVII века. Как объясняется в одном из историко-библейских словарей, однажды ни в чем не виновный студент был избит у городских ворот вооруженными охранниками, прозванными «обезьяний дозор» (*Affenwächter*), — на башне ворот были изображены четыре обезьяны. На его погребении проповедник процитировал из Библии: «Филистимляне идут на тебя» (Суд. 15:16), — что было подхвачено и переделано в *филистер* [Biblich-historisches Handwörterbuch 1966, 3: 145]. Образованные от него в языке студентов прилагательное и глагол *philistieren* вначале распространялись на всех, не входящих в их корпоративный союз. Но семантическая полярность *студент* — *филистер* начала стираться с открытием университета в Берлине в 1809 году, поскольку программа, составленная В. Гумбольдтом при участии Фихте и Шлейермахера, предусматривала массовый культурный уровень. Смысл слова *филистер* сократился до уничижительного.

В годы «Бури и натиска», с выходом «Страданий молодого Вертера», определилась антитеза: *филистер* — *гений*, так называли штюрмеры незаурядную личность. В романе Гёте антитеза отчетлива: главный герой с его всеохватывающей чувствительностью и разумный, рассудительный Альберт, у которого «правила убивают ощущение природы». Образ филистера дополнен другими фигурами — княжеский амтман, юный Б., молодой ученый; Вертер выделяется среди них как *бурный гений*. Сопровождается это прямым комментарием: если юноша полностью погружается в предусмотренные занятия, а любимой девушке уделяет лишь часы досуга и подарки делает ей только на именины, значит, в нем «иссяк ключ гениальности». То же критическое отношение к рационализму про-

смачивается в письмах раннего Гёте, где он сравнивает выступление Готшеда против барочного метода изображения с устрашением израильтян филистимлянами [Goethes Werke 1878–1912, 4: 9, 30]. В эстетических высказываниях Гёте определение филистерства встречается и в дальнейшем. У Шиллера в «Письмах об эстетическом воспитании человека» поэт находил «старую филистерскую песню» [Goethes Werke 1878–1912, 4: 100] о служении творчества законам нравственности и напоминал, что внутренний облик филистера опротестован на лучших страницах литературы. В своем дневнике хвалил Стерна, автора «Тристрама Шенди», как первого, кто повлиял на немецкое юношество, возвысив его «над педантизмом и филистерством» [Goethe 1896, 2: 311]. В «Отце семейства» Дидро, которым «не наслаждаются одни лишь филистеры» [Goethe 1896, 2: 187], ценил показ филистерской сути «посредством оригинальной игры» [Goethe 1896, 2: 183].

Филистерство понималось Гёте как образ мыслей, вырабатывающий особую культурную установку. Немецкий филистер, образованный (*Bildungsphilister*), не вникает в процесс развития культуры: гордясь просвещенностью своего времени, недооценивает прошлое, не будучи способен осмыслить «чужое», признает лишь собственное нравственное измерение. Филистерской назвал поэт критику его «Избирательного сродства» за отсутствие борьбы духовного с телесным, что, по его мнению, и не может быть предметом художественного произведения.

В 1831 году в беседе с Эккерманом Гёте заметил, что Жан-Поль, в противоположность его «Поэзии и правде», решил преподнести в своей биографии одну только *правду*. Однако этот жанр должен содержать не правду как таковую, не просто жизненные факты, а человеческое их переживание; «сама же правда лишь свидетельствует, что написавший был филистером...» [Goethe 1896, 2: 69]¹.

Категория *филистер* возводилась Гёте к социальному фактору — к подчинению личности общественному укладу, воспитывающему законопослушного бюргера: «У нас одна забота — как бы укротить молодость и своевременно вытравить из нее все врожденные качества, всякую оригинальность и смелость, чтобы в конце концов остался только филистер» [Goethe 1878–1912, 4: 287]. Возможно, что он, поэт, при дворе герцога Карла Августа на себе испытывал удручающую неизбежность дани господствующему порядку — своего рода филистерству.

---

¹ Гёте не было известно, что сам Жан-Поль хотел назвать свою книгу просто «Автобиография»; под названием «Правда из жизни Жан-Поля» она была опубликована уже после его смерти.

Иенские романтики в основном разделяли представление Гёте о филистере: узость мышления, регламентация быта, — сохраняя при том решительное возражение всему действительному. В «Цветочной пыльце» Новалиса (*Blüthenstaub*, 1798) это пленник общепризнанного и общедоступного, для которого существуют только житейские радости — свадьба, крещение детей, посещение церкви... Его религиозность подобна опиуму, утренние и вечерние молитвы — то же, что завтраки и ужины. По своей ограниченности флистер даже не скрывает, что во всем руководствуется одним лишь расчетом.

Еще глубже было переосмыслено слово гейдельбергскими романтиками, «Христианско-немецким застольным обществом», организованным в 1811 году по инициативе Арнима, куда вошли едва ли не все лучшие умы — Фихте, Шлейермахер, Brentano, Эйхендорф, Клейст, Зольгер. Общество напрямую провозгласило себя антифилистерским, к филистерам же был причислен каждый, не разделявший его убеждений. Вопреки просветительской идее социального равенства, туда был отнесен и слой беднейших горожан — сказывалось преобладание в «Застольном обществе» родового дворянства. Именно там родилась мысль об особой одухотворенности немцев, народа древнейшего (*Urvolk*), «избранного», а филистерство было приравнено к иудейству.

Но предпосылки этого намечались уже на первом этапе романтизма. Фихте в 1792 году говорил о «враждебном племени» евреев, об их «государстве в государстве», отказывал им в правах на гражданскую правомочность, на культурную автономию и утверждал, что в еврейском, «чужом» языке, теряется антифилистерская символика языка немецкого [Fichte 1845–1846, 2: 255–256]². Шлейермахер считал иудаизм «мертвой» религией, игнорирующей индивидуальность.

Евреи, французы и женщины не могли входить в состав «Застольного общества». Евреям вменялось в вину стремление «устраивать свои дела так, как это было с манной, павшей им с неба три тысячи лет назад» [Kleßmann 1985: 20]. Французов, всех без исключения, называл филистерами еще Новалис, и причиной того были не столько наполеоновские захваты, сколько нововведения Французской революции 1789 года — предоставление гражданских прав евреям и постановка вопроса женской эмансипации³. Антифеминизм гейдельбержцев усиливался особой популярностью берлинских салонов

² Антисемитизм романтиков во многом восходил к средневековым представлениям о еврействе [Трахтенберг 1998].

³ Негативной была и реакция членов общества на отмену рабства негров [Тураев 1997].

Генриетты Герц и Рахели Фарнхаген (притом обе — еврейского происхождения), хотя их посещали и члены «Застольного общества».

Гейдельбергские положения были декларированы в манифесте, написанном в 1811 году Brentano: «Филистер в истории, до и после истории. Шутливое разбирательство». Филистер был охарактеризован с нескрываемой неприязнью: «...Прирожденный враг... любого воодушевления, всего гениального и свободного, божественного творения, комическая карикатура — силуэт дьявола, низвергнутый с неба на теньевую сторону солнца, где он закован в тени... Он странствует по земле, разъятый на тысячи образов» [Brentano 1988: 17]. В «Застольном обществе», слушая сатиру Brentano, кричали от восторга.

Воздерживаясь от буквального отождествления филистерства с иудейством, Brentano тем не менее заметно на том настаивал. Его пародийное повествование представляло перелицованный библейский сюжет о судьбе еврейского народа. За исключением нескольких поколений евреев, которые могли быть свидетелями распятия Христа, он клеймил «размещающихся повсюду, в своих старых платьях, за чайным столом, с театральными бумажками, эстетической болтовней, с заемными письмами на бирже, со своей тошнотворной просвещенческой гуманностью...» [Brentano 1988: 18]. В тексте Brentano целенаправленно создавал семантическую игру: еврейское благородство (*Edel*) вызывает омерзение (*Ekel*), а филистерское ассоциируется с ослом (*Esel*)⁴.

Через год повторением того же настроения стала работа Arnim «Об отличительных признаках иудейства» (*Über die Kennzeichen des Judentums*), где еврейскому народу приписывались те же черты филистерства, какие осмеивались в «Христианско-немецком застольном обществе». Дополнялось это заявлением дворянского сословного превосходства как изначально бесспорного: «Дворянин рожден быть благородным, филистер — торгашом» (*Adel soll adeln, Philister — wuchern*) [Arnim 1985: 26–27]. Спустя более десятилетия гейдельбергскую тенденцию подхватил Эйхендорф. В сатирическом сочинении 1824 года, написанном в форме сказочной драмы, он закреплял за словом *филистер* то самое значение, какое озвучивалось в «Христианско-немецком застольном обществе».

Антиподом филистера поздние романтики мыслили, конечно же, личность одухотворенную — *творческую*. Штюрмерская антитеза *филистер* — *гений* как бы повторялась, однако заметно менялась в новой семантической нагрузке, приобретая социологический, на-

⁴ Как замечено, некоторые примеры были заимствованы Brentano из карнавального лексикона.

ционалистический и антифеминистский характер. Сам же Гёте в эти годы, очевидно, был вполне согласен с мыслью, высказанной в письме ему Беттиной Brentano: «...Филистеры и при вознесении человека к Небесному выполняют свою охранную миссию» [Arnim В., 2, 284–285]. Та же интонация проступает в его сборнике «Ксени» 1820 года: «Что есть филистер? / Пустой желудок, / Забитый надеждой и страхом» (эпиграмма VII) [Goethe 1878–1912, 4: 56].

Ко второй половине XIX века, в нарастающей активизации бюргерства, значение слова *филистер* политизировалось. Его стали постоянно использовать в социальной философии, в политической экономии и классовых теориях. Период общественной стагнации после революции 1848 года называли «золотым десятилетием филистерства и шписбюргеров», монархию клеймили как «прибежище филистеров», обреченных на «растительное» существование, — тех, кто не способен к борьбе. Гервегом был брошен лозунг: «На тиранов и филистеров!» Новыми синонимами слова *филистерство* стали выражения *ограниченность* (*Beschränktheit*) и *современный либерализм*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкель В.В. Типология литературных жанров XVIII–XIX веков. СПб., 2009.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
3. Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики. М., 1989.
4. Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. М.; Иерусалим, 1998.
5. Тураев С.В. Революция во Франции и немецкая литература. М., 1997.
6. Arnim Achim von. Vorschlag zu einer deutschen Tischgesellschaft // Philister, Kleinbürger, Spießler: Normalität und Selbstbehauptung. Frankfurt a.M., 1985.
7. Arnim Bettina. Werke und Briefe. Bd. 2. Darmstadt, 1959.
8. Biblisch-historisches Handwörterbuch. Bd. 3. Göttingen, 1966.
9. Brentano Cl. Der Philister vor, in und nach der Geschichte. Scherzhaftige Abhandlung. Zürich, 1988.
10. Deutsches Wörterbuch. Hrsg. v. F. K. L. Wiegand. Bd. 2. 1866.
11. Eichendorff J. von. Werke. Dritter Teil. Berlin, 1841.
12. Fichtes Johann Gottlieb sämtliche Werke. In zwei Bänden. Bd. 2. Berlin, 1845–1846.
13. Goethes Gespräche. Bd. 2. Leipzig, 1896.
14. Goethes Werke. Weimar, Böhlau, 1878–1912.
15. Kleßmann E. Romantik und Antisemitismus // Philister, Kleinbürger, Spießler: Normalität und Selbstbehauptung. Frankfurt a.M., 1985.

REFERENCES

1. Baikel' V.B. Tipologiya literaturnykh zhanrov XVIII-XIX vekov [Typology of Literary Genres in the 18th and 19th Centuries]. Saint Petersburg, Aleteiya, 2009. 277 p. (In Russ.)
2. Berkovskii N.YA. Romantizm v Germanii [Romaticism in Germany]. Leningrad, Khudozh. lit., 1973. 565 p. (In Russ.)

3. Mikhailov A.V. Problemy istoricheskoi poehtiki [Problems of Historical Poetics]. Moscow, Nauka, 1989. 230 p. (In Russ.)
4. Trachtenberg J. *D'iavol i evrei* [The Devil and the Jews]. Moscow, Jerusalem, Gesharim, 1999. 293 p. (In Russ.)
5. Turaev S.V. Revolyutsiya vo Frantsii i nemetskaya literature [The French Revolution and the German Literature]. Moscow, Nasledie, 1997. 214 p. (In Russ.)
6. Arnim A. von. Vorschlag zu einer deutschen Tischgesellschaft. *Philister, Kleinbürger, Spießer: Normalität und Selbstbehauptung*. Frankfurt a.M., Fischer, 1985.
7. Arnim B. *Werke und Briefe*. Bd. 2. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1959. 772 p.
8. Biblisch-historisches Handwörterbuch. Bd. 3. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1966.
9. Brentano Cl. Der Philister vor, in und nach der Geschichte. Scherzhafte Abhandlung. Zürich, Manesse-Verlag, 1988. 110 p.
10. Deutsches Wörterbuch. Hrsg. v. F. K. L. Wiegand. Bd. 2. 1866.
11. Eichendorff J. von. Werke. Dritter Teil. Berlin, Simion, 1841. 443 p.
12. Fichtes Johann Gottlieb sämtliche Werke. In zwei Bänden. Bd. 2. Berlin, Veit, 1845–1846. 709 S.
13. Goethes Gespräche. Bd. 2. Leipzig, Biedermann, 1896. XVI, 362 S.
14. Goethes Werke. Weimar, Böhlau, 1878–1912.
15. *Kleßmann E.* Romantik und Antisemitismus: Normalität und Behauptung. 1985.

Поступила в редакцию 29.10.2022;
 принята к публикации 28.11.2022;
 отредактирована 12.12.2022

Received 29.10.2022;
 accepted 28.11.2022;
 revised 12.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Д.Л. Чавчанидзе — профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; juchav@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Julietta Chavchanidze — Prof., Dr., Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; juchav@mail.ru

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ЧИСЛА И ОБРАЗЫ

ИСКУССТВО И МАТЕМАТИКА: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАМЕТКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

М.Е. Тухто

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tukhtom@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена юношеским заметкам Андрея Белого (1899). Рукопись была частично опубликована А.В. Лавровым, однако фрагменты, в которых Андрей Белый в доказательство своих размышлений приводит математические формулы и уравнения, были исследователем опущены. Юный Борис Бугаев испытывает сильное влияние своего отца, профессора Н.В. Бугаева, чья теория аритмологии, объединившая математику, логику и философию, нашла отклик не только в науке, но и в русской культуре первой четверти XX в. Среди учеников Н.В. Бугаева — П. Флоренский, который подхватывает идею профессора и развивает ее в кандидатском сочинении «Об особенностях плоских кривых как местах нарушений прерывности» (1904). Л. Силард отмечает тесную связь литературоведческих статей Андрея Белого с метаматематикой в работах П. Флоренского. Актуальность публикуемого материала подтверждается неослабевающим интересом исследователей не только к проблеме «Андрей Белый и Павел Флоренский», но и к творчеству В. Хлебникова, заумь которого также тесно связана с математикой. Фрагмент заметок Андрея Белого предваряется краткой вступительной статьей, в которой рассматриваются работы исследователей, посвященные юношеским дневниковым записям Б. Бугаева за 1899 г., а также реферируются статьи Л. Силард, посвященные сопоставлению творчества Андрея Белого с философией П. Флоренского и заумью В. Хлебникова. В публикуемых записях Б. Бугаев рассуждает о лирическом и эпическом разьяснении сущности в искусстве, связывая два подхода с субъективным и объективным методом. Андрей Белый доказывает, что преобладание чувства в произведении не позволяет отнести его к лирическому и субъективному, и иллюстрирует определения ценности математическими уравнениями.

Ключевые слова: Андрей Белый; юношеские заметки; метаматематика; неопубликованный фрагмент; литература и искусство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-150-167

Для цитирования: Тухто М.Е. Искусство и математика: неопубликованные заметки Андрея Белого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 150–167.

ART AND MATHS: UNPUBLISHED NOTES BY ANDREJ BELYJ

M.Ye. Tukhto

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tukhtom@mail.ru

Abstract: The present article studies the early notes by Andrej Belyj (1899). The manuscript was partially published by A.V. Lavrov; however, fragments, which contained mathematical formulae and equations used by Andrej Belyj to prove his ideas, were omitted. Young Boris Bugaev was under a strong influence of his father, professor N.V. Bugaev, whose theory of ‘arhythmology’, that combined maths, logic and philosophy, resonated not only with the world of science, but also with the Russian culture of the early 20th century. Among Bugaev’s followers was P. Florenskij, who developed professor’s idea in his thesis *On the Peculiarities of Flat Curves as Places of Interrupted Discontinuity* (1904). Lena Szilard points out that there is a strong connection between Andrej Belyj’s literary articles and P. Florenskij’s works on maths. Relevance of the published material is supported by continued interest of researchers to both the ‘Andrej Belyj and Pavel Florenskij’ issue and works by V. Khlebnikov, whose ‘zaum’ also has strong links to maths. The extract from Andrej Belyj’s notes is preceded by a brief introduction, which reviews papers on B. Bugaev’s diaries for the year 1899 and summarizes L. Szilard’s articles comparing Andrej Belyj’s literary works, P. Florenskij’s philosophy and V. Khlebnikov’s ‘zaum’. The published notes contain B. Bugaev’s argument on lyric and epic explanations of the essence of things in art and his idea that the two approaches are connected with subjective and objective methods respectively. Andrej Belyj proves that the predominance of emotions in a literary work cannot be used as a criterion for attributing it to ‘lyric’ and ‘subjective’ and shows how the value of an artistic work can be assessed using mathematical equations.

Key words: Andrej Belyj; early notes; mathematics; unpublished fragment; literature and art

For citation: Tukhto M.Ye. (2023) Art and Maths: Unpublished Notes by Andrej Belyj. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1. pp. 150–167.

«Заметки о литературе и искусстве»¹ Андрея Белого (1899) были частично опубликованы А.В. Лавровым в 1980 г. Исследователь цитирует обширные фрагменты записей, иллюстрируя впечатления Белого от 27-й выставки передвижников (проходившей 19 апреля — 9 мая 1899 г. в Московском училище живописи, ваяния и зодчества), приводит рассуждения писателя о категории художественности [Лавров 1979: 118], о субъективном восприятии мира художником [Лавров 1979: 118–119], о соотношении рассудка и чувства [Лавров 1979: 119] и о философском обосновании искусства, о комическом в

---

¹ Андрей Белый. Заметки о литературе и искусстве // РГБ, ф. 25, карт. 1, ед. хр. 5, 142 л.

музыке [Лавров 1979: 120–121], цитирует размышления Бугаева о родовой идее, о музыке как высшей форме искусства, о программной музыке, а также разъясняет биографические обстоятельства возникновения дневниковых записей.

«Заметки о литературе и искусстве» являются продолжением «Дневниковых записей»², сделанных Белым в апреле — мае 1899 г.: первая тетрадь обрывается на середине предложения «Далее: время идет; техническая сторона Рафаэля устарела; для...»³, сверху первой страницы «Заметок» рукой Бориса Бугаева отмечено: «(начало № 1) 99 года»; «<...> две тетради заметок за апрель — май 1899 г.» упоминаются в статье М.Л. Спивак [Спивак 2019: 142].

В публикуемых фрагментах Андрей Белый рассуждает о лирическом и эпическом разъяснении сущности в искусстве, связывая два подхода с субъективным и объективным методом, пишет об «отношении автора к содержанию» в музыке и живописи, «причинности» и родовых идеях в музыке и поэзии⁴, а также сравнивает лирическое и эпическое начала в поэзии и музыке, размышляет о комическом в архитектуре, скульптуре, живописи, поэзии и музыке⁵. Фрагменты содержат математические уравнения и формулы, опущенные Лавровым в статье: исследователь упоминает «условно-математические построения, рассуждения о химических соединениях и пр.» и определяет их как «дань университетским штудиям (Белый учился тогда на естественном отделении Московского университета и в сентябре–октябре 1899 г. работал над рефератом для физического кружка проф. Умова “О задачах и методах физики”» [Лавров 1979: 117]. Важность неопубликованных фрагментов заключается в том, что они ярко демонстрируют модель мышления Белого, который уже в 1899 г., до «Смысла искусства» (1907 г.) и статей из сборника «Символизм» (1910 г.), использует для доказательства своих суждений математическую образность.

Математическая основа мышления Белого подробно рассмотрена Л. Силард в сборнике статей «Герметизм и герменевтика». Исследователь отмечает преемственность Белого по отношению к творчеству Новалиса: «К числу таких проблем прежде всего относятся размышления Новалиса о математике как основе философских наук и его замысел “энциклопедии опозитизированных наук” в качестве единственно возможной формы выражения универсального характера знания» [Силард 2002: 296–311]. В статье «Роман и мета-

² Андрей Белый. Дневниковые записи № 1 и № 2. Ф. 60, ед. хр. 10, 15 л.

³ Там же, л. 15 об.

⁴ Андрей Белый. Дневниковые записи № 1 и № 2. Ф. 60, ед. хр. 10. лл. 71–87 об. Фрагмент (лл. 83–84) цитируется Лавровым.

⁵ Там же, лл. 106–115 об.

математика» автор подробно рассматривает истоки математических увлечений Белого, которые формируются под влиянием отца: «Среди московских математиков (П. Некрасов, Л. Лахтин, физик-математик С. Усов и др.), тех самых, кого Андрей Белый шуточно окрестил в своих мемуарах “московскими чудаками” и “бородатыми кариатидами”, наиболее решительно универсализировал свою науку, утверждая ее и как логику, и как философию, его отец Н.В. Бугаев (1837–1903). Дальний собеседник и единомышленник Пуанкаре, он связал две прежде резко расходившиеся ветви математического анализа (теорию чисел и исчисление бесконечно малых), создав оригинальное учение о прерывных функциях, названное им аритмологией» [Силард 2002: 284–285]. Силард отмечает и тесную связь творчества Белого с математическими теориями П. Флоренского, «благодарного ученика Н. Бугаева, еще в студенческие годы выпустившего лекции своего профессора» [Силард 2002: 284–285]. Публикуемые фрагменты заметок 1899 г. дополняют материалы по исследованию данного вопроса. Другой знаковой фигурой в контексте синтеза слова и математики является В. Хлебников: исследование зауми невозможно без установления связи с творчеством Андрея Белого [Силард 2002: 296–311].

Таким образом, представленные в статье фрагменты будут интересны исследователям метаматематического аспекта в творчестве Белого, а также станут полезным материалом для анализа теории Флоренского и языкового стиля Хлебникова. Фрагменты (лл. 15 об.–24 об., 71–87 об., 106–115 об.) воспроизводятся в современной орфографии и пунктуации (за исключением авторских тире и точки с запятой).

Андрей Белый, «Заметки о литературе и искусстве» (фрагменты)

Помимо разделения искусства на искусство с преобладанием а) рассудочного, б) чувственного элемента, (3) а также на искусство, где чувство и рассудок равно уравновешены, то есть искусство непосредственного символизма; есть еще иное деление, без которого нельзя обойтись, раз мы желаем себе уяснить эти вопросы искусства, а именно: каждый вопрос искусства делится на лирическое и эпическое разьяснения сущности; причем лирическое и эпическое здесь в особом смысле; обыкновенно принято думать, что и преобладание чувства дает право заключать, что произведение есть лирическое субъективное произведение, эпическим произведением названо такое произведение, которое создано объективно. Если же поглубже посмотреть, то в картине с преобладанием чувства мы встретим то же деление; выше словесно не раз мы объясняли это, поэтому при-

мом это за достоверное. Вместо ненужных повторений дадим графическое изображение определения ценности.

Положим, картина состоит из 1, 2, 3, 4, 5, 6 предметов; художник узнаёт, положим, находясь в известном настроении, идеи этих предметов 1-го — а, 2-го — b и т.д. Тогда идеи а, b, с, d, e, f предметов 1, 2, 3, 4, 5, 6; художник, находясь в том настроении, когда он способен видеть в картине идею «а» 1-го предмета, дает всей картине настроение «а»; тогда картина состоит только из «а»; (а, а, а, а, а, а); в другой раз более бросается в глаза идея b (когда худ<ожник> в ином настроении); картина будет с иной идеей (b, b, b, b, b, b); настроение получится иное; в третий раз та же картина будет (с, с, с, с, с, с) и т.д. Такое отношение — лирическое, все равно, преобладает ли в картине чувство или рассудок; и рассудочная картина может быть сведена к одной идее (а), и чувственная идея. Другое дело, если художник, будучи гением, видит не одну идею, а все (а, b, с, d, e, f), тогда, изобразив беспристрастно все идеи а+b+c+d+e+f, мы не получим единства в картине, ибо «а» может противоречить «b» и т. д.

Тогда художник продолжает творить. Отбрасывая все противоречащее в «b» и «а», а также в других идеях, он получает, положим, <«такое соотношение» зачеркнуто, исправление нрзб — М.Т.>, «а» даст «х»; «b» даст «х»; с — х; d — х; e — х₁; f — х₂; получим:

$$4x, 2x,$$

Положим x против x₁, выражение примет вид:

$$4x - 2x_2$$

Если «х₂» противоречит «х»; то «х» уничтожается «х₂»; следовательно

$$4x - 2x_2 = 2x$$

$$2x$$

Есть общая преобладающая идея всех идей а, b, с, d, e, f, предметов 1, 2, 3, 4, 5, 6; если художник в части предметов даст их сущность «2х», то такое отношение эпическое, то есть художник угадывал общую сущность 1, 2, 3, 4, 5, 6, «2х» не ограничился одной (а) или двумя (а, b) идеями, а брал все и не представил только предметы 1, 2, 3, 4, 5, 6 так, как они есть, то дать то, что они неясно в общих чертах выражают; он выяснил эту сущность; она — 2х; «х» здесь разумеется духовное вообще, то есть воплощение божества, а «2» — это форма, то есть способ соединения материи, чтобы ей выразить вообще божество «х»; поэтому «х» можно опустить и довольствоваться 2, предполагая, что 2 замещает (7) в себе «х»; если общая идея была бы 3 (х), то это показывало бы, что идеи предметов картины не те.

При таком объективном отношении можно еще допустить разницу; все, вероятно, знают, что иной раз картина с идеей видимо нарисована в самых общих чертах; при этом предполагается, что она составлена по формуле $2(x)$ (составлена, конечно, творчески). Но многие, вероятно, видели, что не всегда при выражении идеи в картине ее рисуют в общем; иногда, например у Нестерова, картина хотя и выражает общую идею, но писана <?> не в общем, а, наоборот, вырисована. Что это значит? Не противоречит ли это выражению общей идеи? Нет, нисколько. Положим, «сущность» картины, состоящей из предметов (1, 2, 3, 4, 5, 6), найдена; она $2(x)$. Теперь художник не довольствуется общей идеей; он хочет показать, как выражается эта сущность во всех предметах, составляющих картину; он вырисовывает их, представляя каждый предмет, обновленный общей идеей; он представляет картину идеально и в то же время реально, то есть выражая действительно общую идею. Для этого поступает следующим образом. Он разлагает общую идею на столько частей, сколько предметов, в данном случае на «6»⁶; каждый предмет видоизменяется; <нрзб>ветленный тоже той общей сущностью предмет — $1x$, обращается в $1 + \frac{2x}{6}$, предмет 2 — в $2 + \frac{3x}{6}$.

Итак, чтобы все предметы выражали «х», то есть божество, нужно к ним прибавить по $\frac{2x}{6}$; они, конечно, видоизменяются; картина будет состоять уже из $1+2+3+4+5+6$ предметов, а суть:

$$\frac{1x}{3} + \frac{2x}{3} + \frac{3x}{3} + \frac{4x}{3} + \frac{5x}{3} + \frac{6x}{3} \dots$$

Следовательно, все равно, написать ли общую идею $2x$, или вырисовывать каждый из 6 предметов, прибавляя « $\frac{x}{3}$ ».

Это мы видим из Нестерова. Например, в картине «Отец Сергий» каждый мелкий предмет вырисован и выражает «нечто» гармонизированное со всеми остальными предметами; обозначив Сергия и медведя через «2», окружающую природу через «е»; церковь «4», а общую идею $5x$.

$$1\left(\frac{5x}{4}\right) + 2\left(\frac{5x}{4}\right) + 3\left(\frac{5x}{4}\right) + 4\left(\frac{5x}{4}\right)$$

⁶ Белый в сноске: «Все это происходит безотчетно, как <нрзб> общего <...>»

Наоборот: взяв картину Зарубина⁷ «Вечерний аккорд» и обозначив стену «1» или «2», небо «3» волну <?> штормов «4», получим общую идею 5х.

Здесь она выражена в общих чертах.

Что преимуществует, трудно сказать; выражение в общих чертах имеет больше единства, стройности, но не дает такой ясности. Во всяком случае, от творчества художника зависит, писать ли ему в общих чертах, или только изменять предметы сообразно их идеям.

Таким образом, предмет художника должен <сверху — «может» — М.Т.> обладать такими свойствами, что максимально <?> изображают вещи, просветленные идеей, по формуле

$$\frac{1x}{3} + \frac{2x}{3} + \frac{3x}{3} + \frac{4x}{3} + \frac{5x}{3} + \frac{6x}{3}$$

Помимо того, выражение сущности может быть иное; а именно, выше приведенная формула может видоизменяться так:

$$\left(\frac{x}{3}\right)1 + \left(\frac{x}{3}\right)2 + \left(\frac{x}{3}\right)3 + \left(\frac{x}{3}\right)4 + \left(\frac{x}{3}\right)5 + \left(\frac{x}{3}\right)6$$

Что это значит? Это значит, что здесь изображены не вещи с <нрзб> идеей, а идея, видоизмененная вещью. Здесь, обыкновенно, художник, хотя и не даст *только* общую идею 2х, а ряд идей предметов, причем показано, как идея $\frac{x}{3}$ — часть общей — проявится в каждом предмете (вещи); каждый предмет написан, но в общем, небрежно по отношению к отделке частей; насколько, например, Отрок Сергей Нестерова вырисован (даже ложки и травки за поясом у Святого поражают отделкой и идеей, сквозящей в ней). Настолько яркий благословляющий Дмитрия Донского в общем; «Адам и Ева» — вот образец не отделки с идеей, а идеи, облеченной в общие формы, эти сосенки, эти люди — все в общем; в общем у А. Васнецова «Золотая рыбка», «Там на невед<омой> дорожке» и т.<д.> созданы по формуле

$$\left(\frac{x}{3}\right)1 + \left(\frac{x}{3}\right)2 + \left(\frac{x}{3}\right)3 + \left(\frac{x}{3}\right)4 + \left(\frac{x}{3}\right)5 + \left(\frac{x}{3}\right)6$$

Эта формула встречается, главным образом, и <у> В.М. Васнецова, и у многих других художников. Она вообще чаще формулы

⁷ Виктор Иванович Зарубин, ученик А.И. Куинджи.

$$1\left(\frac{x}{3}\right) + 2\left(\frac{x}{3}\right) + 3\left(\frac{x}{3}\right) + 4\left(\frac{x}{3}\right) + 5\left(\frac{x}{3}\right) + 6\left(\frac{x}{3}\right)$$

Как образец картины по формуле «2x» — «Ночь» Левитана; «Молитвы правоверных», «Таинство <нрзб>». Картины, «2x» каких не ниже вышеупомянутых форм, по сходной стороне требуют больше творчества и глубины, а с другой <стороны>, они более других недоступны публике; поэтому картин действительно художественных по формуле «2(x)» очень мало, если не считать потуги бездарностей, довольно многочисленные.

Такая идеализация картин реальна, ибо она только проясняет либо то, что нам непонятно, либо показывает, как были бы выражены «сущности», если не препятствовали бы идеи противоречащие. Вот если бы, положим, имея построение идеи «а» — x, «b» — c, «с» — x, «d» — x и идеи «е» — x₂, f — x₂ (см. 32, 33⁸) — мы, в формуле 4x — 2x₂ идею 2x₂ приняли бы за преобладающую, то идеализация фальши была бы фальшива, ибо в данном случае преобладает не x₂, а противоположная ей «x»; «x₂» есть идея отрицательная, идея небытия, ибо она противоречит «x».

Если же, зная, что преобладает идея «4x», хотели не выразить ее, а отрицательные стороны противоречащей ей идеи — x₂, то поступали бы так:

$$-2x_2 + 4x.$$

* * *

(июль)

Прежде чем делать различные выводы и комбинации по поводу выведенных данных музыки, облегчим себе разъяснение образности музыки сравнением. Представим себе чудную партитуру ну хоть ясного осеннего вечера: небо прозрачно... далекое поле сжато. Холодно... Плывут ровные облака, расплываясь в голубом и нежном. Слышен ветер... дальше... смеркается. Темнеют облачка, зажигаются звезды... вдали как будто мелодия ветра... Хорошо... Представим себе человека, поэта или художника, тонко понимающего природу. Чудная картина осени произведет на него впечатление. Представим себе композитора; он ощущает мелодию картины, он перенесет на без-образную музыку яркие образы; слушая мелодию, мы сразу поймем тихий вечер, если мы созерцали его в одно время с композитором... Хорошо... Но если мы никогда не видели «такого» вечера, или не знали, что композитор выразил именно известный вечер,

⁸ Ссылка на лл. 17 об–18.

потеряет ли мелодия свою прелесть без комментария? Нет. С другой стороны, увидим ли мы духовно такой тихий вечер, слушая музыку и не зная, на что она была написана? Нет. Никакого ясного образа, никакой разумной коллизии мы не представим... Все будет намекать на что-то... ни на что? Если бы мы обладали пылкой фантазией, то мы конечно могли бы создавать разные образы; например: прекрасно понятая мелодия осеннего вечера превращалась бы в нашем воображении в весеннюю элегию или во что-нибудь другое без всякого ущерба для мелодии. Наоборот: мы говорили бы, что поняли мелодию, она произвела бы для нас более значение, как нечто знакомое и разгаданное; или еще: мы могли бы песнь осеннего вечера приурочить к какой-нибудь цепи причин и следствий, к какой-нибудь давно забытой драме; мы могли бы выдумать небывалые происшествия... Как все это было бы далеко от осеннего вечера; как были бы мы неприятно поражены, если бы узнали, что «весенняя элегия» есть «осенний вечер». Одна знакомая мне особа, слушая часто «Gondoliere»⁹ Мендельсона и представляя себе розовый закат, была ужасно недовольна, узнав, что «Gondoliere» есть воспоминания Венеции, а другая особа возмутилась, заметив, как можно лунную венецианскую ночь смешивать с розовым закатом. Отсюда следует, что музыка никаких образов не может создать, что никаких событий она <не> передает. Между картиной и нотой, между временем и жестом лежит пропасть; *можно сказать, нота аналогична образу, такт времени!* Но точное распределение все же будет условно¹⁰. И «осенняя песнь», и «весенняя элегия» могут взаимозаменять друг друга, то есть, переменяв ярлычки, мы можем с успехом выдавать «весеннюю элегию» за «осеннюю мелодию», а «осеннюю мелодию» за «весеннюю элегию». Дело не в образах, не в событиях, а в *отношении к содержанию*. Тоны или образы здесь даны настолько непосредственно, что представляют из себя такой «у», про который можем сказать, что он не равен a, b, c, d, и т.д., а может быть равен «a», или «β», или «γ», или «δ» и т.д. Другое дело такт, здесь он первенствует. Здесь есть только общие цвета образов, сопровождаемые отношением автора к содержанию. Здесь есть, например, розовое, грустное; сменяемое таким соло <?> был при ярко выраженном отношении автора; что это за розовое грустное, закат или разочарование, что это <за> голубое такое, море, или небо, или чистое спокойствие после грустного разочарования — неизвестно. Известно только, что это неопределенное сопровождается таким же отношением автора

⁹ Видимо, имеется в виду «Песнь венецианского гондольера», ор. 30 № 6, которая носит программный характер.

¹⁰ Зачеркнуто: «Верно не то, что музыка изображает, а важно, как она изображает по аналогии».

к содержанию. Следовательно, что в поэзии немо, то ярко в музыке; наоборот, посредственная передача образов поэзии в музыке еще темней, еще гадательней, причинность поэзии также сохраняется, также гадательною последовательностью гадательных образов. При ярком отношении ярка и причинность. Собственно причинность ярка, не известен материал причинности, а само по себе чередование необходимо и ясно. Сама материя причинности ярка, что $2x + 3x = x = 4x$ и т.д. Но совершенно неясно, что это за «х», который производит такая понятная эволюция; если же принять $2x$ за « x_1 », $3x$ за « x_2 », $4x$ за « x_3 », то музыка стала бы китайской грамотой, ибо мы имели бы лишь $x_1 + x_2 = x_3$, но может $x_3 =$; то есть ничего не понимали бы; это бывает иногда с людьми, не понимающими явную последовательность неизвестных, но дорогих им образов. Чем же выкупается такая неопределенность образов в музыке? Отношением автора к теме, то есть ритмом. Из музыки мы не знаем, что такое нота «х», мы знаем, как относится автор к этому «х»-у¹¹.

(Далее берется «у») мы посмотрим, как относится автор к другому неизвестному «у», даже из последовательной перспективы отношения от первой ко второй этих неизвестных нам, мы заключаем последовательности появления «у»; даже: берется аккорд «z», состоящий из нот *u, t, s*; последовательность появления этого аккорда «z» выводится из последовательности отношений «х», «р», «у», и если наша «u» может появиться, лишь согласуясь с «р», «у», «z», которые, в свою очередь, были выбраны последовательностью отношений как к отдельной ноте, так и к ряду нот и т.д. Словом, чем больше выражено неизвестное с отношением к нему, тем определенной и определенной должен быть следующий выбор.

Таким образом, ноты «р», «х», «z», «u», «s» и т.д. могут стоять друг возле друга лишь тогда, когда это оправдывает отношение автора к выводимому. Очевидно, отношением выбираются сами ноты, а не эти последние влекут за собою отношение. Таким образом, у нас получается одно общее настроение, которое требует, положим, чтобы вся совокупность нот была в тоне «х».

Этот-то «х» и есть, так сказать, неизвестная идея, сопровождаемая отношением композитора к «х». «X» — это символ идеи: это, например, Δ в храме; Δ ничего не говорит нам, но из отношения к Δ (помещения, например, его в храме) видно, что Δ здесь выражает бесконечного. Этот пример с Δ груб; в музыке символы тоньше, сами по себе ноты суть неизвестные звуки, но совокупность таких звуков, ничего не говорящих нам и зависящих от выбора автора, производит чарующее впечатление; сопровождаемые указанием

¹¹ Белый в сноске: «смотри ниже» — к л. 76 об.

композитора, как смотреть на эти незнакомые звуки (то есть сопровождаемые отношением автора звуки становятся не звуками, а тем, что символизирует в них автор); символизм этот бессознателен, и никогда рассудок не раскроет, что это, но тем глубже, тем чище символизм звуков, которые без этого символизма были бы совершенно неизвестны и непонятны душе.

* * *

Сообразно тому «х», вызванному отношением автора к содержанию, выбираются и группируются ноты и аккорды «у», «р», «z» и т.д., причем так, чтобы каждая нота, каждый аккорд отнюдь не детонировал¹² с общим тоном «х»; чтобы «у», например, выражал «4х»; «2» — «2х»; а не «2с»; тогда-то, заменяя неизвестные ноты «а», «b», «с» их равнозначными, положим, «4х», «3х»; мы получим разные уравнения, где «х» — неизвестно что выражающий тон, а «4», «3» — коэффициенты, показывающие степень выраженности тона, зависящую от причинности отношения. Поэтому главное условие музыки, как и поэзии, — причинность: это совершенно правильно понял Шопенгауэр: но причинность эта совершенно иная; это причинность не вещей (то есть событий и предметов), а причинность отношения к вещам, причем вещи сами от нас задержаны густою непроницаемостью.

Итак: в поэзии мы выражаем идеи, сопровождая их как бы немым аккомпанементом, который и есть отношение автора к содержанию; наоборот, в музыке мы имеем ярко выраженное отношение автора к неясно выраженной идее или группе однородных идей, что мы ниже поясним. Идеи в музыке неясны только до тех пор, пока мы требуем непосредственности; но раз принять отношение к той или иной идее за посредственную идею, то и для музыки мы будем иметь те же законы идей, какие рассмотрели касательно живописи и поэзии. Идея музыкальная в высшей степени безобразна и бессознательна. Что касается образов, то они неопределенны в музыке по той причине, что передаются не поодиночке, а во всей совокупности, при одном отношении к ним. То есть, в музыке мы имеем одно отношение, для которого можем представить не один образ, а хоть тысячу, если они удовлетворяют этому отношению к ним; мало того, по отношению автора к «х» нельзя определить, что есть «х» — однозначный, мгновенный образ, как, например, «осенний вечер», ряд ли последовательных образов или психологическая причинность, то есть ряд душевных движений; «х» будет суммой всех образов и всех причинностей, возможных для представления предельного

¹² *Детонировать* (в музыке) — отклоняться от правильного тона.

отношения автора к этому «х»-у. Поэтому-то верное отношение к одиночному психическому акту, или к какому-либо образу, будет в музыке отношением родовым, то есть отношением к целому ряду подобных психических актов и аналогичных им картин и т.д.

Или музыкальная идея будет идеей типичной по отношению к идеям живописи, скульптуры, архитектуры, поэзии и вообще по отношению к прочим искусствам. Отсюда-то то могущественное действие музыки, отсюда те ее сила и глубина; ведь музыка — это бессознательный символизм всегда и везде, если это явно, она внушена вдохновением: по необъяснимой ли случайности, или по мудрому предначертанию Всевышнего, музыка выражает только родовые, только типические идеи; отсюда: Композитор, желая воспроизвести идею какой-либо одиночной вещи, всегда нападает на родовую идею всех подобных и аналогичных идей. Такой удивительный закон. Отсюда ясно, что музыка способна более всякого искусства выражать вечное, и само вечное наиболее доступно, наиболее близко в музыке; музыка бессознательна: вечное не может быть познано сознательно.

Поэтому величайшие выразители вечного и субъективного, помимо пророков, Христа и апостолов — композиторы с Бетховеном во главе.

В поэзии мы можем выражать непосредственно идею в образе или причинности, в музыке выражаем посредственно личным отношением к непосредственному; в поэзии отношение наше к содержанию отступает на второй план, ибо нам дано само содержание; в поэзии ритм только сопровождает вещи. Выражение в вещи видовой идеи сопровождается, так сказать, родовой идеей в ритме. Но эта родовая идея настолько неясно выражена, настолько неопределенна, что непосредственное созерцание содержания затмевает родовую идею; в музыке мы имеем только родовые идеи; поэтому всякое отождествление рода с видом есть подчинение целого частному, есть замена целого частным, есть унижение музыки. Вот почему программная музыка не стоит на высоте своего величия и чистотой, и непосредственностью далеко уступает беспрограммной музыке. Вот почему, слушая симфонию, мы не станем доискиваться, по какому поводу она написана и что она должна собою изображать, ибо в симфонии созерцаем сумму вечно возможных при данном отношении образов, все возможные сочетания событий, которые сливаются в один громадный и бездонный символ; которые заставляют трепетать, которые поражают содержанием, глубоким, как звездное небо, — глубоким, а потому и недоступным рассудку. Вот почему симфоническая музыка бесконечно выше и бесконечно чище музыки оперной. *Музыка есть бессознательный*

символизм. Вот положение, ставящее музыку головой выше других искусств; музыка объединяет все прочие искусства, которые суть части по отношению к ней; музыка представляет собою высшую степень одухотворенности и доступно<сти> массе, что представляет редкость в других искусствах; обыкновенно глубина поэтического произведения идет в ущерб широты и понятности; обыкновенно глубина художественности становится доступнейшей с развитием окружающей среды; много, много годов пройдет, прежде чем поймут художественное произведение, хоть бы даже часть «лучших людей». Если эти «лучшие люди» пользуются авторитетом у массы, то участь художественного произведения обеспечена; масса, так сказать, затверживает со слов авторитетов, в чем сила данного произведения; и таким образом она завоевывает себе более и более пиетета в литературе; но случается, что худ<ожественное> произведение забывается, и проходят сотни лет, прежде чем найдутся «авторитеты» и прежде чем «авторитеты» поймут, в чем сила.

Все вышесказанное имеет место и в музыке, но в значительно меньшей степени. Музыка, не только не уступая, но даже превосходя поэзию глубиной, общедост<упностью> <?>...

Родовые идеи заключают в себе множество частных идей, частных коллизий, входящих в содержание общей коллизии; каждый из слушающих музыку старается приурочить слышимое к тому, что ему нравится, старается видеть то, что ему хочется. Выбирает из суммы идей те идеи, какие ему хочется видеть в данном произведении; такое подчинение частному общего есть, конечно, умаление значения музыки, но ведь мало людей, кто смотрит на музыку объективно; есть, например, многие меломаны, чрезвычайно радующиеся, когда им удастся придумать к музыке картину или событие. «Полупонимание» музыки, во всяком случае, желательнее полного непонимания, какое мы часто встречаем в живописи и поэзии. Будучи бессознательной, музыка, к счастью, совершенно лишена всякой рассудочности, всякой предвзятости; в музыке нет или в гораздо меньшей мере проявляется узкая картинность, так способствующая разъединению и желчности <?>. Эта большая объективность и является причиной более ровного, более спокойного отношения к ней; а отсюда и более правильного понимания ее.

Поэтому-то новые течения в искусстве более доступны пониманию в музыке, нежели в поэзии. Поэтому-то Чайковский, Григ понятны уже, тогда как над Метерлинком, Верлэном есть еще разногласия <?>.

Нисколько не противоречит объективности музыки деление ее на лирическую и эпическую. Поясним это аналогией с поэзией. Предположим, имеем в поэзии эпическую общую идею «А», составленную из лирических идей а, b, c, d, e; в музыке, если мы захотим перевести на нее идею «А», эта идея станет идеей «α», родовой для идей «А», «А1», «А2» и т.д., составленных из а, b, c, d и т.д., или a_2, b_2, c_2, d_2 и т.д. Эпическая идея «α» в музыке = сумме частных эпических $A + A_1 + A_2 +$ и т.д., или, заменяя частные, объективные идеи суммой их лирических идей, получаем: «α» = $A + A_2 + A_3 + A_4 = abad + a, b, c, d + a_1, b_1, c_1, d_1 + a_2, b_2, c_2, d_2 + a_3, b_3, c_3, d_3$ и т.д.; итак, «α» есть музыкальная, следовательно, родовая идея, заменяемая в музыке суммой конкретных эпических (объективных) идей. Для пояснения родовых лирических идей. Видоизменим формулу (1а); положим, имеем лирическую родовую идею « a_1 », которая получилась из суммы частных лирических идей а, a_1, a_2, a_3 ; эти последние состоят из менее общих идей $a \leq ab$; $a_1 = a_1, b_1$; $a_2 = a_2, b_2$ и т.д., тогда как должны были бы состоять из (а, b, c, d), (a_1, b_1, c_1, d_1), (a_2, b_2, c_2, d_2), то есть в идее «а» познаны не все идеи (а, b, c, d), а только две (а, b) и т.д.; в a_1 только (a_1, b_1), в a_2 только (a_2, b_2), тогда музыкальная идея «α» будет состоять из суммы частных идей а, a_1, a_2, a_3 , так как эти идеи лиричны, то и родовая идея тоже лирична. Таким образом, несмотря на большую объективность музыки, сравнительно с поэзией, в ней мы можем различать как музыку лирическую, так и эпическую¹³.

В виде добавления к неоконченному очерку (*декабря 1899 года*)

Шопенгауэр не допускал в музыке комизма и этим доказывал серьезность музыки вообще как искусства. Удивительно, что Шопенгауэр, столь проникательный во всех вопросах искусства, в этом отношении не заметил неосновательности своего взгляда. Если музыка есть тот общий критерий, которым измеряются все искусства, то она должна удовлетворять всем настроениям, проявляющимся в каком бы то ни было роде искусства. Должна она удовлетворять и комизму, как настроению. Но прежде всего скажем два слова о правильности нашего взгляда на музыку, как на критерий для всякого искусства. Выше мы привели доказательство нашего положения, вытекающего из нашего общего взгляда на музыку; но могут возразить, что это не более, как умозрение. Такого рода обвинения рушатся, если то или иное умозрительное положение получает оправдание с разных точек зрения; вот почему, желая оправдать какое-либо суждение, не мешает отправляться с совершенно разных точек зрения; если они приводят к одному и тому же результату,

¹³ Подпись «не окончено».

ясно, что доказываемое положение есть нечто большее, чем простая умозрительная натяжка. Поэтому-то всего лучше разобрать появления искусства с общей точки зрения, с точки зрения сродства и зависимости искусств между собой, с точки зрения исторической эволюции. Вообще некоторые из взглядов Ламарка и Дарвина, некоторые из законов физики и химии могут быть иногда прилажены с большим успехом. Конечно, во всем этом нужна разумная мера и осто<рож>ность, без которой вышеупомянутый анализ искусств превратился <бы> в абсурд. Но к чему все это? А вот к чему:

Рассматривая химические соединения, мы видим, что в них проявляются в обилии синтетические свойства, ускользающие в анализе; анализируя воду, мы находим «Н» и «О»; если бы мы теперь стали выводить свойства вообще свойств «Н» и «О» в отдельности, то как были бы мы поражены той разницей, которая бы получилась от механической суммы свойств и от того, что в самом деле получается. Такого рода видимость более возможна для механических смесей; это показывает, что возможно два взгляда на какое-либо свойство; взгляд на то, как получилось свойство «С» из свойств «А» и «В» и взгляд на то, как выражены в «С» свойства, наиболее пышно развитые в «Д», где эти свойства получились синтетически из ряда C_1, C_2, C_3, C_4 и т.д. Какой взгляд наиболее целесообразен для аналитика? Где искать точку опоры для «А» и «В» или «Д» при исследовании «С»; мне кажется, тот и другой взгляд может дать своеобразные материалы для обобщения. Теперь перейдем от химии к совершенно другой области.

Известное слово, известное сочетание слов, отрешившись от понятия, обозначаемого им, дает весьма часто некоторое представление, либо звуковое, либо световое, либо какое-нибудь иное; иногда представление это состоит из двух или трех комбинаций, двух или трех впечатлений; иногда впечатление звуковое, производимое словом, совершенно совпадает с понятием о слове; немаловажно то обстоятельство, что это впечатление обуславливается комплексом букв, независимо, однако, от того, что дает каждая буква в отдельности. Так, «эр», будучи само по себе постоянным в звуковом, световом и т.д. впечатлении, вносит разнообразие в комплексы букв; им и обуславливается, например, цвет слова «рубин», «рисунок». Ясно, <что> цвет этот совершенно иной, нежели цвет «р» вообще. Поэтому буквы аналогичны элементам; соединение букв между собою бывает двоякого рода: 1) механическое, которое есть ничто иное, как совокупность свойств букв, составляющих слово 2) химическое, где являются синтетические особенности. Расщепляя такие химические соединения на буквы, мы получаем совершенно иные впечатления от них; разность впечатлений обуславливается тем, что во

втором случае буквы, стоя друг за другом, видоизменяют свои основные впечатления. Приглядевшись, мы видим, что это не всегда, но очень часто.

Я привел вышеупомянутые примеры для подтверждения в том, что часто наши расчеты, наши комбинации разбиваются о синтетические свойства, что нам приходится часто считаться с ними. Эти синтетические особенности мы можем наблюдать, как они проявляются или рассматривая с точки зрения последовательности сложения или обратно. Теперь перейдем к нашему взгляду на музыку.

Подобно тому, как по теории Дарвина с течением времени путем эволюции из комочков протоплазмы вырабатываются всё более и более совершенные формы; подобно тому, как из соединений химических элементов вырабатываются всё сложнейшие и сложнейшие формы, как простейшие законы природы, слагаясь, дают новые и новые комбинации; подобно тому, как несколько априорных аксиом путем взаимного сочетания составляют фундамент для всего необъятного здания математики, так — элементы искусства, сочетаясь и комбинируясь, дают совершеннейшие формы; чем выше, одухотворенней искусство, тем больше элементов привходят в него, тем более оно родовое искусство по отношению к низшим; (спешим оговориться, что понятие «родовое» здесь не в обычном формально-логическом смысле; надо заметить, что понятие родового и видового в применении к выражению идеи обратно по отношению к логике <?>; если же рассматривать с точки зрения рассудочной общности, то такая рассудочная общность вполне совпадает с логическим понятием о родовом и видовом, то есть чем более родовое, тем беднее рассудочными определениями, чем более видовое, тем богаче, по отношению к творчеству, к «выражению идеи», чем богаче художественным содержанием, тем более родовое, и обратно).

Вот таким сложным и совершенным соединением элементов низших искусств является музыка. Если обозначить элементы, входящие в a, b, c, d и т.д., где (a_1, a_2, a_3, a_4) (b_1, b_2, b_3, b_4) (c_1, c_2, c_3, c_4) (d_1, d_2, d_3, d_4) и т.д., то «М» музыка является соединением $a + b + c + d$, то есть $M = (a_1, a_2, a_3, a_4 \text{ и т.д.}) + (b_1, b_2, b_3, b_4 \text{ и т.д.}) + (c_1, c_2, c_3, c_4 \text{ и т.д.}) + (d_1, d_2, d_3, d_4 \text{ и т.д.})$. Быть может, иные элементы и пропали <бы>, если рассматривать их в «М», иные мы можем усмотреть. «М» включает в себе элементы, частью вступившие в химическое соединение, частью находящиеся в механическом слиянии, частью переходные между тем и другим. Но «М» есть наиболее сложное и отсюда и наиболее совершенное соединение. Этим объясняется сравнительно поздний расцвет ее. Вспоминая то, что мы сказали относительно соединения химического «С», которое может быть

рассматриваемо с точки зрения анализа, то есть с точки зрения его составляющих элементов «А» и «В» и с точки зрения синтеза, то есть с точки зрения того, как «С» выразилось в наиболее сложном соединении, мы приходим к тому убеждению, <что> в отношении к искусству критика должна держаться преимущественно второго пути; как ни целесообразно рассматривать с точки зрения анализа «а, b, c, d» на (a₁, a₂, a₃, a₄) (b₁, b₂ и т. д.), но еще целесообразней с точки зрения «М», которое явилось, пройдя <?> и «а», и «b», и «с», и «d», заключает в себе «а», «b», «с» и «d» со всеми их элементами; целесообразней сравнивать с совершеннейшим, отсюда легче всего заметить временное ненужное; если же отправимся от несовершенного вперед <?>, к более совершенному, то труднее разобраться в том, что хорошо; критерий действительно прекрасного у нас должен быть, раз мы взялись за объяснение некоторых вопросов искусства. Что касается до сложности, мы принимаем его за совершеннейшее потому, что с понятием об усложнении связано понятие о прогрессе, с понятием же разложения на более простое «ничто» связано понятие смерти, регресса и т. д.

Итак, художественному критику наиболее целесообразно иметь критерием сравнения «нечто» наиболее соответственное его целям. Этим уже почти доказана необходимость присутствия «смешного» в музыке и указан недостаток Шопенгауэра.

В самом деле: начиная с живописи и поэзии, где наиболее реально оттенено проявление «смешного» комического, поднимаясь выше, мы должны ожидать некоторой «эволюции» в «комическом», сравнительно с тем, как оно проявлялось в поэзии. Разумея же нечто комическое, мы обыкновенно мыслим его так, как <оно> проявляется в поэзии и живописи. Это-то обстоятельство было упущено Шопенгауэром, когда он выражался об исключительной серьезности в музыке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрей Белый*. Дневниковые записи № 1 и № 2 // РНБ, ф. 60, ед. хр. 10, 15 лл.
2. *Андрей Белый*. Заметки о литературе и искусстве // РГБ, ф. 25, карт. 1, ед. хр. 5, 142 лл.
3. Лавров А.В. Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 116–139.
4. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
5. *Спивак М.Л.* Дневниковое наследие Андрея Белого (1896–1933) // *Studia Litterarum*. 2019, том 4, № 4. С. 138–165.

REFERENCES

1. Belyj A. Dnevnikovyе zapisi No. 1 and No. 2 [Diary entries No. 1 and No. 2]. The National Library of Russia, coll. 60, item 10, 15 p. (In Russ.).

2. Belyj A. Zametki o literature i iskusstve [Notes on literature and art]. The Russian State Library, coll. 25, file 1, item 5, 142 p. (In Russ.).
3. Lavrov A.V. Junosheskie dnevnikovye zametki Andreja Belogo [Andrej Belyj's early diary notes]. *Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Ezhegodnik 1979* [Monuments of culture. New discoveries. Yearbook 1979]. Leningrad, 1980, pp. 116–139. (In Russ.).
4. Szilard L. Germetizm i germenevtika [Hermeticism and hermeneutics]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2002. (In Russ.).
5. Spivak M.L. Dnevnikovoe nasledie Andreja Belogo (1896-1933) [Anrey Bely's diary heritage (1896-1933)]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, No, 4., pp. 138–165. (In Russ.).

Поступила в редакцию 21.08.2022;
принята к публикации 28.11.2022;
отредактирована 10.12.2022

Received 21.08.2022;
accepted 28.11.2022;
revised 10.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Тухто Мария Евгеньевна — магистрант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tukhtom@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Mariya Ye. Tukhto — Graduate student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tukhtom@mail.ru.

МАТЕМАТИКА КАК ОРГАНИЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Линьлинь Чжан

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; zllsaryu@gmail.com*

Аннотация: В работе предпринимается попытка доказать, что математика является не только одним из ключей к постижению концептосферы романа А. Белого «Петербург», но и основой его поэтики — в том числе персонажной сферы. Именно математическим подходом к способам группировки персонажей, а также к видам психологического анализа обеспечивается композиционное единство хаотичного, «несобранного», на первый взгляд, текста. «Мозговая игра» героев и автора-повествователя, обнажающая текстопорождающий алгоритм романа и предоставляющая, казалось бы, безграничную свободу его создателю, на поверку оказывается тщательно выверенной «программой», основанной на системе бинарных оппозиций. «Петербург» А. Белого — при всей его орнаментальной «пестроты» — является одним из самых упорядоченных текстов русской литературы: случайные встречи и столкновения героев, их хаотичные передвижения по городу, странные поступки, а также «нестройные» мысли имеют строгое «математическое обоснование».

При этом принцип бинарных оппозиций как организующее начало системы персонажей отвечает логике построения неомифологического текста, для которого характерны взаимное отражение персонажей друг в друге, а также разделение единого «прагероя» на романых двойников. Философские идеи Вяч. Иванова, восходящие к учению пифагорейцев и их толкованию монады и диады как сущности Аполлона и Диониса, соотносены в романе с научными открытиями профессора Н.В. Бугаева (аритмологией, учением о «непрерывности» и «прерывности»). Кроме того, подчеркивается, что интерес Белого к категориям единичности и множественности, задающий математически наглядный вектор восприятия текста — и прежде всего его системы персонажей, — обнаруживает типологическое родство с другими областями математического знания (в частности, с парадоксом Банаха — Тарского).

Ключевые слова: А. Белый; Аполлон; пифагорейцы; непрерывность; аритмология; парадокс Банаха — Тарского

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-168-179

Для цитирования: Линьлинь Чжан. Математика как организующее начало системы персонажей в романе А. Белого «Петербург» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 168–179.

MATHEMATICS AS AN ORGANIZING PRINCIPLE OF THE SYSTEM OF CHARACTERS IN A. BELY'S NOVEL *PETERSBURG*

Linlin Zhang

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zllsaryy@gmail.com

Abstract: The paper attempts to prove that mathematics is not just one of the keys to comprehending the conceptsphere of A. Bely's novel *Petersburg*, but the basis of his poetics, including the character sphere. It is the mathematical approach to the ways of grouping characters, as well as to the types of psychological analysis, that ensures the compositional unity of the chaotic, 'unassembled', at first sight, text. The 'brain game' of the characters and the author-narrator, which reveals the text-generating algorithm of the novel and provides seemingly unlimited freedom to its creator, turns out to be a carefully adjusted 'program' based on a system of binary oppositions. A. Bely's *Petersburg*, for all its ornamental 'motleyness', is one of the most well-ordered texts of Russian literature: random encounters and collisions of characters, their chaotic movements around the city, strange actions, as well as 'disorderly' thoughts, have a strict 'mathematical foundation'.

At the same time, the principle of binary oppositions as the organizing principle of the system of characters corresponds to the logic of the neo-mythological text, which is characterized by the mutual reflection of characters into each other, as well as the division of a single 'pro-hero' into novel doubles. The philosophical ideas of Vyach. Ivanov, dating back to the teachings of the Pythagoreans and their interpretation of the monad and dyad (as the essence of Apollo and Dionysus), are correlated in the novel with the scientific discoveries of Professor N.V. Bugaev (arrhythmology, the doctrine of 'continuity' and 'discontinuity'). Moreover, it is emphasized that Bely's interest in the categories of singularity and multiplicity, which sets the mathematically visual vector of perception of the text — and above all its system of characters — reveals a typological relationship with other areas of mathematical knowledge (in particular, with the Banach—Tarski paradox).

Key words: Bely; Apollo; Pythagoreans; continuity and arrhythmology; Banach—Tarski paradox

For citation: Linlin Zhang. (2023) Mathematics as an Organising Principle of the System of Characters in A. Bely's Novel *Petersburg*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 168–179.

Принцип бинарных оппозиций, традиционный для романной системы персонажей, в произведениях символистов обретает особую значимость: «Сложные и антиномичные образы символистов всегда тяготеют, с одной стороны, к амбивалентности, снятию оппозиций и «синтезированию» противоположностей в едином лирическом или объективированном персонаже (ср. образ «Христа-Демона» в творчестве А. Блока), а с другой, — к расчленению единого образа на множество «двойников», «масок» и «личин» [Минц 1979: 85]. Акту-

альность приемов противопоставления и сопоставления в символистском романе обусловлена мифопоэтической природой текста, проецирующегося на различные историко-культурные сюжеты, вступающие друг с другом в сложные отношения дополнительности (пояснения, компенсации).

Система персонажей «Петербург», безусловно, не раз рассматривалась в свете бинарных оппозиций, однако осуществлялся анализ такого рода на разных основаниях. Так, Л.В. Лазаренко считает истоком авторского мышления антиномиями духовно-телесный дуализм личности [Лазаренко 2002]. А.О. Разумова рассматривает персонажную сферу в русле онтологических/гносеологических модусов текста [Разумова 2006]. Для В. Топорова главный «нерв» произведения — дихотомия аполлонического и дионисийского [Топоров 2003]. К.В. Луценко сосредоточена на изучении экзистенциального поля романа [Луценко 2014]. Нетрудно заметить, что математическая «предыстория» текста при анализе персонажной сферы, как правило, остается за пределами исследовательской мысли. В то же время математическое прочтение произведений А. Белого в меньшей степени захватывает персонажный уровень, распространяясь на концептосферу текста, поэтику или философию Белого в целом. Так, Л. Силард [Силард 2011] интересуется прежде всего математическая метафизика Н.В. Бугаева, во многом породившая «математический идеализм» П. Флоренского и художественное мышление А. Белого. В вышедшей не так давно работе Андреа Орро [Орро 2022] получает развитие тема воздействия идей непрерывности на философию русского символизма. Д.И. Капарушкина [Kaparushkina 2020] с точки зрения математико-философских идей Белого рассматривает более позднее его произведение — роман «Москва». В данной статье предпринимается попытка рассмотреть математику как способ организации системы персонажей романа «Петербург».

А. Белому важно обнаружить нечто общее между вечными ситуациями и характерами, помещая их в различные системы координат, выявляя таким образом корневые законы мироздания. Однако его интересует не столько результат расщепления единого явления на противоборствующие элементы или, напротив, преобразования противоположных начал в некое единство, но прежде всего механизм, «запускающий» данные процессы. А. Белый, сын математика, стремится понять логику перехода одного начала в другое — в известном смысле «решить уравнение». На художественное мышление писателя, несомненно, оказала влияние теория его отца — т. н. «аритмология», или «монадология», направленная на «математическое обоснование соотношений между детерминизмом

и индетерминизмом как явлением свободы воли, все более определенно дающим о себе знать по мере продвижения по иерархической лестнице монад, что мы заметим в качестве опорной идеи... истории культуры как становления индивидуального и космического самосознания» [Силард 2011: 139]. Подчеркнем, что подобное отношение к математике как к первооснове и первопричине всего сущего — в том числе и жизни духа, культуры — уходит корнями в античную древность.

Мысль о математике как о некоей «первопричине» всего выдвинули уже пифагорейцы: они принимали числа за сущность и считали, что числа обладают свойствами единства противоположностей и все явления бытия, включая людей и вещи, также подчиняются этому закону.

Обращение Белого к философии пифагорейцев подготовлено и гуманитарным знанием — и это неудивительно: тесная связь естественно-научной и гуманитарной мысли в символистской культуре является доказательством коренных, поистине тектонических сдвигов в сознании людей XX века. Не случайно математика (и прежде всего учение пифагорейцев) как основа познания мира оказывается в центре внимания А.Ф. Лосева, прямого наследника философии Серебряного века. Лосев полагает, что, «поняв число как диалектический синтез беспредельного и предела, пифагорейцы тем самым создали учение о созидательной и творчески направляющей сущности числа» [Лосев 1994: 35].

Более того, и другие направления философской мысли логично встраиваются в математическую «матрицу» романа А. Белого. В хорошо известной Белому работе Вяч. Иванова сущность Аполлона и Диониса (в соответствии с учением пифагорейцев) раскрывается на языке чисел:

«В размышлениях о существовании трагедии мы исходим из мысли... что Аполлон есть начало единства, что сущность его — монада, тогда как Дионис знаменует собою начало множественности... если естественным символом единства является монада, то символ разделения в единстве, как источника всякой множественности, был издавна подсказан учением пифагорейцев: это — двоица, или диада. Итак, монаде Аполлона противостоит дионисийская диада...» [Иванов 1974: 191].

«Монада», разумеется, не может не ассоциироваться не только с цельностью, но и с гармонией, порядком, и Аполлон Аполлонович, романский двойник не только античного бога солнца, но и Аполлона Ницше и Вяч. Иванова (а также Аполлония Вл. Соловьева и, разумеется, других героев — соотнесенных с ним, однако, уже не с помощью ономастики), реализует «предписанные» ему самим име-

нем свойства и действия в пространстве оригинальной авторской мифопоэтики. Ключевые образы-мотивы романа — город, небо и космос — часто появляются в пространстве «мозговой игры» сенатора (но также и его сына). Сенатор, придерживаясь «положенного» богу Аполлону стремления к порядку, любит размеренность и симметрию и часто совершает «геометрические путешествия», находясь в центре черного куба-каretty:

«Ему захотелось, чтоб вперед пролетела карета, чтоб проспекты летели навстречу <...> чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном космическом беге пересекла бы необъятность прямолинейным законом... в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов...» [Белый 2004: 21].

Несложно заметить, что геометрическое восприятие мира сенатором определяет и его отношение к политике, проблемам социального устройства, что также обнаруживает параллель с «всеобъемлющим» пифагорейским учением. Аполлон Аполлонович убежден, что все общественно-политические проблемы можно свести к нехитрым математическим построениям, и его представления о мире, о законах социального устройства России и Петербурга по сути раскрываются в романе с помощью «начертательной геометрии»: читатель часто видит панорамное изображение города глазами Аблеухова-старшего и благодаря этому получает также развернутую картину его сознания, сопротивляющегося всему выходящему за пределы рационального: «Аполлон Аполлонович островов не любил: население там — фабричное, грубое; многотысячный рой людской там бредет по утрам к многотрубным заводам... обитатель хаоса, угрожает столице Империи в набегающем облаке...» [Белый 2004: 21].

«Набегающее облако» становится зримым воплощением иррациональных начал бытия — всего бесформенного, хаотичного, чреватого взрывом устоев — в том числе нравственных. Стремление сенатора свести все явления жизни к неким непреложным законам (и, вероятно, прежде всего к аксиомам) математики, получающим наглядное воплощение в геометрических фигурах, позволяет выявить и особенности его «научного подхода» к миру — попытаться проанализировать тот «математический» метод, который лежит в основе его мировоззрения.

Картина мира, живущая в сознании сенатора, отвергающего все непредвиденное, случайное, зиждется на его убежденности в постоянстве и непрерывности материи — и таким образом опирается на ту научную концепцию, которую знаменитый математик Н.В. Бугаев, отец А. Белого, характеризовал как «возможность складывать элементарные явления в одно целое и, наконец, точно и определен-

но обрисовать явление для всех прошлых и предсказать для всех будущих моментов времени» [Бугаев 2007: 49–51]. Интересно, что сам профессор Бугаев, черты которого, очевидно, подарены Белым не только героям более поздних произведений, но и Аблеухову-старшему, напротив, отстаивал идею о прерывности мира и даже обосновал необходимость такого направления в научной мысли, как аритмология. По мнению Бугаева, «в аритмологии встречаются особые функции, обратные прерывным. Их можно назвать функциями произвольных величин. Они обладают свойством иметь бесчисленное множество значений для одного и того же значения независимого переменного» [Бугаев 2007: 49–51].

Очевидно, лекции Н.В. Бугаева легли в основу романа. Не случайно одним из самых пронизательных читателей Белого стал П. Флоренский — другой гениальный ученик профессора Бугаева. Так, в работе «Столп и утверждение истины» Флоренский высказывает идеи, восходящие к воззрениям знаменитого московского математика:

«В социальной сфере аналитик говорит о непрерывной эволюции, а аритмология — о мировых катастрофах, революциях, переворотах в индивидуальной и общественной жизни, о ритмической смене типов культур. Аритмология живет чувством, что “мир надтреснут” и что сквозь эти трещины видна лазурь вечности» [Флоренский 1914: 489].

То, что Белый, автор романа «Петербург», облакает в художественную форму, Флоренский высказывает словом мыслителя. Более того, сходные идеи выражает и Д.С. Мережковский: «Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой, смежный закон — прерывности, внезапности, катастрофичности, — то “непредвидимое” (*imprévisible* Бергсона), что в стихии общественной называется революцией» [Мережковский 1915: 58].

Но, возвращаясь к роману «Петербург», подчеркнем: прогрессивные идеи своего отца Белый дарит не сенатору, а его сыну, связанному с террористами, требующими от него совершить отцеубийство. Хаос революции, взрывающей порядок, уничтожающей самое время (дурная бесконечность оборачивается «абсолютным нулем» — «нулевым» летоисчислением), как уже отмечалось, воплощен в бомбе-сардиннице, но не менее важными для понимания «мифоматематики» романа оказываются фигуры «детей»: не только самого Аблеухова-младшего, по вине которого может «прерваться связь времен» — рода, семьи, — но и Дудкина, тоже своего рода «сынка» сенатора (но также и «сынка» самого Медного всадника — Медного гостя, крепкого Гостя, Летучего голландца и пр.). Само появление

Дудкина в «реальном» пространстве Петербурга может восприниматься как травестия сюжета о рождении Афины Паллады из головы Зевса — герой «соткался» из мозговой игры Аполлона Аполлоновича:

«Аполлон Аполлонович был в известном смысле как Зевс: едва из его головы родилась вооруженная узелком Незнакомец-Паллада, как полезла оттуда другая, такая же точно Паллада» [Белый, 2004: 35].

Следует заметить, что две ключевые фигуры эпохи — Аполлона и Диониса — отнюдь не случайно оказываются в отношениях отцовства-сыновства: так, В. Топоров связывает закат идей аполлонизма в русской культуре 10-х гг. XX века с завершением символистского периода существования журнала «Аполлон»:

«В общественном мнении тень вырождения готова упасть на все звенья этой цепочки, и образ самого Аполлона приобретает черты будничности, сомнительности, развенчанности. Происходит своего рода “дисгармонизация” бога гармонии... Образу Аполлона становится все труднее скреплять связываемое с ним гармоническое единство, уровень вкуса снижается» [Топоров 2003: 151].

Итак, аполлоническое начало в 10-е годы XX в. у символистов ассоциируется со старостью, дряхлением культуры — с поколением «отцов». Вслед за Гоголем, создателем образа Акакия Акакиевича, Белый усиливает комический эффект с помощью удвоения «устаревшего» имени своего героя (Аполлона Аполлоновича), возводя архаику «в квадрат».

«Несовременной» идее аполлонизма соответствует и консервативная философия — прежде всего позитивизма, маркированного именем Конта. Борьба отцов и детей может быть подана и как противопоставление идеализма Канта позитивизму Конта (которое таким образом соотнесено с антиномией идей непрерывности и прерывности):

«Коген, крупнейший представитель европейского кантианства... — Да ведь Канта же опроверг Кант? Ты о Конте ведь? — Не о Конте, папаша, о Канте!.. — Но Кант не научен... — Это Кант не научен...» [Белый 2004: 119].

Математика «отвечает» в романе Белого не только за философскую и историософскую сферы, но и за виды психологизма: расширяется сама палитра способов психологического анализа личности. «Дети», замышляющие отцеубийство, одержимы идеей уничтожения. В тот момент, когда от Аблеухова-младшего действительно требуется совершить отцеубийство, его «я» разделяется на «субличности», конфликтующие друг с другом, благодаря чему столкновение отцов и детей переводится во внутренний план, обретая масштаб подлинной трагедии — даже в понимании древних.

«Он хотел бросить бомбу в отца... огромный Юпитер собирался стать миром... но отец был — Сатурн, круг времени повернулся, замкнулся... течение времени перестало быть, все рушится: валит-ся на Сатурн...» [Белый 2004: 238].

Распад личности другого «сынка» сенатора — террориста Дудкина — представлен в романе «по-достоевски»: актуализируются и тема политического карантина, провоцирующего безумие, и изображение подпольного сознания, и муки будущего преступника.

Однако раздвоенность «Диониса-сына» позволяет пристально взглянуть и на единство отца-Аполлона, которое оказывается мнимым — не случайно фигура «белоснежного старичка» обретает комические черты, которые акцентируются с помощью контраста, внутреннего противоречия между именем персонажа и его внешним видом:

«...Кризис аполлонизма уже в том, что носителем его — в полном противоречии с аполлоновской идеей — выступает пергаментный старичок... [который] призван к тому, чтобы источать во все стороны гранитные линии, геометрию государственности... геометрическую гармонию, идущую сверху, в противовес стихийности, идущей снизу» [Топоров 2003: 151].

Поэтика контраста помогает увидеть внутренние противоречия личности сенатора и — что особенно важно в свете математического прочтения его образа — те элементы, из которых состоит неделимая, казалось бы, «монада». Индивид оказывается «дивидом»:

«...Там Аполлон Аполлонович в Аполлоне Аполлоновиче увидел круглую пробитую брешь в темно-лазурную даль (в место темени)... стало вытягивать сознание Аполлона Аполлоновича из-под крутня сверканий (сквозь темянную синюю брешь) в звездную запредельность... Аполлон Аполлонович вылетел через круглую брешь в синеву, в темноту, златоперой звездой... как ракета, беззвучно разлетелась на искры. Мгновение не было ничего: был довременный мрак...» [Белый 2004: 140].

Ужас распыления, которым одержим Аполлон Аполлонович, переживается им телесно — как физиологически ощутимая связь с мирозданием и Петербургом С помощью подобного «выворачивания» тела через «себя», по П. Флоренскому, и осуществляется переход из мира реальности в сверхреальный мир мнимых величин: «Область мнимостей реальна... но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя» [Флоренский 1991: 51]. Макрокосм и микрокосм в романе А. Белого «сцеплены» — и оба отнюдь не могут быть представлены как некие монолитные единства, или математические точки. Пристальный

интерес Белого к категориям единичности и множественности, точки и сферы привлек внимание современных исследователей:

«Одним из самых распространенных и важных символов Петербурга в романе является расширяющаяся и со временем взрывающаяся сфера», — отмечают авторы статьи «Из Польши в Петербург: парадокс Банаха — Тарского в модернистском романе Белого» (*From Poland to Petersburg: the Banach—Tarski paradox in Bely's modernist novel*) [Giansiracusa, Vasilyeva 2017: 1–9]. С точки зрения ученых, художественные открытия А. Белого обнаруживают типологическое родство с теоремой, или парадоксом Банаха — Тарского, в поле зрения которых также оказался феномен постоянно увеличивающейся сферы, одновременно разбивающейся на вращающиеся фрагменты. По мнению Ноя Джансиракусы и Анастасии Васильевой, Петербург Белого уподобляется рою маленьких неразличимых объектов, по существу — облака точек. Когда расширяющиеся по всему Петербургу сферы распадаются на части, на клубящиеся «точечные» облака, они становятся «бесконечным пространством». Бесконечность для А. Белого прежде всего означает круг вокруг самой себя, из нее нет выхода, и все траектории движения представляют собой замкнутые круги: вспомним, что уже в прологе к роману акцентируется тема круга, сферы, «математической точки, не имеющей измерения». Более того, идея круга заостряется (и пародируется) средствами поэтики — серия повторяющихся вопросов и ответов образует круг:

«Распространимся более о Петербурге: есть — Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер. На основании тех же суждений Невский Проспект есть петербургский Проспект» [Белый 2004: 9].

Этот повторяющийся образ «дурной бесконечности» в дальнейшем получает развитие именно благодаря фигуре Аполлона Аполлоновича, рассылающего указы жителям города (тоже своего рода «точкам»): «Отсюда... несется потоком рой отпечатанной книги... несется из этой невидимой точки стремительно циркуляр» [Белый 2004: 10]. Административная деятельность сенатора, жизнь города похожи на дурную бесконечность, замкнутый на себя путь, который повторяется вновь и вновь. Бессмысленная циркуляция указов лишает развития тех, кто рассылает и кто получает их. Единственный реальный выход — бомбить, взрывать повторяющиеся круги. Однако и этот путь оказывается ложным, поскольку не ведет к переходу на новые исторические и культурные рубежи. Фатализм Белого проявляется в том, что дети и отцы выступают в роли марионеток истории: терроризм детей является закономерным продолжением консерватизма отцов — и Белый доказывает это математически. Законы прерывности и непрерывности, опровергающие, на

первый взгляд, друг друга, очевидно, не могут существовать в отрыве один от другого.

Таким образом, математическое прочтение Петербурга — и персонажной сферы в том числе — коррелирует с отмеченными З.Г. Минц свойствами символистского романа, организованного по принципу взаимного отражения персонажей друг в друге, проявляясь также в разделении единого прагероя на романских двойников. Более того, математический код можно обнаружить и в авторском подходе к изучению личности: традиционные виды психологизма поверяются и дополняются математическими способами постижения человеческого характера.

Математический «инструментарий» Белого чрезвычайно богат, художественный метод писателя обнаруживает родство с учением пифагорейцев, аритмологией Н. Бугаева и теорией Банаха — Тарского. Преемником А. Белого в сфере «мифоматематики», безусловно, можно считать Е. Замятина, в антиутопии которого, однако, математический код вынесен на поверхность: конфликт арифметики и высшей математики, во многом определяющий и принципы группировки персонажей, без труда считывается даже неподготовленным читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Петербург. 2-е изд. СПб., 2004.
2. *Бугаев Н.В.* Математика и научно-философское мирозерцание (фрагменты из книги) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 10. С. 49–51.
3. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений II. Брюссель, 1974.
4. *Лазаренко Л.В.* Образ человека в творческом сознании Андрея Белого: К проблеме поэтики романа «Петербург»: Дисс. ... канд.филол.наук. М., 2002.
5. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Книга 2. М., 1994.
6. *Луценко К.В.* Система персонажей в русском символистском романе (Д. Мережковский, Ф. Сологуб, А. Белый): Дисс. ... канд.филол.наук. Нижний Новгород, 2014.
7. *Мережковский Д.С.* Было и будет: дневник 1910–1914. Петроград, 1915.
8. *Минц З.Г.* Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский Сборник III / Под ред. З.Г. Минц. Тарту, 1979.
9. *Разумова А.О.* Роман Андрея Белого «Петербург»: гносеологическая природа текстопорождения: гносеологическая природа текстопорождения: Дисс. ... канд.филол. наук. Томск, 2006.
10. *Силард Л.* «Новая математика» и «философия математики» в Истории становления самосознающей души: Аспекты аритмологии и комбинаторики // Russian Literature, 2011, 70 (1–2): 13. URL: <https://vdocuments.mx/-575074491a28abdd2e93b2dc.html?page=1> (дата обращения: 25.09.2022).
11. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.
12. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
13. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины. М., 1914.

14. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991.
15. Giansiracusa N, Vasilyeva A. From Poland to Petersburg: The Banach-Tarski Paradox in Bely's Modernist Nove // arXiv: 1710.05659 [math.HO]. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1710.05659.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).
16. Kaparushkina D.I. Художественная интерпретация математических понятий в романе А. Белого «Москва» [Poetic interpretation of mathematical concepts in A. Bely's novel Moscow «Москва»]. [Old language literature], 2020, № 32 (3), pp. 153–172.
17. Oppo A. *Discontinuity*: Pavel Florenskii's Preryvnost' as a Universal Paradigm of Knowledge [Russian Literature], 2022, № 130, pp. 69–93.

REFERENCES

1. Belyj A. *Peterburg*. 2-e izd. SPb, Nauka, 2004. 699 p.
2. Bugaev N.V. *Matematika i nauchno-filosofskoe mirosozercanie (fragменты iz knigi)* [Mathematics and scientific and philosophical outlook (fragments from the book)]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 2007, № 10, pp. 49–51.
3. Florenskij P.A. *Stolp i utverzhdienie Istiny* [Pillar and ground of Truth]. Moscow, Put', 1914. 490 p.
4. Florenskij P.A. *Mnimosti v geometrii* [Imaginary in geometry]. Moscow, Pomor'e, 1991. 96 p.
5. Giansiracusa N, Vasilyeva A. From Poland to Petersburg: The Banach-Tarski Paradox in Bely's Modernist Nove // arXiv: 1710.05659 [math.HO]. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1710.05659.pdf> (accessed: 25.09. 2022).
6. Ivanov V. *Sobranie sochinenij II* [Collected works II]. Brussels, Foyer Oriental Chrétien, 1974. 870 p.
7. Kaparushkina D.I. *Poetic interpretation of mathematical concepts in A.Bely's novel Moscow*. [Old language literature], 2020, №32 (3), pp. 153–172.
8. Lazarenko L.V. *Obraz cheloveka v tvorcheskom soznanii Andreja Belogo: K probleme pojetiki romana "Peterburg"* [The Image of Man in the Creative Consciousness of Andrei Bely: On the Problem of Poetics novel "Petersburg"]: Diss. ... Ph.D. Sciences, 2002.
9. Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki. Itogi tysjacheletnego razvitiija* [History of ancient aesthetics. The results of millennial development]. In 2. Book 2. Moscow, Iskusstvo, 1994. 690 p.
10. Lucenko K.V. *Sistema personazhej v russskom simbolistskom romane (D. Merezhkovskij, F. Sologub, A. Belyj* [The system of characters in the Russian symbolist novel (D. Merezhkovsky, F. Sologub, A. Bely): Diss. ... Ph.D. Sciences. Nizhny Novgorod, 2014.
11. Merezhkovskij D.S. *Bylo i budet: dnevniki 1910-1914* [It was and will be: a diary 1910–1914]. Petrograd, Trud, 1915. 360 p.
12. Minc Z.G., *Tvorchestvo A.A., Blok i russkaja kul'tura XX veka Blokovskij Sbornik III* [Creativity of A. A. Blok and Russian culture of the XX century Blokovsky Collection III]. Ed. 3. G. Mints. TARTU, 1979. 773 p.
13. Razumova A.O. *Roman Andreja Belogo "Peterburg": gnoseologicheskaja priroda tekstoporozhdenija* [Andrei Bely's novel "Petersburg": the epistemological nature of text generation]: Diss. ... Ph.D. Sciences. Tomsk, 2006.
14. Silard L. «Novaja matematika» i «filosofija matematiki» v Istorii stanovlenija samo-soznajushhej dushi: *Aspekty aritmologii i kombinatoriki* ["New Mathematics" and "Philosophy of Mathematics" in Istorii Stanovleniia Samosoznaiushchei Dushi: Aspects of Arithmology and Combinatorics]. Russian Literature, 2011, № 70 (1–2),

pp. 139. URL:<https://vdocuments.mx/-575074491a28abdd2e93b2dc.html?page=1>
(Access date: 25.09. 2022).

15. Silard L. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and hermeneutics]. SPb, Ivana Limbaha, 2002. 328 p.
16. Toporov V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury* [Petersburg text of Russian literature]. SPb, Iskusstvo, 2003. 616 p.
17. Oppo A. *Discontinuity: Pavel Florenskii's Preryvnost' as a Universal Paradigm of Knowledge* [Pavel Florenskii's Preryvnost' as a Universal Paradigm of Knowledge]. Russian Literature, 2022, № 130, pp. 69–93.

Поступила в редакцию 18.08.2022

Принята к публикации 22.11.2022

Отредактирована 23.11.2022

Received 18.08.2022

Accepted 22.11.2022

Revised 23.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Чжан Линьлинь — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zllsaryy@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Zhang Linlin — Ph.D. Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zllsaryy@gmail.com

МОТИВЫ ЖИВОПИСИ АРНОЛЬДА БЁКЛИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БУНИНА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

Е.В. Кузнецова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; katkuz1@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается рецепция живописного наследия Арнольда Бёклина (1827–1901) в русской культуре и литературе Серебряного века, прошедшая все стадии от бурного увлечения до охлаждения и почти полного забвения. Основное внимание уделяется лирике Ивана Бунина и Андрея Белого 1900-х годов, раскрывающих разные способы знакомства российской публики с картинами швейцарского живописца (зарубежные путешествия, репродукции) и особенности их восприятия. Посредством сравнительного анализа выявляется сходство сюжетов и образов некоторых стихотворений двух поэтов-современников с одними из самых известных картин художника: «Остров мертвых» и «Битва кентавров». Делается вывод, что культуре русского модернизма в целом было свойственно метафизическое истолкование Бёклина. Бунин больше ценил символические лирические пейзажи, передающие ощущение мистической таинственности бытия и человеческой жизни, или его аллегорические полотна («Океаниды»), впечатляющие красотой пластической сцены. Белый в творчестве художника искал опору для утверждения существования другой, потусторонней реальности, царства мифов и древних легенд, и это отразилось в его лирике. А в симфониях аллюзии на Бёклина создают сатирический эффект. Тем не менее, как в стихотворении Бунина, так и в произведениях Белого мы находим интересные примеры модернистского художественного синтеза, сочетающего живопись и литературу и направленного на одухотворение реальности, преодоление позитивизма и материализма. Мы видим, как образы швейцарского художника становятся органичным языком для чужой творческой мысли, вписываются в чужую национальную культуру.

Ключевые слова: И. Бунин; А. Белый; А. Бёклин; живопись; лирика; культура модернизма; синтез искусств

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-180-194

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Живописные мотивы Арнольда Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 180–194.

ARNOLD BÖCKLIN'S PICTORIAL MOTIFS IN THE POETRY OF IVAN BUNIN AND ANDREY BELY

Ekaterina Kuznetsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; katkuz1@mail.ru*

Abstract: The article deals with the reception of Arnold Böcklin's pictorial heritage in the Russian culture and literature of the Silver Age. It has gone through all the stages from a violent passion to cooling and almost complete oblivion. The focus is on the lyrics of Ivan Bunin and Andrey Bely of the 1900s. The author reveals the ways of acquaintance of the Russian public with the paintings of the Swiss painter (foreign travels, reproductions) and the peculiarities of their perception. By means of comparative analysis, the author reveals the similarities in the plots and images of some of the poems of two contemporary poets with the most famous paintings of the artist: *The Island of the Dead* and *The Battle of the Centaurs*. It is concluded that the culture of Russian modernism as a whole was characterized by a metaphysical interpretation of Böcklin. Bunin valued more symbolic lyrical landscapes that convey a sense of the mystical enigma of being and human life, or allegorical canvases (*Oceanids*), impressive because of the beauty of the plastic scene. Bely sought in the artist's work support for the assertion of the existence of another, otherworldly reality, the realm of myth and ancient legends, and this was reflected in his poetry. And in the symphonies, allusions to Böcklin create a satirical effect. Nevertheless, both in Bunin's poem and in Bely's works, we find interesting examples of a modernist artistic synthesis that combines painting and literature and is aimed at spiritualizing reality, overcoming positivism and materialism. We see how the images of the Swiss artist become the language for someone else's creative thought, fit into a different national culture.

Key words: I. Bunin; Andrey Bely; A. Böcklin; painting; lyrics; culture of modernism; synthesis of arts

For citation: Kuznetsova E.V. (2023) Arnold Böcklin's Pictorial Motifs in the Works of Ivan Bunin and Andrey Bely. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 180–194.

Швейцарский живописец Арнольд Бёклин (1827–1901) был ярким представителем художественного символизма в европейском искусстве. Путешествия и знакомства со многими выдающимися людьми своего времени позволили ему синтезировать в своем творчестве художественные идеи, будоражившие в ту пору Европу и так или иначе отразившие настроения эпохи «конца века». Творчество Бёклина отличается многими переходными чертами, его называли символистом и неоклассиком, последним романтиком и провозвестником сюрреализма [Федотова 2001].

Особую популярность художнику принесли аллегорические печальные пейзажи и сюжетные картины на темы античной мифо-

логии, которые составляют два основных направления его творчества. Бёклин очищает реальность от всего сиюминутного, бытового, преходящего ради выявления подлинного, вечного, ценностного. Символизм Бёклина был не книжным, не теоретическим, а глубоко прочувствованным и пережитым, он так изображал предметы и стихии, что за внешней оболочкой ощущалась некая таинственная неуловимая сущность. В полной мере это завораживающее умение проявилось в его главной картине — «Остров мертвых» (*Die Toteninsel*). С 1880 по 1886 г. художником было создано пять версий картины для разных заказчиков, и каждая новая версия отличалась от предыдущей. Сохраняя общую композицию и сюжет, живописец менял цветовую гамму, освещение и находил новые оттенки настроения всего полотна — от мрачного трагизма до светлой грусти. Четыре дошедших до нас варианта «Острова мертвых» представляются частями одного лирического художественного произведения, в котором смертельная тоска и скорбь сменяются полным покоем, а время отступает перед вечностью. Меланхоличность «Острова» в точности отражала те настроения в обществе конца XIX века, которые обозначались словом «декаданс»: непонятная меланхолия, мрачные предчувствия, интерес к потустороннему миру и мистике, ощущение усталости от жизни, отторжение грубой земной реальности.

В среде русской интеллигенции Бёклин был особенно популярен как выразитель тоски по недостижимому Золотому веку, утопически прекрасному миру. На рубеже XIX–XX века он, пожалуй, был в России самым знаменитым современным зарубежным художником. О его необычайной славе свидетельствуют такие высказывания современников: «В живописи, — признавался Леонид Андреев, — люблю больше всего Бёклина» [Кодак 1908: 3]. В. Серов в письме из Флоренции в 1887 г. писал: «Кипарисы качаются по-бёклиновски» [Серов 1985: 91]; М. Волошин в 1907 г. в газетной рецензии размышляет о тонких бёклиновских проникновениях [Волошин 1988: 454], а в статье 1912 г. рассуждает о картине «Остров мертвых», даже не называя ее и, очевидно, полагая, что читатели прекрасно поймут, о каком живописном произведении идет речь [Волошин 1988: 319]¹.

Известности «Острова мертвых» способствовали качественные и недорогие репродукции, выпущенные огромным тиражом в середине 1880-х гг. издательством Ф. Гурлита. А первую журнальную иллюстрацию знаменитой картины в 1902 г. во втором номере «Журнала для всех» сопровождали два стихотворения, К. Фофано-

¹ В критике рубежа 1890–1900-х гг. восторженные статьи о творчестве живописца пишут также И. Коневской, И. Грабарь, П. Ге, К. Маковский, Ан. Чеботаревская и др.

ва и А.М. Федорова, по-разному откликнувшихся на это знаменитое полотно. Картина произвела глубокое впечатление и на С. Рахманинова, который в 1908–1909 гг. создал симфоническую поэму «Остров мертвых». В звучании музыки он постарался передать легкий плеск волн и настроение мистического постижения неизбежной смерти.

В России репродукция картины «Остров мертвых» висела на стене в квартире чуть ли не каждой образованной семьи. Иронизируя над вездесущей картиной, Н. Тэффи в 1912 г. даже сочинила юмористический рассказ, который так и назвала — «Остров мертвых»:

«Вчера я была счастлива. Я сидела в гостиной, в которой ни на одной стене не висела гравюра с картины Бёклина “Остров Мертвых”! Конечно, поверить этому трудно, но, уверяю вас, я не хвастаю. В продолжение приблизительно десяти лет, куда бы я ни пошла, всюду встречал меня этот “Остров Мертвых”. Я видела его в гостиных, в примерочной у портнихи, в деловых кабинетах, в номере гостиницы, в окнах табачных и эстампных магазинов, в приемной дантиста, в зале ресторана, в фойе театра... Я так привыкла к этому, что часто, входя в какой-нибудь новый дом, инстинктивно искала его глазами и, только найдя, успокаивалась.

— Ага! Вот он! — думала я. — Ну, значит, все в порядке.

Если случайно где-нибудь “Острова мертвых” не оказывалось, то это было признаком очень серьезным. Это значило, что жизнь в этом доме течет не обычным, а каким-то неестественным, болезненным порядком. В лучшем случае это означало, что люди только что переехали и еще не успели устроиться или собираются переезжать, и “Остров мертвых” уже упакован» [Тэффи 2011: 406].

Во второй части рассказа Тэффи пишет о том, что ей самой картина очень понравилась в момент первого знакомства с ней, но потом полотно, продававшееся в каждой мелочной лавочке, стало раздражать своей растиражированностью, ассоциироваться с бытом мешанских квартир и комнат декадентствующих студентов, его символический пласт померк и потускнел [Тэффи 2011: 408].

На картине Бёклина, столь полюбившейся европейской и русской интеллигенции, изображена лодка, подплывающая к одинокому скалистому острову-кладбищу, поросшему кипарисами — символами скорби и памяти по умершим, издревле сажаемыми на кладбищах. Лодкой правит гребец, который перевозит к месту последнего пристанища душу умершего — торжественно-одинокую фигуру, закутанную в белый саван. Сюжет картины восходит к античной мифологии, и фигуру гребца можно соотнести с древнегреческим Хароном, перевозчиком душ умерших через подземную реку Стикс. Согласно греческим сказаниям, души любимцев богов

и прославленных героев находят последнее пристанище на островах, омываемых водами Стикса и получивших название Острова Блаженных, а простые смертные томятся в подземном царстве. Возможно, «Остров мертвых» также был вдохновлен образом венецианского острова-кладбища Сан-Микеле, куда умерших по традиции переправляли на черных лодках-гондолах и где произрастают такие же траурные кипарисы, какие изображены на знаменитой картине швейцарского художника.

В данной статье мы бы хотели проанализировать особенности художественной рецепции наследия Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого. Будучи поэтами разных поколений и направлений, они по-разному преломили живописные образы швейцарского художника.

Т.М. Двинятина указывает, что Бунин впервые познакомился с творчеством живописца в 1903 г. во время заграничного путешествия по Европе. На обратном пути из Швейцарии писатель увидел картины Бёклина в галереях Мюнхена и Базеля: «Этому швейцарскому художнику-символисту суждено было сыграть в творческом самосознании Бунина особую роль. Символические пейзажи Бёклина были популярны в конце XIX века, самые известные — «Остров мертвых», «Руины у моря», «Обитель блаженных», «Вилла у моря», «Морская идиллия» — были, несомненно, знакомы Бунину» [Двинятина 2015: 91].

В этом же году в Одессе вышел первый выпуск литературно-художественного сборника «Наши вечера», в котором было опубликовано стихотворение Бунина «In memoriam» и рассказ «Перевал», а также статья его друга В. Куровского «Арнольд Бёклин», посвященная памяти художника. В этом же сборнике была напечатана репродукция картины Бёклина «Вилла у моря». Но Т.М. Двинятина полагает, что эта картина и ранее была известна Бунину и явилась одним из источников образов его стихотворения «Мраморная пристань», напечатанного в девятом номере «Журнала для всех» в 1902 г. [Двинятина 2015: 92].

Стихотворение, действительно, бёклиновское. В этом лирическом этюде можно увидеть черты экфрасиса: описание одинокой фигуры, стоящей на берегу и смотрящей на воду, перекликается с подобным же изображением одинокого романтика на полотнах живописца. Упоминание имени художника в самом финале стихотворения («Как Бёклина мечты») не оставляет у читателя сомнений в том, чье творчество является источником образности данного текста:

Какие дни! Как светит золотая
Аллея тополей!

В садах разлита свежесть молодая
Последних ясных дней.
По гравию спускается аллея
К песчаной полосе,
Где, на прозрачном мраморе краснея,
Лежит листва в росе.
А ниже мрамор чистый и холодный
И лодка на руле
Качаются в прозрачности подводной,
В лазурном хрустале.
И долго-долго, глаз не отрывая,
Гляжу я, как вода,
К моим ногам на мрамор наплывая,
Восходит иногда
И вниз скользит, не насыщая взгляда,
И счастьем красоты
Зовет к себе, как юная наяда,
Как Бёклина мечты!²
[Бунин 2014, 2: 233]

Бунину импонировали мотивы одиночества и смерти, воплощенные художником на знаменитых полотнах. Помимо «Виллы у моря», это картины «Руины у моря», «Обитель блаженных», «Остров мертвых». Мраморная пристань и лодка у ее ступеней запечатлены как раз на последнем из перечисленных полотен. А тополияная аллея, залитая солнцем, с описания которой начинается стихотворение, изображена художником на картине «Священная роща». Образы стихотворения Бунина собирательны, и нельзя утверждать, что он опирается только на мотивы Бёклина, однако они здесь отчетливо звучат.

Отточенная четкость линий, особый трагический колорит и лиричность изображения природы поражала и привлекала русского писателя в пейзажной живописи Бёклина. 24 марта 1916 года Бунин отмечает: «Яркий, настоящий весенний день. Крупные облака в серых деревьях, серые стволы имеют необыкновенно прелестный тон и глянец. Напоминает картины Бёклина» [Бунин 1988: 361]. В дневниковой записи 1917 г. от 3 октября он пишет: «Шли дорожкой — впереди березы, их стволы, дальше трубы тонкие пихт, серая тьма и сквозь это — сине-каменное небо (солнце было сзади нас, четвертый час). Бёклин поймал новое, дивное. А как качаются эти тонкие трубы в острых сучках на стволах! Как плавно, плавно и все в разные стороны!» [Бунин 1988: 385]. Бунин не поясняет, что же новое смог уловить швейцарский художник, но можно предпо-

² Выделение курсивом по стихотворному тексту здесь и далее мое. — Е.К.

ложить, что это особая драматическая напряженность в природе, выраженная в контрастах света и тени, в четком узоре темных ветвей и листьев на фоне светлого неба, созвучная мятущемуся неудовлетворенному тревожному духу человека эпохи модерна. «Насыщенный цвет и плотность форм, “архитектура” природы — вот, пожалуй, главные черты, увиденные поэтом в творчестве художника» [Двинятина 2015: 92].

Можно сказать, что стихотворение «Мраморная пристань» представляет собой поэтическую интерпретацию содержания не одной, а нескольких картин художника, образы которых перетекают друг в друга. Но Бунин вносит и свои акценты. Бёклин сосредотачивает свое внимание на связи красоты и смерти, а точнее, на таких мотивах, как умирание красоты и красота умирания, и его картины на эти сюжеты пессимистичны. Лирике Бунина также свойственны подобные мотивы. Но он все же пишет о «счастье красоты», вера в радость бытия не покидает его, поэтому стихотворение «Мраморная пристань» заканчивается на просветляющей, умиротворенной ноте, как и многие другие его лирические пьесы о бренности земного существования, например «Зачем пленяет старая могила...» или «Растет, растет могильная трава...».

Другое небольшое стихотворение Бунина 1905 г., в котором можно увидеть отзвуки живописи Бёклина, называется «Могила поэта», и скорее всего оно также навеяно «Островом мертвых»:

Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипарисов:

Радостней светит меж них синее лоно небес.

Ангел изваян над ним с опрокинутым свечечем жизни:

Ярче пылает огонь, смертью поверженный ниц. [Бунин 2014: 294]

Можно предположить, что Бунин описывает какую-то реальную могилу, которую он видел в России или во время своих путешествий. Стихотворение написано белым стихом и по метрическому рисунку напоминает русский гекзаметр. Бунин использует шестистопный стих с цезурой посередине строки, хотя строго не выдерживает ритм классического гекзаметра (шестистопного метра, обычно включающего 16–17 слогов в строке и также предполагающего обязательную цезуру после третьей стопы)³. Тем не менее, бунинский метр напоминает античные стихи и можно предположить, что поэт описывает гробницу одного из древнегреческих или древнеримских авторов.

³ Бунинский вариант можно тоже считать гекзаметром, так как «гекзаметр» (др.-греч. ἑξάμετρον от ἕξ «шесть» + μέτρον «мера») — в античной метрике любой стих, состоящий из шести метров. Но в более распространенном понимании это стих из пяти дактилей или спондеев и одного спондея или хореев в последней стопе.

Однако наши поиски конкретного места, описанного в стихотворении, пока не дали результатов. Скорее всего Бунин создал собирательный образ гробницы поэта: могилы, окруженные кипарисами, можно увидеть, например, на раскопках древнеримского города Помпеи или на острове-кладбище Сан-Микеле в Венеции. Ангел Смерти, держащий в руках перевернутый факел, символизирующий угасание жизни, является достаточно распространенной кладбищенской скульптурой и встречается, например, на захоронениях Тихвинского и Лазаревского кладбищ в Санкт-Петербурге.

Однако Бёклин был знаменит не только аллегорическими картинами на тему смерти. Он также создал множество полотен по мотивам древнегреческой мифологии, изображающих нимф, кентавров, тритонов и морских наяд. Эти картины, как правило, совсем другие по настроению: они наполнены движением, светом, легким эротизмом и радостью жизни. Поэт словно сравнивает ушедший в небытие Золотой век и печальную, лишенную красок жизни современность. У Бунина не так много стихотворений, в которых бы встречались упоминания древнегреческих богов или героев. Но на мифологические полотна художника он откликнулся стихотворением «Океаниды» (1903–1905), которое представляет собой довольно точный экфрасис такой картины, как «Игра nereид» (1886), изображающей тритонов и nereид, резвящихся в волнах вокруг скалистого острова:

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны *прибрежных скал*,
Кипя, встает за гребнем гребень,
Крутясь, идет за *валом вал*, —

Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально-вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой, —
Как весел ты, о буйный хохот
Звенящий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!
Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!
[Бунин 1988, 1: 258]

Бунин рисует картину гранитных утесов, о которые с брызгами и пеной разбиваются морские волны. А в волнах плещутся и ныря-

ют молодые и прекрасные морские нимфы. Такая художественная деталь, как золотой отблеск на гребне волны, набегающей на скалу, полностью совпадает с колоритом картины Бёклина (золотой свет как бы подсвечивает самую большую волну на полотне) и указывает на то, что стихотворение Бунина было вдохновлено именно ей. Но в отличие от русских символистов, обращение к мифу для Бунина не становится попыткой построения какой-то альтернативной реальности, его привлекает в описанной картине пластическая красота молодых тел и динамизм композиции на фоне бушующего моря, воплощающие стихийную радость бытия и первозданную жизненную силу. Океаниды не становятся многозначным символом, а наоборот, как бы обретают телесность, живую плоть, но при этом остаются аллегорией, фантастическим образом, как нельзя лучше выражающим витальную силу мироздания.

Андрей Белый в начале 1900-х гг. также находился под сильным впечатлением творчества Бёклина и мифологических сюжетов его картин. Об этом говорят образы кентавров, фавнов, наяд и силенов, которые возникли как на страницах «Второй симфонии» поэта, так и в ряде произведений сборника «Золото в лазури». Прежде всего, это такие стихотворения, как «Кентавр», «Игры кентавров», «Битва кентавров» и «Песнь кентавра», которые образуют мини-цикл внутри сборника. Безусловно, Белый был хорошо знаком с этими персонажами и по первоисточникам: античным мифам и легендам. Но живопись Бёклина, известная в России по многочисленным репродукциям, была еще одной проекцией, показывающей возможность актуализации архаических мифических образов в искусстве современности. Она убедила начинающего поэта в богатом символическом потенциале древнегреческих сказаний и способствовала тому, что они ложатся в основу художественной поэтики его раннего творчества.

А. Лавров справедливо отмечает, что конец 1890-х — начало 1900-х гг. были временем культурного и литературного самоопределения Белого, который ищет ориентиры среди уже признанных властителей дум своего поколения, и одним из учителей для него становится Арнольд Бёклин [Лавров 1995: 51, 56]. В 1928 г., ретроспективно осмысляя становление своей «лаборатории сознания», Белый сам пишет об этом периоде в автобиографическом очерке «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во все фазы моего художественного развития»: «С 1897 года начинается эпоха моего бурного литературного самоопределения; оно началось с самоопределения философского полугодом ранее; в мою лабораторию сознания одновременно вливаются: Белинский, Рескин, символисты и “Фритъоф” Тэгнера, Ибсен и Достоевский, Беклин и

Врубель, Григ и Вагнер; вообразите взворот — стилей, догадок, познавательных проблем» (курсив мой — Е.К.) [Белый 1994: 428].

Живописные фантазии Бёклина, Клингера и Штука повлияли и на формирование сказочно-мифологического мира «Северной симфонии» Белого, на что он сам указывал в мемуарах «Начало века» [Белый 1990: 18]. Влияние Бёклина было особенно сильным. А. Лавров отмечает, что в 1900–1901 гг. поэт пережил сильнейшее увлечение творчеством художника, нашедшее отражение и в дневниковых записях писателя 1901 года, в которых он называет его титаном, современным Микель-Анджело, сыном Дюрера, самым замечательным художником XIX столетия и пишет, что «Бёклин создал свой мир и миру действительности с тех пор приходится считаться с миром Бёклина. А это всегда признак гениальности» [Лавров 1995: 63].

Нельзя не отметить и тот факт, что практически с самого начала мифологические герои, актуализированные живописью Бёклина, существуют в творчестве Белого в двух планах: *романтическом и сатирическом*. В последнем случае они символизируют разрыв между светлым миром фантазии (духа) и прозаической, антигероической, обывательской реальностью. В ранних стихотворениях Белого превалирует романтическое восприятие, кентавр олицетворяет первобытную мощь, хтоническую силу земли, природы, маскулинное начало.

Процитируем отрывок из стихотворения «Битва кентавров», в котором проявляется наибольшее сходство с одноименной картиной Бёклина:

И вижу — в молчанье немом
сквозь зелень лепечущих лавров
на выступе мшистом, крутом
немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал,
в крови весь, на грунте изрытом.
Над ним победитель заржал
и бьет его мощным копытом.

<...>

Он сбросил врага, и в поток
бессильное тело слетело.

И враг больше выплыть не мог,
и пена реки заалела.

*Он поднял обломок скалы,
Чтоб кинуть в седую пучину.*

.....

И нет ничего среди мглы,
объявшей немую картину
[Белый 2006: 133–134].

Словно переместившись на тысячи лет назад, поэт становится свидетелем жестокого боя двух соперников, из которых один погибает. Бёклин изображает на своей картине не поединок, а целое сражение мифических полуконей-полулюдей, создав свою вариацию центрального эпизода легенды о битве кентавров с лапифами, описанную в «Метаморфозах» Овидия. У Овидия упоминается такая подробность, как тяжелые камни, которые противники бросали друг в друга. И на полотне швейцарского живописца присутствует такая же художественная деталь, что и в стихотворении Белого, — обломок скалы, занесенный одним из кентавров для смертельного броска. Отметим, что данный сюжет ранее уже воплотился в скульптуре. Мраморный рельеф «Битва кентавров» со сценой кентавромахии создал в 1492 г. молодой гениальный живописец и скульптор Микеланджело Буонаротти. Возможно, еще и поэтому Белый называл Бёклина современным Микеланджело: за перекличку сюжетов и за умение выражать на полотне объем и пластичность фигур.

Не только живопись Бёклина, но и полотна Франца фон Штука повлияли на создание цикла стихотворений Белого о кентаврах. Автограф его стихотворения содержит подзаголовок «По Штуку», и при первой публикации текста в альманахе «Северные цветы» он содержал посвящение Ф. Штуку, которое в дальнейшем было снято. Одним из источников сюжета стихотворения стала одноименная картина немецкого живописца «Битва кентавров» (1894) [Лавров, Малмстад 2006: 529].

Во 2-й «Драматической» симфонии имя швейцарского художника и персонажи его картин также неоднократно упоминаются, но их художественная роль уже другая: они помогают созданию иронического контекста. Ирония направлена не на сами фантастические образы, а на современное обывательское мещанское существование, столь удаленное от подлинных идеалов Золотого века. Например, на вороних рысаках по сытой, хлебосольной Москве катит «морской кентавр, получивший права гражданства со времен Бёклина» [Белый 2011: 299]. Фантастика во 2-й симфонии причудливо переплетается с обыденностью, высокое с приземленным. Цель подобного смешения — разрушить у читателя автоматизм восприятия, иллюзию однопланового бытия. По словам Лаврова, «Ирония — основной способ видения мира во 2-й “симфонии”, вскрывающий двойственность бытия и призывающий преодолеть эту двойственность, духовным импульсом превзойти роковую зависимость от мира и от навязанных им мыслительных и поведенческих императивов» [Лавров 1995: 76].

В произведениях Белого начала 1900-х гг. образ кентавра «вписывался в систему игровых мифотворческих построений, бывших

важным элементом поэтического мироощущения» [Лавров 1995: 528]. Посредством обращения к образам мифических персонажей Белый и члены кружка аргонавтов воспринимали самих себя и окружающую действительность. На склоне лет в мемуарах Белый пояснял, что значил для него и его друзей в те годы «мифологический жаргон»: «Но “кентавр”, “фавн” для нас были в те годы не какими-нибудь “стихийными духами”, а способами восприятия... <...> Образы полотен Штука, Клингера, Бёклина; музыка Грига, Ребикова; стихи Брюсова, мои полны персонажей этого рода; поэтому мы, посетители выставок и концертов, в наших шутках эксплуатировали и Бёклина, и Штука, и Грига...» [Белый 1990: 18]. При этом мы можем наблюдать не только следование культурному коду, но и переосмысление общепринятого аллегорического значения мифологических образов: кентавры, «воплощавшие идеи мужской силы» в пространстве модернизма [Сарабьянов 1989: 177], у Белого зачастую лишаются брутальности, становятся символами молодости, ребячливости, стихийности («Игры кентавров») или романтизируются и превращаются в меланхолических музыкантов, эмоционально переживающих трагический разлад с миром («Песнь кентавра»).

Поэтическое пересоздание обыденной реальности не исключало ее иронического осмысления. Высокий пафос и ирония постоянно соседствуют в ранних произведениях Белого, а «кентавр полусонный», который «мечтательным взором кого-то зовет», играет на лире и поет песню [Белый 2006: 134], соседствует с кентавром, разъезжающим по Москве на вороных рысаках и олицетворяющим сытого, недалекого обывателя.

Подведем некоторые итоги. Если в Европе к моменту своей смерти в 1901 г. Бёклин уже практически классик, то в России он представитель новейшего, передового края в искусстве. Для русских интеллигентов, не связанных напрямую с литературно-эстетической деятельностью, «Остров мертвых» стал знаковым изображением, способом опосредованного приобщения к новому искусству декаданса, пронизанному ощущением упадка. Репродукция сигнализировала о передовых взглядах хозяина дома, разбирающегося в литературной и живописной моде и в определенной мере тоже «дерзающего». С другой стороны, это напоминание о смерти эмоционально попадало в эсхатологические предчувствия конца света или, как минимум, конца эпохи. Но бурное увлечение Бёклиным в 1900-х годах достаточно быстро сменилось охлаждением в 1910-х, а к 1920-м годам ознаменовалось почти полным забвением⁴.

⁴ Потемневшие репродукции Бёклина продолжали висеть в старых домах и квартирах, символизируя уже саму дореволюционную эпоху, но художник пере-

В России начала XX века оказались восприняты два основных направления творчества художника: аллегорические меланхолические пейзажи («Остров мертвых», «Вилла у моря», «Священная роща», «Осенние думы», «Три возраста» и др.) и жизнерадостные, энергичные сцены из античной мифологии («Пан и нимфы», «Игра nereид», «Битва кентавров», «Вакханалия» и др.)⁵. Однако отметим превалирование *метафизического истолкования* живописи Бёклина, прочитанной либо как гимн Золотому веку, либо как тоска по нему, и практически игнорирование откровенного эротизма его образов (обнаженные нимфы, богини, nereиды и т.д., за которыми зачастую подглядывают фавны и сатиры). Легкий оттенок эротического вуайеризма прочитывается только в стихотворении Бунина «Океаниды». Андрей Белый будто сознательно затушевывает мотив мужской физической и сексуальной силы, исконно связанный с образом кентавра. В «Битве кентавров» он еще прослеживается, но в других его ранних стихотворениях полулюди-полукони лишаются своей природности, витальности, романтизируются и «осовремениваются».

В отличие от Бунина Белого привлекала в творчестве швейцарского художника в большей мере фантастичность и даже фантазмагоричность его картин, способность создавать альтернативные миры, наделять плотью мифологические образы волшебных существ, воплощать на полотне грезы и мечты. Если Бунин ценил символические лирические пейзажи, передающие ощущение мистической таинственности бытия и человеческой жизни, или аллегорические полотна («Океаниды»), впечатляющие красотой пластической сцены, то Белый в творчестве художника искал опору для утверждения существования иной, потусторонней реальности, царства мифа и древних сказаний. Его интересовали родственные его собственным исканиям опыты Бёклина в живописной мифопоэтике, основанной на воскрешении героев греческой мифологии, а Бунин привлекала лирика природы, пейзажи настроения, выражающие смятенную душу человека рубежа веков.

Тем не менее, и в стихотворении Бунина, и в произведениях Белого мы встречаем интересные примеры модернистского художественного синтеза, объединяющего живопись и литературу и направленного на одухотворение реальности, преодоление позитивизма и материализма. Мы видим, как образы швейцарского художника

стал восприниматься как актуальный для современного культурного процесса, созвучный новому времени.

⁵ Бёклин также писал картины на сюжеты средневекового европейского эпоса, Ветхого и Нового Завета, но по количеству они существенно уступают его аллегорическим пейзажам или работам по мотивам античной мифологии.

становятся языком для творческой мысли его младших современников и органично вписываются в чужую национальную культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. В 2 т., Т.1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., М., 2006.
2. *Белый А.* Начало века. М., 1990.
3. *Белый А.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во все фазы моего художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 418–494.
4. *Белый А.* Полное собрание сочинений: в 2 т., Т. 2. М., 2011.
5. *Бунин И.* Собрание сочинений: в 6 т., Т. 6. М., 1988.
6. *Бунин И.* Стихотворения: в 2 т., Т. 1 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014.
7. Валентин Серов в переписке, документах и интервью: в 2 т., Т. 1. Л., 1985.
8. *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988.
9. *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2015.
10. *Кодак.* У Леонида Андреева // Биржевые ведомости. 14 февраля 1908, № 10810. С. 3.
11. *Лавров А.В., Малмстад Дж.* Примечания // Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т., Т. 1. СПб., М., 2006. С. 499–630.
12. *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы: жизнь и литературная деятельность. М., 1995.
13. *Сарабьянов Д.В.* Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М., 1989.
14. *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений: В 5 т., Т. 1 / Сост. И. Владимиров. М., 2011.
15. *Федотова Е.Д.* Бёклин. М., 2001.

REFERENCES

1. Belyj A. *Stihotvoreniya i poemy [Poems]*. In 2 vol., Vol. 1, Sost., vstup. st. i prim. A.V. Lavrov, Dj. Malmstad. Sankt-Peterburg, Moscow. Akademicheskij proekt, Progress-Pleyada, 2006. 638 p. (In Russ.)
2. Belyj A. *Nachalo veka [Beginning of century]*. Moscow. Hudozhestvennaya literatura, 1990. 687 p. (In Russ.)
3. Belyj A. *Pochemu ya stal simvolistom i pochemu ya ne perestaval im by't' vo vsekh fazakh moego idejnogo i hudozhestvennogo razvitiya [Why did I become a symbolist and why did I not cease to be one at all times the phase of my ideal and artistic development]*. Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as a worldview]*. Moscow. Respublika, 1994. P. 418–494. (In Russ.)
4. Belyj A. *Polnoe sobranie sochinenij [Full collected works]*: in 2 vol., Vol. 2. Moscow. Al'fa-kniga, 2011. 1260 p. (In Russ.)
5. Bunin I. *Sobranie sochinenij [Collected works]*: in 6 vol., Vol. 6. Moscow. Hudozhestvennaya literatura, 1988. 719 p. (In Russ.)
6. Bunin I. *Stihotvoreniya [Poems]*: in 2 vol., Vol. 1, Vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. T.M. Dvinyatinoj. Sankt-Peterburg. Publ. Izd-vo Pushkinskogo Doma. Vita Nova, 2014. 541 p. (In Russ.)
7. *Valentin Serov v perepiske, dokumentax i intervyyu [Valentin Serov in correspondence, documents and interviews]*: in 2 vol., Vol. 1. Leningrad. Hudozhnik RSFSR, 1985. 487 p. (In Russ.)

8. Voloshin M. *Liki tvorchestva [Faces of Creativity]*. Leningrad. Nauka, 1988. 848 p. (In Russ.)
9. Dvinyatina T.M. *Poeziya I.A. Bunina: E`volyuciya. Poetika. Tekstologiya [I.A. Bunin's poetry: Evolution. Poetics. Textual criticism]*. Dissertaciya doktora filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2015. 441 p. (In Russ.)
10. Kodak. U Leonida Andreeva [At Leonid Andreev's]. *Birzhevye vedomosti [Stock Exchange bulletin]*. 14 fevralya 1908, no 10810. P. 3. (In Russ.)
11. Lavrov A.V., Malmstad Dj. *Primechaniya [Notes]*. Bely` j A. *Stihotvoreniya i poemy [Poems]*. In 2 vol., Vol. 1. Sankt-Peterburg, Moscow. Akademieskij proekt, Progress-Pleyada, 2006. P. 499–630. (In Russ.)
12. Lavrov A.V. *Andrej Belyj v 1900-e gody: zhizn i literaturnaya deyatelnost` [Andrej Bely in the 1900s: Life and Literary activity]*. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. 335 p. (In Russ.)
13. Sarabjanov D.V. *Stil modern. Istoki. Istoriya. Problemy [Modern style. Origins. History. Problems]*. Moscow. Iskusstvo, 1989. 294 p. (In Russ.)
14. Teffi N.A. *Sobranie sochinenij [Collected works]*: in 5 vol., Vol. 1. Ed. I. Vladimirov. Moscow. Knizhnyj Klub "Knigovek", 2011. 480 p. (In Russ.)
15. Fedotova E.D. *Byoklin [Byoklin]*. Moscow. Belyj Gorod, 2001. 47 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.09.2021;
принята к публикации 28.11.2022;
отредактирована 11.12.2022

Received 27.09.2021;
accepted 28.11.2022;
revised 11.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Екатерина Валентиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, katkuz1@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Kuznetsova — PhD, Research Associate of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, katkuz1@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ И РАЗВИТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ У СЛАВЯН: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. Е.А. КУЗЬМИНОВОЙ. МОСКВА: МАКС ПРЕСС, 2022. 220 с.

М.Н. Шевелёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mnsheveleva@mail.ru*

Аннотация: Коллективная монография посвящена Острожской Библии 1581 г. и ее месту в истории славянской библейской традиции: исследуются источниковедческие, текстологические и лингвистические проблемы, связанные с особенностями Острожской Библии, ее источниками, редакторской деятельностью составителей, значением для последующей книжной традиции. В рецензии отмечается новизна представленных разысканий и ценность их общего итога, показывающего сложность процесса филологической работы по созданию Острожской Библии и неоднозначность ее последующей рецепции в истории норм книжного языка у восточных славян.

Ключевые слова: Острожская Библия; источники; паратексты; переводческие стратегии; грамматическая нормализация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-195-199

Для цитирования: Шевелёва М.Н. Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян: коллективная монография / Под ред. Е.А. Кузьминовой. Москва: МАКС Пресс, 2022. 220 с. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 195–199.

OSTROG BIBLE AND THE DEVELOPMENT OF THE SLAVIC BIBLICAL TRADITION: COLLECTIVE MONOGRAPH / ED. BY E.A. KUZMINOVA. MOSCOW: MAK'S PRESS, 2022. 220 p.

Maria Sheveleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mnsheveleva@mail.ru

Abstract: The collective monograph deals with Ostrog Bible of 1581 and its place in the Slavic biblical tradition. The sources of Ostrog Bible, the history of its creation, the editorial work of its creators and value for the next biblical and literary tradition are considered. The review draws attention to the novelty of these studies and significance of their results.

Key words: Ostrog Bible; sources; paratexts; translation strategy; grammatical normalization

For citation: Sheveleva M.N. (2023) Ostrog Bible and the Development of the Slavic Biblical Tradition: Collective Monograph / Ed. by E.A. Kuzminova. Moscow: MAK Press, 2022. 220 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 195–199.

Вышедшая в свет коллективная монография «Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян» под ред. Е.А. Кузьминовой подготовлена по итогам международной научной конференции в честь 440-летия Острожской Библии, прошедшей на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в марте 2021 г. Международный коллектив авторов монографии включает известных специалистов в области исследования славянской библейской традиции, текстологов и лингвистов, которые представляют результаты своих новейших разысканий по изучению Острожской Библии и ее места в истории библейской традиции у славян.

Острожская Библия (далее ОБ) — первый полный печатный свод библейских книг на церковнославянском языке, подготовленный и изданный в 1581 г. в Остроге группой книжников, сложившейся вокруг князя Василия-Константина Острожского; типографское издание этого кодекса осуществил принадлежавший к этому кругу печатник Иван Федоров. Проблемам изучения ОБ в разных аспектах посвящена большая литература, однако до сих пор, как показала данная монография, многие вопросы оставались и еще остаются открытыми — поле для филологической деятельности ОБ представляет огромное.

Монография открывается удачно написанным вводным разделом (М.Л. Ремнева, Е.А. Кузьминова), четким и информативным, который знакомит читателя с историческими условиями создания Острожского кодекса и его особенностями, кратко обобщает имеющуюся литературу по этим вопросам.

Далее следуют разделы, посвященные проблемам источниковедения и текстологии ОБ.

Раздел «Забытый экземпляр Острожской Библии в Италии» (М. Гардзанити) сообщает об обнаруженном автором в Университетской библиотеке Болоньи экземпляре ОБ, поступившем из фонда Болонского кардинала Филиппо Марии Монти (1675–1754). Книга содержит латинскую версию предисловия к ОБ, а также рукописные глоссы на латыни, греческом, церк.-славянском, простой мове и длинную рукописную приписку на простой мове с датой 1642 г. (приведен ее текст) — в источниковедческом отношении этот материал очень интересен.

Интересен дискуссионный по своему характеру раздел «Неизвестный польский источник Острожской Библии» (Э.М. Бунатиру), переводящий читателя к проблеме источников ОБ. На примере переведенной с латыни для Геннадиевской Библии 1499 г. (ГБ) 3-й книги Ездры, вошедшей в состав ОБ, автор подвергает сомнению устоявшееся представление о том, что редакторы ОБ заново правили текст ГБ по Вульгате (ср. сходный вывод в предпоследнем разделе монографии, И.В. Вернер): сопоставление этой части текста с Вульгатой, чешским и польскими переводами Библии обнаруживает существенные отклонения от Вульгаты и сходство с польским переводом (очевидно, в редакции Симона Будного 1572 г.). Раздел написан с привлечением большого фактического материала, выводы автора убеждают.

Следующие разделы монографии посвящены исследованию паратекстов (дополнительных текстов) ОБ: текста на титульном листе и обращения к читателю кн. Константина Острожского (И.А. Подтергера), предисловий Феофилакта Болгарского к Евангелиям в ОБ в сравнении с другими старопечатными Евангелиями, содержащими эти предисловия (Е. Остапчук), предисловия к посланиям ап. Павла в ОБ в контексте рукописной традиции славянского перевода этого текста (М.О. Новак), критического аппарата (системы разметок и отсылок) в ОБ и созданной на ее основе Московской Библии 1663 г. (МБ) в сопоставлении с соответствующей системой юго-западных изданий XVII в. (Т.В. Пентковская).

Пространный раздел «Паратексты Острожской Библии: к лингвистической интерпертации» (И.А. Подтергера) содержит интересную информацию о лингвистических особенностях надписи на титульном листе ОБ, никогда прежде не подвергавшейся специальному исследованию, однако дальше автор переходит к рассмотрению истории самого понятия «Библия» в вост.-слав. культуре и к вопросу о статусе церк.-слав. языка как языка православия, что представляет собой самостоятельную проблематику, хотя и связанную с содержанием надписи титульного листа. Как кажется, этому обширному разделу недостает более четкой структурированности.

Интересны текстологические разделы о предисловиях к Евангелиям ОБ и Посланиям ап. Павла. В исследовании о предисловиях Феофилакта Болгарского к Евангелиям в ОБ (Е. Остапчук) показано, что они отличаются от ГБ и отражают традицию юго-западных изданий Евангелий. Предисловия к Посланиям ап. Павла, как показала М.О. Новак, обнаруживают работу острожских редакторов с целью придания тексту большей понятности для читателя.

В написанном Т.В. Пентковской разделе о критическом аппарате восточнославянских библий XVI–XVII вв. рассматривается связь

системы отсылочных маргиналий ОБ с последующей традицией; выясняется, что МБ 1663 г., работой над которой руководил выходец из Киево-Печерской Лавры Епифаний Славинецкий, ориентируется в данном отношении не на ОБ, а на традицию более поздних юго-западных изданий.

Два раздела монографии посвящены текстологическому исследованию паримейных чтений ОБ. В разделе о паримейных чтениях из книги Исход В. Желязкова показывает, что в ОБ представлен контаминированный текст, основанный на знании острожскими книжниками разных переводов и редакций текста. В написанном И. Христовой-Шомовой разделе о чтениях из ветхозаветных книг в паримейниках, минеях, триодях и в ОБ автор также приходит к выводу о том, что чтения ОБ основаны не на одном источнике.

Очень интересны последние два раздела монографии, посвященные собственно лингвистической проблематике. В разделе «Переводческие стратегии острожских редакторов в III (IV) книге Ездры» И.В. Вернер исследует принципы редактирования острожскими книжниками переведенной с латыни для ГБ ветхозаветной 3-й книги Ездры. Тщательный лингвистический анализ грамматической и лексической правки в этом тексте в сравнении с легкой в его основу ГБ, исходным латинским текстом Вульгаты и зап.-слав. переводами Библии показывает, что острожские редакторы правят геннадиевский перевод не по латинскому тексту, а исходя из своих представлений о норме церк.-слав. языка, обращаясь с текстом довольно свободно и руководствуясь, видимо, некоторыми стилистическими (риторическими) в современном понимании принципами. Конкретный материал этого раздела в высшей степени ценен для историков русского литературного языка.

В заключительном разделе «Острожская Библия как источник грамматической кодификации церковнославянского языка» Е.А. Кузьмина сопоставляет реализованные в ОБ грамматические и орфографические нормативные установки с указаниями грамматик Мелетия Смотрицкого (ГС) и Лаврентия Зизания (ГЗ). В результате исследования корректируется традиционное представление о последовательной ориентации ГС на языковые параметры ОБ: по многим признакам указания М. Смотрицкого расходятся с нормами ОБ, в отличие от Л. Зизания, действительно следовавшего в своем описании нормам ОБ, — как мы видим, ранняя традиция грамматической кодификации церк.-слав. языка неоднозначна в своем восприятии фундаментального опыта его текстологической нормализации, представленного в ОБ.

Опубликованная монография, посвященная ОБ и ее месту в славянской библейской традиции, освещает разные аспекты этой

комплексной проблемы, прежде всего текстологические и лингвистические. Книга, несомненно, содержит новую ценную информацию, вводит в научный оборот новые данные. Общий важный итог этого коллективного труда, как мне представляется, в том, что продемонстрированный современный уровень изучения этого знакового памятника вост.-слав. книжности показывает сложность процесса редакторской работы над ним, множественность использованных при его создании источников, неоднозначность и последующей его рецепции в истории библейской традиции и норм литературного языка у восточных славян. В сущности, опровергаются распространенные представления о простых решениях в отношении места ОБ в истории восточнославянской книжной культуры и литературного языка.

Поступила в редакцию 01.10.2022;
принята к публикации 22.11.2022;
отредактирована 25.11.2022

Received 01.10.2022;
accepted 22.11.2022;
revised 25.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Шевелёва Мария Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mnsheveleva@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria Sheveleva — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; mnsheveleva@mail.ru

**РЕЦ. НА КН.: ПОЛЯКОВА Л.В. ПРОЗА Е.И. ЗАМЯТИНА:
ИСТОРИОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ ХУДОЖНИКА.
ТАМБОВ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕРЖАВИНСКИЙ»,
2022. 748 с.**

Н.М. Солнцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; natashasolnceva@yandex.ru*

Аннотация: В монографии Л.В. Поляковой собран и систематизирован материал, касающийся творческой биографии Е. Замятина, его мировоззренческих приоритетов, поэтики, истории публикаций, отношений с писателями. Представлены историософские концепции первой трети века, факты и явления литературной жизни, споры критиков, а также современная литературоведческая мысль. Выстраивается широкий контекст, позволяющий воспринять философскую глубину и художественную силу прозы Замятина в ее целостности, многомерности, связях с гуманитарными прозрениями XX в. Творческая индивидуальность Замятина выявляется через соотношение его взглядов на народ, революцию, мировую историю с воззрениями Н. Бердяева, А. Блока, М. Горького, С. Есенина, И. Ильина, Т. Манна, Н. Трубецкого, С. Франка, О. Шпенглера и многих других. Результативен герменевтический подход к осмыслению произведений, активно применяется сопоставительный анализ. Исследование Л.В. Поляковой отмечено яркой полемичностью и аргументированностью суждений.

Ключевые слова: еретичество; историософский; литературная эпоха; психология; скифство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-200-205

Для цитирования: Солнцева Н.М. Рец. на кн.: Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 200–205.

**REVIEW ON BOOK: POLYAKOVA L.V. E.I. ZAMYATIN'S
PROSE: HISTORIOSOPHICAL QUESTS OF AN ARTIST.
TAMBOV: PUBLISHING HOUSE "DERZHAVINSKY", 2022.
748 p.**

Natalia Solntseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; natashasolnceva@yandex.ru

Abstract: The monograph by L.V. Polyakova collects and systematizes the material concerning the creative biography of E. Zamyatin, his ideological priorities, poetics,

the history of publications, relations with writers. The historiosophical concepts of the first third of the century, facts and phenomena of literary life, disputes of critics, as well as modern literary thought are presented. A broad context is being built that allows us to perceive the philosophical depth and artistic power of Zamyatin's prose in its integrity, multidimensionality, connections with the humanitarian insights of the twentieth century. Zamyatin's creative individuality is revealed through the correlation of his views on the people, the revolution, world history with the views of N. Berdyaev, A. Blok, M. Gorky, S. Yesenin, I. Ilyin, T. Mann, N. Trubetskoy, S. Frank, O. Spengler and many others. Hermeneutical approach to the comprehension of works is effective, comparative analysis is actively used. L.V. Polyakova's research is marked by a vivid polemic and reasoned judgments.

Keywords: hereticism; historiosophical; literary epoch; psychology; Scythianism

For citation: Solntseva N. (2023) Review on Book: Polyakova L.V. E.I. Zamyatin's Prose: His Quests of an Artist. Tambov: Publishing House "Derzhavinsky", 2022. 748 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 200–205.

Монография Л.В. Поляковой, во-первых, представляет собой анализ творческого наследия Е. Замятина, интеллектуального контекста его произведений, литературных явлений 1900–1930-х годов и, во-вторых, отвечает параметрам исследовательского жанра науки о науке. Поставленные Л.В. Поляковой вопросы убеждают в том, что произведения и мировоззренческие приоритеты Замятина, его теоретические работы, биографические источники идей и мотивов, круг общения все еще недостаточно освоены. В заглавии монографии обозначена первейшая тема научного труда Л.В. Поляковой — художественное воплощение историософских воззрений писателя. Автор книги исходит из насущности историософских споров для Замятина, в целом для его поколения писателей, а также из востребованности решения историософских вопросов в современной гуманитаристике.

Аспекты исследования и ожидаемые, и неожиданные. К последним относим постановку проблемы «Е. Замятин — К. Ясперс». Выказан ряд аргументов в пользу того, что изданный в 1919 г. труд Ясперса «Психология мировоззрений» «по-особому мог заинтересовать Замятина», как и трехтомник сочинений Ясперса «Философия» (1931–1932), что увлеченность Замятина идеями Ясперса «вполне вероятна», и это уже повод соотнести их с «особенностями характерологии» (69) его прозы. От Ясперса мысль Л.В. Поляковой идет к М. Веберу, О. Шпенглеру, от Шпенглера — к Т. Манну, Н. Бердяеву, Ф. Степуну, С. Франку, и круг их идей также интегрируется в контекст аксиологии Замятина. Методу исследования в целом свой-

ственно разрастание информации, основанное на мотивных и фактических ассоциациях.

Примечательно следующее положение труда Л.В. Поляковой: Замятин как мыслитель XX в. созвучен «осевой эпохе» (по Ясперсу) — возникновению духовных движений «параллельно в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции» (70) до нашей эры и формированию типа человека с ясным мышлением и недоверием к эмпирическому знанию, что важно для осмысления скифского вопроса в романе «Бич Божий». Прочтение романа в проекции умозаключений Ясперса — особый сюжет исследования, ясперсовская точка отсчета обнаруживается уже во второй главке. «Скифство» Замятина осмыслено в контексте воззрений русских гуманитариев, в частности Н. Бердяева, М. Горького, Р. Иванова-Разумника, И. Ильина, Н. Лосского, их отношения к русскому характеру, роли и месту России в мировых цивилизациях.

В монографии прослежен мировоззренческий путь Замятина от раннего рассказа «Один» и далее к целостному миропониманию в «Мы» и «Атилле». Видно, как от произведения к произведению выстраивалась система взглядов. Например, разрешением в этом рассказе «философии поступка, граничащего с историческим преступлением», названа «подчеркнуто утрированная экзистенциальная ситуация» (245) с ее экспрессией, эпической мозаичностью, противоположностями и символами. «Уездное» — не сатира, а «доброжелательный и влюбленный взгляд» (255) на российскую глубинку с видением выхода из тупика. «На куличках» — «национальная картина бытия» (260), в которой Замятин высказался о «бесмысленности войн», но никак не о «воинственной психологии русского человека» (263); армейская тема повести соотнесена с ее гротескным решением в «Драконе». Драма «Огни св. Доминика» коррелирует со статьей «Беседы еретика» и отражает мысль Замятина о роли еретичества в развитии цивилизаций. В «Третьей сказке про Фиту» Замятин показал юмор и сатиру как народные формы наказания. В «Завете Принудительного Спасения» из «Островитян» даны, как справедливо отмечает Л.В. Полякова, «практически те же рекомендации, по которым будут жить герои романа “Мы”» (299) — антитехнократического и антигосударственного.

К роману «Мы», не случайному в творческой судьбе Замятина и связанному с его предыдущими произведениями, Л.В. Полякова обращается в связи с актуальными для современников писателя вопросами о еретичестве, свободе личности и ее подавлении во имя масс, техногенной цивилизации, модели жизнеповедения. Воссоздан

литературный, в целом интеллектуальный контекст «Мы». Особо отметим страницы, посвященные А. Воронскому. Соотнеся «Мы» с романом Б. Келлермана «Туннель» (1913), автор монографии приходит к выводу о том, что оба произведения «объединены идеей строительства нового миропорядка, новой жизни для людей не одного государства, а всей Земли» (355). В связи с романом Л.В. Полякова аргументированно излагает свой взгляд на отношение Замятина к идее революции, в целом созвучный мнению В. Шкловского: революция для Замятина — катастрофа, через которую будущее входит в новый мир.

Ценны развернутые научные комментарии к лекциям Замятина об индивидуальности писателя, психологии творчества, языке, фавбуле, инструментровке, которые Л.В. Полякова сочетает с явлениями и фактами литературы, а также с эстетической мыслью и историософией. Например, высказана мысль о сближении смыслов «Психологии творчества» Замятина и «Приготовительной школы эстетики» Жан-Поля Рихтера. Идеи Жан-Поля о потенциале поэтического сознания, соотношении творческой фантазии, воображения, памяти, ассоциативности в создании образа могли сыграть свою роль в углубленном осмыслении эстетических представлений Замятина; допускается вероятность его знакомства с «Приготовительной школой эстетики». Лекция «О языке» рассмотрена как особо значимая в понимании взглядов Замятина на языковую интуицию народа и ее роль в истории народа. Рассуждения о замятинской концепции творческого акта представлены в диалоге Л.В. Поляковой с отечественными и зарубежными филологами.

На страницах монографии развернуто многоголосие мнений; созвучия и полемичность выводов Л.В. Поляковой по отношению к трудам коллег отражают живую мысль современного литературоведения. Например, высказано возражение взгляду М. Золотоносова («Портрет неизвестного. На фоне писем к жене и романа “Мы” Евгения Замятина», 1997) на Д-503: герой — «практически» (60) Замятин, оба — «классические невротики» (61). С точки зрения Л.В. Поляковой, сопоставления цитат из писем и романа «натянутые» (61). Или высоко оценена докторская диссертация И.Л. Бражникова «Историософский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века» (2012), но и справедливо замечено: «вряд ли можно согласиться» (93) с положением диссертации о том, что все ведущие писатели, включая В. Розанова, в 1917 г. поддерживали революцию. Ценна высказанная в монографии мысль о близости любви Розанова к России, пусть слабой, униженной, по-

рочной, и позиции Замятина в «Уездном», «На куличках». Неубедительной представляется аргументация концепции, изложенной в статье В.К. Кантора «К проблеме “восстания масс” (Степун и Шпенглер)» (2015), поскольку автор опирается на «избирательный отбор цитат и их субъективное толкование» (107). Среди полемичных вопросов — о сути дефиниции «Серебряный век», периодизации истории литературы, дифференциации понятий «литературовед» и «критик», «история литературы» и «литературный процесс», «литературная эпоха». Л.В. Полякова выступает оппонентом О. Ронена, А.Н. Николюкина и др. Принципиален, на наш взгляд, вопрос о соотношении истории литературы и истории политической и социальной, пределах внешней корректировки литературного процесса. Приведем вывод Л.В. Поляковой: «На литературный процесс можно влиять, ускорять его, замедлять, менять направление, останавливать. Здесь особенно преуспели политики. История же литературы как история художественных открытий, их взаимосвязи и взаимообусловленности во времени не подвержена никаким влияниям, кроме одного, — феномена творца» (192).

Размышления о мировоззренческом и творческом пути Замятина сопровождаются герменевтическим прочтением произведений его современников. Монография интересна интерпретациями известных произведений. Например, определяется ключевое слово в «Двенадцати» А. Блока — «державным» («...Так идут державным шагом»), в котором «поэт поднимает градус государственного пафоса» (127). Как далее пишет Л.В. Полякова в связи с образом кровавого флага в руках Христа: «Тайна историософского прозрения Блока, возможно, связана с пониманием наступления не просто нового народного государственного строя, но и новой веры» — «Нового Христа» (128). Или в есенинской интерпретации Пугачева («Пугачев», 1921) Л.В. Полякова видит тип русского крестьянина. Или повесть А. Платонова «Джан» (1935) прочитывается в проекции скифства.

Монография Л.В. Поляковой удивляет и радует. Это серьезнейший труд, в котором реализован многолетний научный опыт и который отмечен яркой индивидуальностью автора.

Поступила в редакцию 21.06.2022,
Принята к публикации 22.11.2022,
Отредактирована 22.11.2022

Received 21.06.2022,
Accepted 22.11.2022,
Revised 22.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Солнцева Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; natasha-solnceva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Solntseva — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; natashasolnceva@yandex.ru

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ТВОРЧЕСТВО В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»

В.В. Красных

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; victoryvk@gmail.com

Аннотация: Статья представляет международную конференцию «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и новации», которая прошла 22–24 октября 2021 г. в г. Минске (Белоруссия) и была приурочена к 90-летию со дня рождения проф. В.Н. Телия и к 100-летию Белорусского государственного университета. Статья содержит краткий обзор широкого круга проблем современной лингвистики, фразеологии, лингвокультурологии, лексикографии, ставших предметом обсуждения в пленарных и секционных докладах, а также во время работы круглого стола.

Ключевые слова: лингвокультурология; В.Н. Телия; лексикология; фразеология; лингвокреативность; трансдисциплинарность; текст; дискурс; картины мира; лексикография; словари

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-206-211

Для цитирования: Красных В.В. Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 206–211.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE LANGUAGE, CULTURE, CREATIVITY IN TRANSDISCIPLINARY DIMENSIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Victoria Krasnykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; victoryvk@gmail.com

Abstract: The article presents the International conference *Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations*, which took place on October 22–24, 2021 in Minsk (Belarus) and was dedicated to the 90th anniversary of the birth of prof. V.N. Teliya and the 100th anniversary of the Belarusian State University. The article contains a brief overview of a wide range of problems

of modern linguistics, phraseology, linguoculturology, lexicography, which became the subject of discussion in plenary and sectional reports, as well as during the round table.

Key words: linguoculturology; V.N. Teliya; lexicology; phraseology; linguistic creativity; transdisciplinarity; text; discourse; picture of the world; lexicography; dictionaries

For citation: Krasnykh V. (2023) International Scientific Conference *Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations. Lomonosov Philology Journal. Seriya 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 206–211.

Международная научная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации», прошедшая 22–24.10.2021 г. в Минске (Белоруссия), была приурочена к 90-летию со дня рождения профессора Вероники Николаевны Телия и к 100-летию Белорусского государственного университета. Конференция была организована тремя крупнейшими центрами образования и науки Белоруссии и России: филологическим факультетом Белорусского государственного университета, Институтом языкознания Российской академии наук, филологическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В.Н. Телия — известный российский лингвист, крупный ученый в области теории языка, ведущий специалист в области номинации, семантики и прагматики языковых единиц, признанный классик в области общей и русской фразеологии, основоположник лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины, на протяжении многих лет была бессменным руководителем и душой московской лингвокультурологической школы. Под ее руководством созданы первые собственно лингвокультурологические словари, в том числе «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (М.: АСТ ПРЕСС, 2006), который не имеет аналогов в мировой лексикографической практике.

Научная жизнь В.Н. Телия проходила в первую очередь в ИЯ РАН, в котором она работала с 1963 г. до последних дней жизни (04.12.2011). Труды, идеи, научные взгляды В.Н. Телия хорошо известны во многих странах, в том числе и в Белоруссии. Педагогическая деятельность В.Н. Телия была связана с научно-образовательными центрами разных стран: она читала лекции в Ростовском, Калининском, Тульском педагогических институтах, Московском педагогическом институте имени В.И. Ленина, в Пенсильванском и

Гарвардском университетах (США). Вела спецкурсы также и в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Московский и Белорусский университеты связывает многолетнее продуктивное взаимодействие. Белорусский язык и литература изучаются и преподаются на филологическом факультете МГУ еще с XIX века. В 2017 г. на филфаке МГУ был открыт Научно-образовательный центр белорусского языка, литературы и культуры. 11 октября сейчас является ежегодным Днем дружбы МГУ и БГУ.

Вышесказанное предопределило то, что именно БГУ, МГУ и ИЯ РАН совместными усилиями организовали и провели данную научную конференцию на филологическом факультете БГУ, в прошлом году отметившем свое 100-летие.

Конференция объединила 130 участников из Белоруссии, России, Китая, Испании, Украины, Германии, Италии, Польши, Латвии, Армении, представляющих 55 учреждений высшего образования и науки разных городов (Гродно, Минск, Могилев, Мозырь, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Калуга, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел, Санкт-Петербург, Саранск, Тамбов, Томск, Тула, Далянь, Пекин, Шанхай, Валенсия, Гранада, Донецк, Киев, Трир, Рим, Краков, Рига, Ереван). МГУ имени М.В. Ломоносова представляли 22 участника — сотрудники филологического факультета, факультетов психологии, иностранных языков и регионоведения, журналистики, Института русского языка и культуры, Высшей школы перевода, Научно-исследовательского вычислительного центра.

На конференции обсуждался широчайший круг проблем, стоящих сегодня перед филологической наукой: языковая норма, лингвокреативность, методология лингвокультурологического подхода к знакам языка, проблемы современной лексикографии, соотношение универсального и культурно специфического во фразеологии и в языке в целом, культурно маркированные черты текста, дискурса, речевого поведения и т. д. Прозвучавшие доклады и развернувшиеся дискуссии наглядно продемонстрировали успешную интеграцию отдельных научных школ и национальных научных традиций, а также плодотворное взаимодействие исследователей, работающих в смежных научных направлениях и разных междисциплинарных науках — в традиционной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, психологии, психолингвистике.

Конференция проходила в смешанном, очно-дистанционном формате. На открытии конференции с приветственным словом к участникам выступили: *В.Г. Сафонов* — проректор по научной работе БГУ; *А.А. Кибрик* — директор Института языкознания РАН; *А.А. Липгарт* — и.о. декана филологического факультета МГУ име-

ни М.В. Ломоносова; С.А. Важник — декан филологического факультета БГУ.

Пленарные доклады представили ведущие ученые Белоруссии, Испании, Китая, России. В докладах освещались проблемы лингво-философского (Л.О. Чернейко «Категория внутренней формы: ее интерпретация и сфера приложения в концепции В.Н. Телия») и общегуманитарного (Рафаэль Гусман Тирадо «Негативные последствия деструктивной языковой политики: испанский пример») характера, вопросы лингвокреативности (Е.Г. Беляевская «Лингвистическая креативность и где ее следует искать»; В.З. Демьянков «Расплывчатость как средство креативной манипуляции»), современные подходы к изучению языка, текста, коммуникации (Н.Б. Мечковская «Подходы к количественной оценке заимствований в диахронической и сопоставительной лексикологии»; Т.В. Володина «Брэнд як мультымадальны тэкст: Сітуацыя з лепельскім цмокам» = 'Бренд как мультимодальный текст: Ситуация с лепельским драконом'; Т.В. Мальцевич «Проблемное поле современных лингвистических исследований педагогической коммуникации»; Е.Г. Задворная «Конфигурации факторов речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях»), современные методы психологических исследований восприятия текста (М.Д. Рабесон, И.В. Блинникова «Современные технологии в исследовании культурного и лингвистического опыта: анализ движений глаз в задаче зрительного поиска»). Ряд докладов был посвящен сопоставительным исследованиям сквозь призму картин мира и диалога культур с учетом достижений лингвокультурологии (Н.Г. Мед «Общее в репрезентации кодов культуры во фразеологии романских языков»; В.М. Мокиенко «Универсальное vs. культурно специфическое в "Большом фразеологическом словаре русского языка" под ред. В.Н. Телия (на материале паремиологии)»; А.Э. Левицкий «Диалог культур и языковая личность»; С.А. Важник «Посессивная картина мира белорусов: белорусско-русские параллели»). И, конечно, особое внимание было уделено в докладах самой лингвокультурологии, у истоков которой стояла Вероника Николаевна Телия. При этом рассматривались как общетеоретические и методологические проблемы данной дисциплины, так и национально-культурные особенности лингвокультурологических исследований, которые проводятся в разных странах (В.В. Красных «Лингвокультурология как интегративная наука: вчера, сегодня, завтра»; И.В. Зыкова «Современная лингвистика в свете трансдисциплинарности: метаязык лингвокультурологии в развитии поэтики кинодискурса»; Лю Хун «Лингвокультурологические исследования: прошлое и будущее»; М.С. Гutowская «Лингвокультурологические исследования Беларуси»; Цзян Хун «Сравни-

тельный анализ истории становления русской и китайской лингвокультурологии»; Лю Цзюань «Обоснование и содержание исследований современной русской женской прозы с точки зрения лингвокультурологии»).

В рамках конференции состоялось заседание организованного И.В. Зыковой круглого стола «Новейшие тенденции в лексикографии: автор, текст, язык, культура», в работе которого приняли участие известные ученые из Москвы, Томска, Владимира, Рима, Кракова, Трира. В фокусе внимания были вопросы методологических основ словарей нового типа и принципов лексикографирования нового материала (Л.Л. Шестакова, Т.Н. Федуленкова, А.С. Кулева, Чэнь Хао, Н.И. Голубева-Монаткина). Отдельного обсуждения заслужили «Словарь фразеологических заимствований русского языка» (А.К. Бирих), словарь «Идиоматика русского авангарда: кубофутуризм» (И.В. Зыкова), цифровой полиязычный словарь метафор (О.В. Авраменко). Не обошли вниманием выступавшие и проблемы трансдисциплинарности (Е.А. Юрина) и лингвокреативности (И.В. Зыкова, О.В. Соколова) в лексикографической практике, возможности корпусного подхода к исследованию авторской фразеологии (Ю.В. Николаева), лексикографические традиции в современных условиях (Рак Мачей, Ю.В. Коренева).

В течение нескольких дней работы конференции прошли также заседания восьми секций: «Образные средства языка в разных лингвокультурах», «“Язык” культуры и лингвокультурная идентичность», «Лингвокультурные процессы и современные формы коммуникации», «Лингвокреативность и “язык” культуры», «Метафора, фразеология, семантика», «Многообразие языков и культур в современном мире», «Языки и дискурсы в лингвокультурном измерении», «Современные исследования языка и культуры».

Сборник тезисов конференции «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации = Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations» (тезисы на русском / белорусском и английском языках) размещен постатейно в Электронной библиотеке Белорусского государственного университета: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270047>, а также представлен в библиотеке РИНЦ: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46651854>.

Поступила в редакцию 01.08.2022

Принята к публикации 22.11.2022

Отредактирована 24.11.2022

Received 01.08.2022

Accepted 22.11.2022

Revised 24.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Красных Виктория Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; victoryvk@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Victoria Krasnykh — PhD, DrSc, docent, professor at the Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; victoryvk@gmail.com

ЮБИЛЕЙ «ЧЕХОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Л.А. Трахтенберг

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Lev_A_T@inbox.ru

Аннотация: «Чеховский вестник» — информационно-библиографическое издание, посвященное интерпретациям творчества А.П. Чехова в мировой науке и искусстве. В нем печатаются рецензии на книги о Чехове и на спектакли по его пьесам; журнал ведет хронику посвященных Чехову конференций, жизни музеев, библиографию публикаций. «Чеховский вестник» издается с 1997 года под редакцией В.Б. Катаева. В 2021 году вышел 40-й выпуск журнала, а в 2022 году «Чеховский вестник» отметил четвертьвековой юбилей.

Ключевые слова: А.П. Чехов; литературоведение; библиография; научные журналы; рецензии; конференции; театры; музеи

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-212-215

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. Юбилей «Чеховского вестника» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 212–215.

THE JUBILEE OF THE CHEKHOV HERALD

Lev Trakhtenberg

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Lev_A_T@inbox.ru

Abstract: *The Chekhov Herald* is a periodical dedicated to the interpretations of Chekhov in world criticism and art. It reviews books about Chekhov and performances of his plays. The journal presents a chronicle of Chekhov conferences and museum events, a bibliography of publications. *The Chekhov Herald* is published since 1997 under the editorship of V.B. Kataev. In 2021 the 40th issue of the journal was published, and in 2022 *The Chekhov Herald* celebrated its 25th anniversary.

Key words: A.P. Chekhov; literary criticism; scholarly journals; bibliography; reviews; conferences; theatres; museums

For citation: Trakhtenberg L. (2023) The Jubilee of *The Chekhov Herald*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 212–215.

В 2021–2022 годах отметил двойной юбилей «Чеховский вестник» — информационно-библиографический журнал, посвященный творчеству А.П. Чехова. В 2021 году вышел из печати сороковой выпуск; в 2022 г. журналу исполнилось двадцать пять лет. Со дня основания в 1997 году «Чеховский вестник» выходит под редакцией

заведующего кафедрой истории русской литературы МГУ, председателя Чеховской комиссии РАН В.Б. Катаева. В издании журнала принимают участие филологический факультет МГУ, Чеховская комиссия, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, в состав которого входит дом-музей А.П. Чехова, и Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово».

«Чеховский вестник» — уникальное в отечественном литературоведении издание. Это хроника литературной, театральной, научной жизни, предмет которой — творчество одного автора. Журнал публикует рецензии на исследования, посвященные жизни и творчеству Чехова, на постановки и экранизации его произведений, обзоры посвященных писателю конференций и известия о жизни чеховских музеев, ведет библиографию публикаций произведений Чехова и работ о нем. Сфера внимания «Чеховского вестника» охватывает как отечественную, так и зарубежную культуру.

Замысел «Чеховского вестника» стал возможным благодаря мировой славе Чехова. По числу постановок в театрах мира он сравним с Шекспиром. Его произведения переведены на множество языков. Чеховские музеи действуют в Москве, в Мелихове, в Ялте, на Сахалине, в немецком Баденвейлере. Сложившаяся уже столетие назад традиция филологического исследования творчества Чехова продолжает обогащаться новыми открытиями.

Но осуществиться этот замысел смог лишь благодаря организаторскому таланту В.Б. Катаева и труду членов редакционной коллегии, на протяжении многих лет готовящих издание: Р.Б. Ахметшина, П.Н. Долженкова, М.М. Одесской, Э.Д. Орлова, Е.И. Стрельцовой, ранее участвовавшей в работе над «Чеховским вестником» Т.И. Пилевой. Очень многим обязан журнал ушедшим из жизни членам редколлегии: А.П. Чудакову, Т.К. Шах-Азизовой, В.В. Гульченко, И.Е. Гитович.

«Чеховский вестник» объединил силы литературоведов, театроведов, сотрудников музеев, критиков, работающих не только по всей России, но и по всему миру. Журнал стал организационным центром чеховедения. Наряду с членами редколлегии его постоянными авторами стали как отечественные исследователи: Л.Е. Бушканец, М.А. Волчкевич, М.Ю. Гаевская, А.Г. Головачева, М.О. Горячева, Ю.В. Доманский, Н.В. Капустин, Г.В. Коваленко, А.В. Кубасов, Э.А. Полоцкая, Е.М. Сахарова, А.С. Собенников, О.В. Спачиль, А.Д. Степанов, И.Н. Сухих, С.В. Тихомиров и др., — так и зарубежные: Л. Димитров (Болгария), Р.Е. Лапушин (США), Г. Маквэй (Великобритания), В. Никифорович (США), Х. Питчер (Великобритания), К.О. Смола (Германия).

Наряду с крупнейшими исследователями творчества Чехова журнал предоставляет свои страницы и молодым ученым. Среди авторов статей — студенты и аспиранты, начинающие свой путь в литературоведении и критике. Журнал с неизменной заинтересованностью следит за конференциями молодых исследователей, которые регулярно организует Чеховская комиссия.

Удивительны масштабы проводимой авторами «Чеховского вестника» работы. За годы его существования в журнале появилось более трехсот рецензий на книги, изданные не только по всей России, но и за рубежом: в Европе — от Великобритании до Болгарии, в США, даже в далекой Бразилии. Среди них исследования поэтики и философии творчества Чехова, биографии и литературного быта. В трактовке рецензируемых книг «Чеховский вестник» отличает методологический плюрализм: избегая сенсационных крайностей, которых в работах о Чехове последних десятилетий было немало, он сочувственно встречает исследования, принадлежащие к самым разным литературоведческим парадигмам.

Другая постоянная тема журнала — театр. «Чеховский вестник» опубликовал статьи более чем о двух сотнях спектаклей в театрах России и всего мира — от Парижа и Лондона до Сеула, от Нью-Йорка до Мельбурна. Конечно, это в первую очередь отзывы о постановках классических пьес Чехова — но не только их. Рецензируются постановки по рассказам Чехова (например, цикл спектаклей К. Гинкаса в Театре юного зрителя; в вып. 6 опубликованы и размышления режиссера о «Черном монахе»), пьесы, сюжетом которых стала биография Чехова: «Не смейтесь, прошу Вас...» Ю. Бычкова (реж. Н. Тимофеева), «Ваш Чехов» (реж. А. Артамонова). В поле зрения рецензентов также интерпретации произведений Чехова в опере (например, «Вишневый сад» в парижской Grand Opéra) и балете («Палата № 6» в Большом театре). Рецензии стали хроникой художественных исканий современного театра, ведущего диалог с той великой традицией, у истоков которой вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко стоял Чехов. Отзывы журнала — свидетельство того, как, пройдя через увлечение постмодернистской деконструкцией, театр находит новые пути иногда полемического, но в основе своей сочувственного, сопричастного осмысления классики.

«Чеховский вестник» откликается на все значительные события, связанные с изучением творчества Чехова и увековечением его памяти. Он публиковал хронику юбилейных торжеств, сообщения об установке памятника Чехову, о проведении выставок. Журнал следит за чеховскими конференциями, которые проходят по всей России — от Санкт-Петербурга до Сахалина и по всему миру — от Чикаго до Стамбула.

Для чеховедов России и мира «Чеховский вестник» давно стал настольной книгой, незаменимым источником сведений о новых интерпретациях творчества классика.

За прошедшие со дня основания годы «Чеховский вестник» изменился. Больше стал объем номеров: в первом выпуске журнала 88 страниц, в юбилейном сороковом — уже 148. Появился новый раздел — «Чеховская энциклопедия», в котором помещаются исследовательские статьи, в основном посвященные биографии Чехова и судьбам ученых-чеховедов. Но неизменным остался дух журнала, его общая творческая манера. Рецензии «Чеховского вестника» неизменно сочетают доброжелательность и научную требовательность, чуткость к новому и верность традициям русской культуры.

Юбилей «Чеховского вестника» — событие в литературоведении и, шире, в культурной жизни России. Пожелаем В.Б. Катаеву и возглавляемому им авторскому коллективу дальнейшей плодотворной работы над этим изданием.

Поступила в редакцию 15.02.2022,
Принята к публикации 22.11.2022,
Отредактирована 22.11.2022

Received 15.02.2022,
Accepted 22.11.2022,
Revised 22.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Трахтенберг Лев Аркадьевич — доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Lev_A_T@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Lev Trakhtenberg — associate professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Lev_A_T@inbox.ru

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2022 НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.А. Липгарт

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия;
a_lipgart@mail.ru*

Аннотация: Статья представляет собой обзор четырехдневной работы научной конференции «Ломоносовские чтения», которая проходила с 18 по 21 апреля 2022 г. на филологическом факультете Московского государственного университета в смешанном формате. В отчете представлен обширный круг научных тем, затронутых участниками в ходе пленарного и 25 секционных заседаний. В работе приняли участие профессора, доценты, преподаватели, научные сотрудники всех подразделений факультета. Были представлены доклады, связанные с широкой тематикой работы кафедр в области филологических наук, теоретических и методических аспектов изучения и преподавания филологических дисциплин. Даже краткий обзор аннотаций докладов дает возможность представить весь спектр исследований, проводимых на факультете, их актуальность для современного состояния науки. Несомненно, представленные работы будут интересны и полезны для всех, кто занимается разработкой современных направлений в филологии и в междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: филологические науки; лингвистика; литературоведение; методика преподавания

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-216-228

Для цитирования: Липгарт А.А. Ломоносовские чтения-2022 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 216–228.

THE 2022 LOMONOSOV READINGS AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY

Andrei A. Lipgart

Abstract: This article provides an overview of the four-day scientific conference *Lomonosov Readings*, which took place on April 18–21, 2022 at the Faculty of Philology, Moscow State University. The report presents a wide range of scientific topics touched upon by the participants during the plenary as well as 25 breakout sessions. The participants included Professors, Associate Professors, lecturers, and research staff from all departments of the Faculty. There were reports related to the broad themes of the work of the Departments in the field of philological sciences, theoret-

ical and methodological aspects of studying and teaching philological disciplines. Even a short abstracts review gives an opportunity to present the whole range of research works carried out at the Faculty, and their relevance to the current science trends. Undoubtedly, the presented works will be interesting and useful for all those involved in the development of modern trends in philology and in interdisciplinary research.

Key words: philological disciplines; linguistics; literary critics; teaching methods

For citation: Lipgart A. (2023) The 2022 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 216–228.

По доброй традиции Ломоносовские чтения на филологическом факультете прошли при активном участии сотрудников. **Пленарное заседание** открыл доклад Ю.Л. Оболенской, посвященный актуальной теме перевода в диалоге европейских культур с учетом социальных трансформаций и цивилизационных конфликтов. В докладе Е.Р. Сквайрс был предложен анализ факторов внедрения книгопечатания в Германии на основании изучения первых печатных изданий и рукописных кодексов из собраний РГБ и МГУ. Доклад О.В. Кукушкиной представил историю создания корпуса текстов А.С. Пушкина: от 1904 г. до создания корпуса в ЛОКЛЛ. В докладе Н.И. Мироновой были рассмотрены возможности анализа интернет-комментариев с использованием психолингвистики, прагмалингвистики, социолингвистики и др. Т.Е. Чаплыгина обратилась к истории формирования лингводидактической модели русского языка как неродного на рубеже XIX–XX вв. Живой интерес и дискуссию вызвал доклад Я.Л. Забудской, в котором были показаны тенденции актуализации античных сюжетов в современной литературе.

По окончании пленарного заседания были проведены секционные заседания кафедр и лабораторий в очном и дистанционном формате.

Выступления на **кафедре русского языка** были объединены темой «Новые пути изучения русского языка». Заседание открыл доклад М.Ю. Сидоровой «Функционально-коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой в решении актуальных междисциплинарных задач». В докладе М.В. Шульги флексия И. мн. -á была рассмотрена в синхронии и диахронии как дополнительное средство выражения числовых противопоставлений. Н.К. Онипенко проанализировала семантику логических союзов в коммуникативно-текстовом аспекте на материале поэзии И. Бродского. Е.В. Суровцева посвятила свой доклад проблемам и перспективам изучения корпуса «Житий ново-

мучеников и исповедников российских XX века Московской епархии».

На заседании **кафедры истории русской литературы** доклад Ю.И. Красносельской был посвящен дискуссии Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого о русской нации. Д.П. Ивинский в своем докладе выдвинул гипотезу о том, что основным прототипом Ленского был П.А. Плетнев. В выступлении В.А. Воропаева «Церковь и культура» были рассмотрены отклики православного духовенства на книгу Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В.Б. Катаев в своем докладе обратился к сопоставлению героев Шолохова и Чехова, а также биографий самих писателей. В докладе И.А. Беляевой затрагивался вопрос о стилистической правке второй редакции романа «Обломов» (1862), в частности устранении следов физиологизма в портрете главного героя. В докладе П.Н. Долженкова были проанализированы особенности личности Чехова в связи с особенностями его творчества и мировоззрения. Доклад Р.Б. Ахметшина был посвящен судьбе научного наследия Е.Н. Коншиной и ее работе над черновиками Достоевского, которые она рассматривала с точки зрения ритмической организации прозы. А.А. Пауткин посвятил свое выступление рецепции текста «Слова о полку Игореве» в творчестве авторов, выступающих под коллективным псевдонимом Хольм ван Зайчик, в котором травестированию подвергся весь комплекс представлений об этом литературном памятнике.

Заседание секции **кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса** открыл доклад М.М. Голубкова, в котором были рассмотрены тенденции первого десятилетия XXI века («Грибной царь» Ю. Полякова (2005), «Асфальт» Е. Гришковца (2008)) и книга Р. Сенчина «Русская зима» (2022), которая знаменует перерождение романа об онтологической пустоте в «роман ни о чем». Доклад М.С. Руденко был посвящен переменам в реакции критиков первой волны эмиграции на творчество Пастернака. В совместном докладе М.В. Михайловой и И.К. Сушилиной речь шла о природе конфликта в драматургии Найденова, отражающей эстетические и нравственные интенции литературного процесса Серебряного века. И.Б. Ничипоров проанализировал повесть Р. Сенчина «Чего вы хотите?» (2013), где через речь, миропонимание, наблюдения московской школьницы доносится бурление общественно-политической жизни в России 2011–2012 гг. Д.В. Кротова в докладе «Шаламов и Мандельштам» обратилась к изучению материалов архива Шаламова в РГАЛИ. В докладе А.В. Назаровой была проанализирована статья представителя первой волны эмиграции Е.Н. Чирикова «Инония». О.С. Октябрьская в своем докладе сосре-

доточила внимание на проблеме взросления и социализации ребенка в подростковой литературе рубежа XX–XXI вв.

Секционное заседание **лаборатории «Русская литература в современном мире»** открыл доклад Т.Н. Беловой «Биографическая составляющая как документальная основа книги В. Лебедева “Пераст” и ее перевода на французский язык М. Цветаевой». В докладе Е.А. Певак «Идеология культуры отмены и ее отражение в русской литературе начала XX в. и начала XXI в.» были проведены параллели при сопоставлении ключевых тенденций в русской литературе, обусловленных изменениями как в области эстетики, так и в целом в пространстве русской культуры, с теми процессами, которые происходили в русской литературе в начале XXI века на фоне разрушения старых и формирования новых эстетических и культурных парадигм. Доклад В.Г. Моисеевой был посвящен рассмотрению художественной специфики прозы Е.А. Катишонок. В.В. Сорокина на примере литературных ситуаций в Азербайджане и Германии доказала, что реализация диалогичности русскоязычной литературы может идти двумя способами: через отражение национального менталитета и иную языковую норму или через противопоставление «свой/чужой» с сохранением языковой литературной нормы. А.В. Злочевская проанализировала любовную линию романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Доклад О.В. Розинской был посвящен крупному польскому ученому М. Здзеховскому, чья научная деятельность тесно связана с изучением русской культуры. В докладе М.М. Громовой были проанализированы трансформации и исчезновение образа врага в графических адаптациях повести А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля», обусловленные сменой исторического контекста.

Заседание на **кафедре русского устного народного творчества** открыл С.В. Алпатов, представив типы функционирования клишированной единицы «Аминь» в качестве финальной «закрепки» разговорной формулы, обобщающего названия оберега и др. Доклад А.А. Ивановой «Локальная фольклорная традиция и этнокультурный туризм, или “Старая погудка на новый лад”» был посвящен рассмотрению новых контекстов аутентичного бытования фольклорной культуры. В.А. Ковпик на материале полевых записей песен и народных нарративов, метатекстов фольклора, а также рукописных песенников с XVII в. проанализировал феномен «любимой песни». А.А. Родионова выступила с докладом «Преломление христианского образа креста в средокрестном обряде Верхнего и Среднего Поволжья».

На **кафедре славянской филологии** заседание началось с доклада Н.Е. Ананьевой о дополнительных источниках изучения

славянских диалектов с привлечением анализа надгробных надписей, а также записей песен в песенниках носительниц польского вершинского диалекта. А.Г. Шешкен проанализировала эмоциональную окраску стихотворений классика белорусской литературы М. Богдановича. В докладе А.И. Изотова была рассмотрена оправданность сохранения церковнославянского языка в богослужебной практике Русской православной церкви. О.С. Плотникова выступила с докладом «Категория одушевленности/неодушевленности в словенском языке: история и современность» на основе анализа Фрейзенгенских отрывков (972–1039). С.Н. Мещеряков проследил эволюцию творческой манеры Ч. Сиярича на протяжении 1960–1970-х гг. Е.И. Якушкина в своем докладе рассмотрела историю сербско-русской лексикографии во второй половине XX в. В докладе М.Н. Беловой обсуждался статус сравнительной и превосходной степени как универсальной категории в болгарском языке.

Секционное заседание на **кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания** открыла Л.А. Чинова докладом «Понимание вербального текста в формате гипертекста — психолингвистические и лингвокогнитивные аспекты», подчеркнув, что формирование навыков общения с текстом при создании гипертекста и навыков порождения собственного метатекста — важные цели обучения в высшей школе. О.А. Волошина в докладе «Древнеиндийский субстрат европейской лингвистики» проанализировала влияние метаязыка древнеиндийской грамматики на развитие лингвистической мысли XIX–XX вв. В.В. Смолененкова предложила обзор анализа около 50 ораторских речей выдающихся общественных деятелей разных эпох и культур.

На **кафедре теории литературы** секционное заседание было открыто докладом О.А. Клинга «А.М. Горький в Германии: русский Берлин». Была показана специфика немецкого литературно-медийного пространства, в которое входили Андрей Белый, А.Н. Толстой, В.Б. Шкловский, А.М. Ремизов, Б.А. Пильняк, Н.Н. Берберова, С.А. Есенин и др. И.Н. Исакова выступила с докладом «Представления об изменении характера человека в традиционных литературах: Запад и Восток». Доклад В.Б. Семёнова был посвящен описанию тематики и поэтики малоисследованного произведения второй половины XIV в. из шотландского Баннатайнского манускрипта «Свиноматка из Колкелби». А.В. Филатов обратился к исследованию динамики литературно-публицистической позиции С.М. Городецкого в предреволюционные годы. В докладе А.А. Холикова впервые был проведен текстологический анализ сборника Д.С. Мережковского «Невоенный дневник. 1914–1916» (1917) с опорой на архивные материалы из РО ИРЛИ (Пушкинского Дома).

На секционном заседании **кафедры английского языкознания** в сообщении Е.В. Михайловской рассматривались роль и место курса английского языка как основного иностранного в программе магистратуры филологического факультета, в том числе подведены итоги десяти лет преподавания филологам-русистам. Доклад А.А. Шарапковой был посвящен анализу формирования представлений о феномене морали и нравственности в трудах английского мыслителя Джона Локка. Т.Ю. Кизилова в своем выступлении показала, что пьеса Шекспира «Венецианский купец» проникнута духом христианства. Ю.И. Щербинина посвятила свое сообщение книге «Большое волшебство» Э. Гилберт, показав, как переосмысляются конвенциональные метафоры творчества, отражая стремление автора развенчать миф о художнике-мученике.

На **кафедре германской и кельтской филологии** заседание открыла Н.А. Ганина докладом «Факсимильное издание кодекса Бардевика в ряду изданий любекского права: принципы и результаты». Е.В. Терешко обратилась к теме «Фокусные маркеры нидерландского языка». В докладе Т.Л. Шенявской рассматривались языковые особенности норвежского сериала «Пришельцы из прошлого», для съемок которого были привлечены лингвисты с целью архаизации речи персонажей разных эпох. В докладе Е.М. Чекалиной рассматривались социолингвистические аспекты истории употребления шведских местоимений 2 лица в функции вежливого обращения в шведском языке XIX–XXI вв. Доклад Е.Л. Жильцовой был посвящен исследованию неологизмов, зафиксированных в шведском языке в 2021 г. Часть тематических групп связана с экстралингвистическими факторами, в частности с пандемией коронавируса. Э.Б. Крылова выступила с докладом на тему «Модальные частицы как средство выражения значений эмотивности в датском языке», подробно остановившись на функционально-семантических особенностях частицы *dog*. В докладе А.А. Немцевой были рассмотрены способы выражения недискретных денотатов в датском и в норвежском языках.

На **кафедре иберо-романского языкознания** О.А. Сапрыкина обратилась к теме лингвокреативной деятельности во время пандемии коронавируса на материале португальской неологии. Ю.А. Карпова раскрыла суть полемики вокруг мифа черной легенды, обратившись к труду Х. Худериаса (1914), обвинявшего европейцев в клевете об испанской нации. А.А. Невокшанова посвятила свой доклад раннему этапу латиноамериканской национальной лексикографии. В рамках проекта по разработке платформы-помощника для изучения и преподавания испанского языка О.К. Ранкс и К.В. Кичигина представили совместный доклад, посвященный концепции

умного тренажера для отработки грамматических тем. А.Ю. Панченко представила доклад «Об актуальном состоянии языкового конфликта в Каталонии».

Секционное заседание **кафедры немецкого языкознания** открыл доклад А.В. Авериной «Будущее время и модальность в немецком языке», содержащий описание синтагматических условий реализации модализованных значений формы Futur I и определение их общей семантической базы. Доклад М.А. Никоновой был посвящен проблеме рамочной конструкции в синтаксисе немецкого предложения и нетривиальным случаям ее нарушения (*Ausklammerung*) при употреблении устойчивых глагольно-именных сочетаний (*Funktionsverbgefüge*) на основе данных корпуса немецкого языка. Т.А. Ленкова обратилась к изучению цвета как элементу визуальной медиакультуры на материале креолизованных медиатекстов журнала *Der Spiegel*.

На **кафедре романского языкознания** секционное заседание открыл доклад О.Ю. Школьниковой «Жестовая репрезентация эмоционального состояния в произведениях разных жанров ранних памятников французской литературы». Анализ лексической репрезентации жеста в «Житии св. Алексия» и «Песне о Роланде» позволил сделать вывод, что описание жеста сообщает повествованию психологизм и способствует его театрализации, что повышает экспрессивность эпического и дидактического повествования. В своем сообщении М.С. Соколова обратилась к изучению категории интенсивности в итальянском языке, рассмотрев пейоративный суффикс -ассио. Е.А. Семенова в докладе «Ранние румынские манускрипты: техника прочтения» подчеркнула, что долгое время на территории трех румынских княжеств языком письменности был старославянский, а румынский считался «языком черни». Первые памятники на румынском языке появляются в XVI в. Лингвистический анализ данных записей дает представление о морфологическом и синтаксическом поведении румынского языка на раннем этапе его развития. В своем выступлении А.В. Аксенова подчеркнула значение румынского поэта Иона Элиаде Рэдулеску, одного из инициаторов перевода старорумынской кириллической графики на латиницу.

На **кафедре французского языкознания** заседание открыла В.М. Амеличева с докладом «К проблеме статуса партитивного *de* во французском языке», в котором были рассмотрены контексты употребления полифункциональной единицы *de* с партитивным значением и высказано предположение, что в подобных контекстах *de* является не предлогом, а количественным актуализатором имени, маркированного в мереологическом отношении как «часть от некоего целого», что в функциональном отношении сближает его с

артиклом. Доклад Е.Э. Бабаевой был посвящен отражению представлений об исламе во французской лексикографии XVII века. В докладе Е.М. Белавиной проделан детальный анализ грамматических особенностей и просодии автопереводов Николая Гумилева на французский язык. В докладе Е.В. Ключевой «Баллады-свидетели времени в поэзии Карла Орлеанского» было показано, что с XIV в. французская литература все больше проникается настоящим моментом и соотнобразуется с происходящими событиями: Столетней войной, эпидемией чумы и прочими бедствиями. Тема войны и мира, пересекаясь с темой плена, занимает важное место в произведениях Карла Орлеанского. В рамках доклада «Феномен языковой уверенности/неуверенности в странах франкофонии» К.И. Курбанова-Ильютко обратилась к истории возникновения данного термина и к основным этапам его становления. М.И. Олевская в докладе «Проблемы перевода религиозной лексики в богословских, исторических и искусствоведческих текстах» сосредоточила внимание на поиске стилистически адекватного переводческого эквивалента. Доклад Е.Л. Пастернак «Трансформация взглядов на метафору во французских теориях языка XVII–XVIII вв.» содержал результаты сопоставительного анализа трех теорий метафоры, изложенных в сочинениях авторов разных периодов (Б. Лами, Э.Б. де Кондильяк, Ж.-Ж. Руссо). В докладе Е.Д. Поварницыной были представлены результаты исследования французских эквивалентов этнонимов на материале 13 переводов «Слова о полку Игореве». Доклад С.Д. Рожковой был посвящен особенностям французской юридической терминологии XVI века с опорой на грамматики Пальсграва, Сильвиуса, Мегре, Этьенна и Рамуса. П.В. Ярошенко представила доклад, посвященный исследованию словосочетаний с сенсорным семантическим компонентом во французском языке, осветив методологические особенности работы с параллельным мультязычным корпусом.

На кафедре истории зарубежной литературы заседание открыл доклад В.М. Толмачёва, в котором были проанализированы около 115 рецензий и критических работ разного жанра, опубликованных О. Уайлдом в британской периодике 1885–1890 гг. По мнению В.М. Толмачёва, именно критика, а не ранняя поэзия и драматургия, стала трамплином последующих прозаических свершений О. Уайлда. В докладе А.В. Сергеева рассматривается идейный кризис радикально-демократического движения Г. Брандеса «Современный прорыв» и его влияние на творчество выдающихся скандинавских писателей. В докладе А.Ю. Зиновьевой «“Унижена ложным суждением...”: об особенностях повествовательной манеры Дж. Остен» был разобран феномен несобственно-прямой речи. Д.А. Иванов в

своем докладе показал возможность применения антропологической модели Р. Жерара к творчеству Шекспира. В.Ю. Лукасик проанализировала предгуманистические тенденции в куртуазных сочинениях А. Шартье. Обстановка и разрешение конфликтов, по мнению докладчика, заставляют думать о формировании во Франции XV в. вкуса к ренессансной новелле. Доклад Н.К. Полосиной был посвящен своеобразию парижской темы в книге стихов французского поэта-символиста Т. Корбьера «Желтая любовь». К.Р. Ибрагимова выступила с докладом «Сирень или бузина? О цветочной символике «Фрекен Жюли» А. Стриндберга».

На **кафедре классической филологии** М.Н. Славятинская и Т.Г. Давыдов в совместном выступлении провели презентацию сборника статей «Греко-латинская лингвокультурология — V. Ориентиры». В докладе Е.В. Антонец был представлен анализ случаев употребления синтаксического параллелизма в речи Цицерона в защиту поэта Архия. Доклад И.Р. Гимадеева был посвящен рассмотрению лексем, обозначающих напитки у Горация. На основе корпуса Горация показан процесс производства и выдержки вина с описанием сырья, используемых сосудов и др. В докладе О.М. Савельевой «О воспитании эпического героя: комментарий к теме греческой пайдейи» на примере поэтики и психологии образа Ахилла было показано, как в мифологической основе и в эпическом сюжете отражается высокая значимость института семьи и социализации. А.И. Солопов привлек внимание к значению редкого иктионима *acernia* в переписке Кассиодора. В докладе Т.Ф. Теперик была проанализирована рецепция образа римского императора Нерона в мировой литературе и в кинематографе XX–XXI вв.

Секционное заседание на **кафедре византийской и новогреческой филологии** открыл доклад М.В. Бибикова «Греческое Житие Митрофана Воронежского в поствизантийской традиции». В докладе И.В. Тресоруковой были рассмотрены особенности функционирования мифонимов, превратившихся в поздней античности в прецедентные имена. Доклад Ю.Б. Мантовой был посвящен эпистографическому наследию Фомы Магистра, византийского интеллектуала XIII в. К.А. Климова сделала доклад на тему: «Женские духи-хранительницы локусов в новогреческой народной мифологии» на материале письменных источников и данных полевых экспедиций в Грецию 1999–2020 гг. Т.И. Самойленко сосредоточила внимание на проблеме коннотативных значений репрезентации водной стихии в поэме о Дигенисе на материале версий, представленных в Гроттаферратском и Эскориальском списках.

На **кафедре финно-угорской филологии** особенности развития языкового тестирования в Финляндии были рассмотрены в докла-

де А.В. Сазоновой (с учетом финской языковой системы УКИ). В докладе Н.С. Братчиковой «Языковые и стилистические приемы графического романа Макконена “Калевала-Сампо”»: способы передачи на русский язык» анализируется трактовка классического произведения как поликодовый текст и как переводческая проблема. Доклад А.П. Гуськовой был посвящен исследованию грамматических категорий глагола в венгерском языке в сопоставлении с русским.

Секционное заседание **кафедры общей теории словесности** открыла Т.Д. Венедиктова докладом «Литературная прагматика: логика становления исследовательского поля», подчеркнув, что наиболее перспективным представляется применение остенсивно-инференционной модели коммуникации. В сообщении П.Ю. Рыбиной «рассматривается влияние основных положений цензурного кодекса Хейса на экранные адаптации пьес Т. Уильямса». Доклад Е.М. Белавиной «Эстетический потенциал автоперевода: французские стихи Джона Эшбери» был посвящен проблеме переключения кода в поэтическом тексте на материале французских верлибров американского поэта. А.В. Швец в докладе «“Переводима ли заумь?”: перенос авангардного текста в цифровое пространство» сосредоточила внимание на недавних англоязычных переводах стихов Крученых авторства Дж. Байаша. А.А. Зубов выступил с докладом «Фантастический образ и проблема читательской рецепции (о романе С. Кларк “Пиранези”, 2020)».

На **кафедре теоретической и прикладной лингвистики** заседание открыла И.М. Кобозева, выступив с докладом «Наречия общей и гедонистической оценки: корреляция синтаксических свойств с семантическими различиями», доказав обусловленность синтаксических свойств оценочного наречия его значением. В докладе Ю.В. Николаевой «Изобразительные и прагматические функции жестов в монологе и диалоге» были представлены исследования на материале корпуса RUPEX (Кибрик 2018; multidiscourse.ru). Доклад С.Г. Татевосова «Очень средний залог» был посвящен возможным вариантам анализа конструкции, которая в английской терминологии называется *the middle*, а в русской не имеет общепринятого названия. В докладе М.Б. Ермолаевой был продемонстрирован количественный метод сравнения описаний синтаксических явлений с учетом принципа минимальной длины описания (*Minimum Description Length*, или MDL; Rissanen 1978) и минималистских грамматик (*minimalist grammars*; Stabler 1997).

На совместном заседании **Центра новых информационных технологий в гуманитарном образовании: «Лаборатория обеспеченного компьютером обучения»** и **Лаборатории фонетики и речевой коммуникации «Актуальные проблемы компьютерно-**

опосредованной коммуникации» Г.Е. Кедрова привлекла внимание аудитории к особенностям языкового поведения пользователей социальных сетей в мультикультурных полиэтнических мультиязыковых сообществах. Доклад С.Б. Потемкина был посвящен рассмотрению мультимедийного пространства рассказов Чехова. В выступлении Ф.О. Байрамовой были рассмотрены актуальные подходы к анализу речевого материала экспертами различных специальностей, а также проанализированы особенности исследования коммуникации в мессенджерах в аспекте судебной экспертизы. Е.В. Щенникова обратилась к актуальной для задач лингвистической экспертизы проблеме реализации инфинитивными предложениями побудительного значения. Доклад В.П. Некрыловой был посвящен многоаспектной фонетической базе данных, разрабатываемой в лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (25 дикторов из 15 стран).

На секции **кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного** в докладе Е.Л. Бархударовой было показано, что преподавание русской фонетики в иноязычной аудитории должно включать в качестве обязательной составной части лингвокультурологическую проблематику. О.Ю. Деметьева посвятила свой доклад инфинитивным предложениям, представляющим сложность при обучении РКИ. О.В. Зубова поделилась опытом изучения рассказа В. Шукшина «Срезал» в иностранной аудитории. Ф.И. Панков представил доклад «Средний род как начальная форма: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики».

Секционное заседание **кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета** началось с доклада О.Н. Коротковой «К вопросу о национально-культурной специфике фрейма “комплимент”». Л.В. Красильникова обратилась к теме русского словообразования в интернет-коммуникации. В докладе А.Г. Лилеевой «Интермедальность романа Б. Пастернака “Доктор Живаго” (к проблеме комментирования романа)» был рассмотрен лингвометодический потенциал сопоставления визуального и словесного на занятиях РКИ. И.А. Старовойтова обратилась к опыту тестирования, представив лингводидактическое описание задания «Дружеское письмо» в субтесте «Письмо» на уровнях А1–С2. О.М. Сергеева привлекла внимание слушателей к вопросу о геометрических образах в лексике и фразеологии современного русского языка. В своем докладе О.В. Чагина рассмотрела языковые средства И. Шмелева в повести «Лето Господне».

На **кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов** заседание открылось совместным докладом

Л.П. Клобуковой, О.Б. Ермаковой, Е.А. Чернышенко «Возможно ли воссоздать аутентичную языковую среду в условиях дистанционного обучения?». Авторы продемонстрировали успешно смоделированную профессиональную языковую среду для иностранных учащихся экономического профиля. В докладе Н.В. Баско были рассмотрены языковые средства выражения в русском языке ценностной составляющей лингвокультурного концепта (например, «максимализм», отражающий один из устойчивых стереотипов поведения русского человека в социуме). В докладе Л.Н. Норейко были проанализированы коммуникативные компетенции выпускников бакалавриата и методы обучения их русскому языку в профессиональных и общеобразовательных целях. В выступлении Е.А. Стариковой были рассмотрены проблемы современной и традиционной культуры в России и за рубежом.

Секционное заседание на **кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов** началось с доклада И.В. Баданиной «Функционирование терминов родства в современном русском языке». Это немногочисленная лексическая группа, переживающая разнонаправленные тенденции развития. Активность лексико-семантических и словообразовательных дериватов от терминов родства особенно высока в просторечии и жаргонах. Доклад А.А. Коростелёвой был посвящен специфике функционирования междометий *алло* и *ау* в современном русском диалоге. В работе предложены инвариантные параметры для обеих рассматриваемых единиц и продемонстрирован алгоритм их развертывания. В докладе В.А. Кузьменковой была показана роль метафоры в научных текстах по физике, приведены примеры метафорических терминов, проанализированы концептуальные и фундаментальные метафоры. В докладе В.М. Касьяновой «Обучение деловой коммуникации как одна из задач курса РЯКР» рассматривались характеристики делового письма, его структура, лексическо-грамматическое наполнение и анализировались типичные ошибки студентов. Доклад А.А. Прокубовского был посвящен использованию русского портрета к. XVIII — н. XX вв. на практических занятиях РКИ. Репродукции работ русских художников-классиков помогают формированию у зарубежных учащихся более четкого представления об отдельных периодах российской истории, об историческом костюме, о знаменитых современниках живописцев и могут служить иллюстративным материалом к адаптированным произведениям русской классической литературы и к программным текстам на социокультурные темы.

Таким образом, в ходе «Ломоносовских чтений – 2022» было заслушано более 130 докладов, в которых были освещены актуальные вопросы разнообразных областей филологического знания.

Поступила в редакцию 04.12.2022,
принята к публикации 20.12.2022,
отредактирована 28.12.2022

Received 04.12.2022,
accepted 20.12.2022,
revised 28.12.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липгарт Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор, исполняющий обязанности декана филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; a_lipgart@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Lipgart — Doctor of Philology, Professor, Acting Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; a_lipgart@mail.ru

ПАМЯТИ

«ТАК КРАТОК ОТМЕРЕННЫЙ СРОК»: ПАМЯТИ АЛЬБЕРТА ВИКТОРОВИЧА КАРЕЛЬСКОГО

И.Ю. Попова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; irapo@mail.ru

Аннотация: Этот текст посвящен памяти профессора Альберта Викторовича Карельского. Воспоминания автора текста о Карельском как учителя, лекторе, переводчике, человеке и поэте подкрепляются оценками его работы и мнениями известных филологов-германистов.

Ключевые слова: А.В. Карельский; воспоминания; немецкий; романтизм; перевод; лекции

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-229-233

Для цитирования: Попова И.Ю. «Так краток отмеренный срок»: памяти Альберта Викторовича Карельского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 1. С. 229–233.

“SO BRIEF IS THE PREDESTINED TERM”: IN MEMORY OF ALBERT VIKTOROVICH KARELSKY

Irina Popova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; irapo@mail.ru

Abstract: This text is written in memoriam of Professor A.V. Karelsky. Alongside the grateful memoirs of the author of the text, the latter provides opinions of some other philologists about Karelsky as a Teacher, Lecturer, Translator, as well as a Man and a Poet.

Key words: Karelsky; memoirs; German; romanticism; translation; lecturing

For citation: Popova I.Yu. (2023) “So Brief is the Predestined Term”: In Memory of Albert Viktorovich Karelsky. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 229–233.

В июне 2023 года исполнится тридцать лет со дня безвременной смерти Альберта Викторовича Карельского (1936–1993), профессора кафедры истории зарубежной литературы, блестящего ученого-германиста, переводчика, поэта. Учителя с большой буквы.

Главным направлением научной деятельности А.В. Карельского был немецкий романтизм, однако сфера его интересов была чрезвычайно широка: наряду с Тиком, Гофманом и Клейстом (главным героем его докторской диссертации и книги «Драма немецкого романтизма», 1992) он занимался Музилем и Рильке, написал главу о французском романтизме для академического издания «История всемирной литературы». Его перу принадлежат глубокие исследования западноевропейского романа середины XIX в. — монография «От героя к человеку» (1990), большая статья «Этапы развития реалистического психологизма в европейском романе 30–60-х гг. XIX в.» (1987). Помимо многочисленных переводов с немецкого языка, который он студентом изучал на стажировке в Гумбольдтовском университете и знал практически как родной, в конце жизни он перевел с английского поэму «Майкл» и балладу «Слабоумный мальчик» любимого им Вордсворта. Его научные труды до сих пор актуальны, и многое в них и сейчас воспринимается как новаторство — мне, автору этой статьи, уже и при его жизни было ясно, что мыслил и писал он, опережая свое время. Естественно, что я использую его книги в своих лекциях и рекомендую студентам его статьи и переводы. «Филолог, переводчик прозы и поэзии, глубокий ученый — к чему бы он ни прикоснулся, что бы ни написал сам или отредактировал, все это превращалось в шедевр, было отмечено талантом, отличалось точностью и ясностью научной мысли, опиралось на колоссальные знания и на четкую этическую и человеческую позицию», — пишет германист Елена Карабегова, которой на рубеже 1960–1970-х годов выпало счастье учиться у Альберта Викторовича [Карабегова 2018: 70].

Свидетельств «четкой этической и человеческой позиций», о которых пишет Карабегова, немало. Приведу несколько примеров. Из воспоминаний той же Карабеговой: «...Одна студентка списала целиком курсовую со статьи своего же дяди ... Карельский был возмущен этой нечестностью до глубины души! И мы увидели лик разгневанного бога!» [Там же]. Второй пример из книги «Драма немецкого романтизма»: известно, что Клейст сжег рукопись своей пьесы «Роберт Гискар», несмотря на высокие оценки данной вещи современниками (Виланд даже сравнивал эту драму с произведениями Шекспира); известно, что литературоведы, историки литературы, биографы на протяжении почти двух столетий пытались разгадать причину этого сожжения; «Останемся же при уважении к воле Клейста, не пожелавшего — а не то чтобы не успевшего! — оставить нам “Роберта Гискара”, отдать его на наш суд. Разгадать это клейстовское умолчание мы бессильны», — это комментарий Карельского [Карельский 1992: 170]. По аналогии еще один пример: читая

лекцию о переводе, Альберт Викторович напоминал аудитории (я присутствовала) о необходимости не забывать о нравственной ответственности переводчика перед давно умершим автором, который уже не может за себя и свой текст постоять и наследники которого давно растворились во времени. И последний пример, другого рода: однажды мы с Альбертом Викторовичем вместе ехали на похороны нашей коллеги по кафедре, и я сказала, что впервые в жизни, к своему стыду, ничего хорошего не могу о покойнице припомнить. А он рассказал, что когда-то давным-давно возникла на кафедре ставка доцента, которую по выслуге лет пора было присвоить этой ныне умершей, но она отказалась от нее в пользу молодого тогда Карельского, мотивировав это тем, что ему надо обеспечивать семью с двумя маленькими детьми. Он помнил добро.

Мне не посчастливилось учиться у Карельского в студенческие годы — он уходил из университета в ИНИОН РАН (1973–1978). Начав работать на кафедре в 1980 г., однако, я дважды, с разницей в примерно десять лет, прослушала его курсы романтизма и середины XIX века (сейчас это ИЗЛ XIX (1) и ИЗЛ XIX (2), и я оба их читаю). Как лектор он был изящен и артистичен, и не каждый понимал, что всё-всё-всё, вплоть до контактоустанавливающих фраз в начале лекции и отступлений и шуток далее, было заранее написано. Почему, зачем? «Ведь он отлично владел устной речью, не запинаясь в поисках устного слова, как иногда случается», — пишет известный германист, профессор Воронежского университета А.Б. Ботникова [Ботникова 2018: 64]. Мне он прямо говорил, когда я лекторскую деятельность только начинала: не имея написанного полностью текста, рискуете лекцию провалить, если вдруг плохо себя почувствуете или просто будете не в настроении. Завещал писать не конспекты, а полностью тексты лекций. Благодарна ему — все, что поленилась написать полностью, часто вызывает проблемы, если не сразу, то год-два спустя.

Когда я читала общий лекционный курс впервые, заведующий кафедрой Л.Г. Андреев поручил другим преподавателям мои лекции хоть единожды посетить (этому подвергались все новички). Альберт Викторович пришел дважды, критика была дружеской и для моего лекторского будущего очень полезной. По форме, в основном. Сказал, что слишком плотная по смыслу, что надо давать студентам время от времени отдохнуть, сделать отступление от темы, что-то смешное рассказать. (Интересно, что в воспоминаниях А.Б. Ботниковой лекции самого Карельского характеризуются как совершенно лишённые развлекающих отступлений). Второе, от чего меня Альберт Викторович предостерег, — это использование броских формулировок. Сослался в этом на Р.М. Самарина, вообще-то

не самого им любимого заведующего кафедрой (именно из-за Самарина он ушел в ИНИОН, как он мне говорил). Замечательный лектор и красноречивый Самарин, посетив лекцию начинающего Карельского, привел в пример яркие и броские оценки, данные лектором, и сказал: «Представляете, каково вам будет слушать эту фразу на экзамене из уст буквально каждого студента?»

«...Сейчас в эпоху романтизма нас будут интересовать ... прежде всего симптомы внутреннего кризиса романтического антропоцентризма», — говорит в одной из лекций Карельский [Карельский 2007: 253]. Романтический антропоцентризм — вот фокус его интереса. Антропоцентризм, интерес к творцу как к человеку способствовал не только глубокому пониманию творчества, но и уважению и сочувствию по отношению к хрупкой и незащищенной душе и к хрупкой лире. «Обращало на себя внимание то, — вспоминает Ботникова, — с какой тщательностью лектор стремится понять и почувствовать каждого художника изнутри, не с высоты современного понимания вещей, а встав на его точку зрения, с позиций его времени. В размышлениях лектора сплетались аксиология и поэтика, личная судьба художника, место в литературном процессе и особенности творческой манеры, и все это подавалось с каким-то удивительным сочувствием, как будто речь идет не о людях, живших почти два столетия тому назад, а о близких знакомцах говорящего» [Ботникова 2018: 74]. А вот философские штудии и теоретические построения ранних романтиков его не особенно интересовали, он никогда подробно не останавливался на их натурфилософии или утопии о грядущем Золотом веке. И именно в движении «от героя к человеку» (курсив мой. — И.П.) он видел важнейший вектор развития литературы середины XIX в.

Среди переводов А.В. Карельского много поэтических. Но мало кто знал, что он и сам был поэтом. И совсем уж никому — кроме, возможно, семьи — не было известно, что незадолго до смерти он написал несколько стихотворений на немецком языке. Завершу эту дань памяти Учителю строфой одного из последних, *Bei der Kartause in Aggsbach an der Donau im Dezember 1989* (перевод А.Б. Базилевского):

Надо помедлить: так краток отмеренный срок,
Время прозрачным эфиром стекает по склону.
Только секунду еще — шаг стиха отрешенный —
Вот мы уже и исчезли, пропав за горой.

[Непропавшее эхо 2018: 16]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботникова А.Б. Немецкий Орфей // Непропавшее эхо. Воспоминания, статьи, письма: Памяти Альберта Викторовича Карельского / Сост. И.Ю. Поповой. М., 2018. С. 61–65.
2. Карабегова Е.В. Воспоминания об учителе // Непропавшее эхо. Воспоминания, статьи, письма: Памяти Альберта Викторовича Карельского / Сост. И.Ю. Поповой. М., 2018. С. 69–70.
3. Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. М., 1992.
4. Карельский А.В. Немецкий Орфей: Беседы по истории западной литературы. Выпуск 3 / Сост. А.Б. Ботниковой, О.Б. Вайнштейн. М., 2007.
5. Непропавшее эхо. Воспоминания, статьи, письма: Памяти Альберта Викторовича Карельского / Сост. И.Ю. Поповой. М., 2018.

REFERENCES

1. Botnikova A.B. Nemetskii Orfei [The German Orpheus]. *Nepropavshee ekho. Vospominaniia, stat'i, pis'ma: Pamiati Al'berta Viktorovicha Karel'skogo* [The Unlost Echo. Memoirs, articles, letters. In memoriam Albert V. Karelsky] / Compiled by I. Yu. Popova. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2018. P. 61–65. (In Russ.)
2. Karabegova E.V. *Vospominaniia ob uchitele* [Memoirs of the Teacher]. *Nepropavshee ekho. Vospominaniia, stat'i, pis'ma: Pamiati Al'berta Viktorovicha Karel'skogo* [The Unlost Echo. Memoirs, Articles, Letters. In Memoriam Albert V. Karelsky] / Compiled by I.Yu. Popova. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2018. P. 69–70. (In Russ.)
3. Karelsky A.V. *Drama nemetskogo romantizma* [German Romantic Drama]. Moscow, Medium Publ., 1992. 335 p. (In Russ.)
4. Karelsky A.V. *Nemetskii Orfei: Besedy po istorii zapadnoi literatury* [The German Orpheus: Discourses on the History of Western Literatures]. Vol. 3. / Compiled by A.B. Botnikova, O.B. Vanshtein. Moscow, RGGU Publ., 2007. 619 p. (In Russ.)
5. *Nepropavshee ekho. Vospominaniia, stat'i, pis'ma: Pamiati Al'berta Viktorovicha Karel'skogo* [The Unlost Echo. Memoirs, Articles, Letters. In Memoriam Albert V. Karelsky] / Compiled by I.Yu. Popova. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2018. 240 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.11.2022,
принята к публикации 22.11.2022,
отредактирована 22.11.2022

Received 01.11.2022,
accepted 22.11.2022,
revised 22.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Попова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; irapo@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Popova — PhD, Associate Professor, Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; irapo@mail.ru

ЕЛЕНА ЗАХАРОВНА ЦЫБЕНКО (1923–2011)

А.Г. Шешкен

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; asheshken@yandex.ru

Аннотация: Заметка посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого, основоположника научной школы литературоведческой полонистики, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Елены Захаровны Цыбенко.

Ключевые слова: польская литература; компаративистика; зарубежная русистика; юбилей; Е.З. Цыбенко

doi: 10.5959/MSU0130-0075-9-2023-1-234-240

Для цитирования: Шешкен А.Г. Елена Захаровна Цыбенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 234–240.

ELENA TSYBENKO (1923–2011)

Alla Sheshken

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; asheshken@yandex.ru

Abstract: The note is dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding Russian scientist, the founder of literary studies polonistics school, Professor of the Department of Slavic Philology (Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University), Elena Zakharovna Tsybenko.

Key words: Polish literature; comparative studies; foreign Russian studies; anniversary; E.Z. Tsybenko

For citation: Sheshken A.G. (2023) Elena Tsybenko (1923–2011). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1, pp. 234–240.

В этом году исполняется сто лет со дня рождения выдающегося российского слависта, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Елены Захаровны Цыбенко, известного полониста и компаративиста, популяризатора польской литературы. Елена Захаровна была ярким человеком, принадлежавшим к числу тех подвижников, которым выпала историческая миссия возрождения отечественной славистики. Это научное направление было в середине 1930-х гг. фактически уничтожено: большинство ученых пало жертвами сталинских

репрессий в результате печально известного «дела славистов». Во время войны с фашизмом, в которую включились и славянские народы, обнаружилась потребность в кадрах, и кадры начали готовиться практически с нуля на восстановленной в 1943 г. в составе филологического факультета кафедре славянской филологии. Елена Захаровна была в числе первых послевоенных выпускников кафедры (закончила факультет в 1945 г.), и ее жизненный путь — это путь возрождения, становления и развития российской славистики второй половины XX века. Е.З. Цыбенко стала одним из первых аспирантов кафедры славянской филологии нашего факультета. Как и многие отечественные слависты первого поколения, она начинала учиться на русском отделении. Перед войной, в 1940 г., она поступила на русское отделение Ленинградского университета (родилась Елена Захаровна 2 января 1923 г. в Царском Селе, что мистическим образом повлияло на выбор профессии), затем в эвакуации в 1942–1943 гг. училась в Свердловском университете, а в 1943 г. стала студенткой кафедры славянской филологии МГУ и начала изучать польский язык и литературу. Потом были годы учебы в аспирантуре (1945–1948) и начало преподавательской деятельности на филологическом факультете (1948). После защиты кандидатской диссертации «Реализм в творчестве Болеслава Пруса» (1951) Елена Захаровна была избрана доцентом, а после защиты докторской диссертации («Польский социальный роман 40–70-х годов XIX в.», 1969) — профессором кафедры славянской филологии. В 1973 г. она удостоена звания заслуженного профессора Московского университета. В эти годы она также отдавала много времени и сил организационной научной работе: заведовала кафедрой славянских литератур (1952–1964), после слияния литературоведческой и лингвистической кафедр руководила литературоведческой секцией кафедры славянской филологии (1972–2001).

Е.З. Цыбенко проработала на филологическом факультете более шестидесяти лет. За это время она (на новом этапе развития славистики) заложила основы изучения и преподавания польской литературы в нашей стране, создала мощную научную школу, воспитала несколько поколений исследователей, получивших признание в мире. Например, таких, как известный специалист и популяризатор творчества Адама Мицкевича в нашей стране Б.Ф. Стахеев (1924–1993), выдающийся ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.А. Хорев (1932–2012), литературовед, музыковед, критик и телеведущий Святослав Бэлза (1942–2014) и многие другие. Можно сказать, что большинство филологов старшего и среднего поколения кафедры славянской филологии МГУ и нынешних сотрудников Института славяноведения РАН в той или иной степени

прошли школу Елены Захаровны. Как те, кто специализировался по польской литературе, слушал ее лекции, посещал спецкурсы и спецсеминары, писал под ее руководством курсовые и дипломные работы, так и те, кто изучал другие языки, но слушал лекции по польской литературе. Елена Захаровна читала все курсы истории польской литературы, от ее истоков до новейшего периода, и была универсальным специалистом и безусловным авторитетом в области польской культуры. И не только. Она обладала широкими познаниями в области всех славянских литератур (в частности, руководила аспирантами, которые писали работы по сербской и македонской литературам). В основу ее лекций, как и всех форм работы со студентами и аспирантами, был положен богатейший фактический материал, четко систематизированный и концептуально изложенный (например, уникальный по содержанию спецкурс «Взаимосвязи литератур западных и южных славян с русской литературой. Польско-русские литературные контакты» читался для студентов и аспирантов кафедры теории литературы, специализирующихся в области сравнительного литературоведения). Учебники и учебные пособия, главы в академической «Истории польской литературы» (в двух томах, 1968–1969), подготовленной вместе с учениками, к тому времени авторитетными учеными Института славяноведения (тогда Институт славяноведения и балканистики АН СССР) — все это были издания, свидетельствующие о результатах как научной, так и педагогической деятельности. Не только отечественная литературоведческая полонистика второй половины XX века была фактически сформирована Еленой Захаровной. Ей своим развитием обязана также полонистика Белоруссии, Литвы, Грузии, где трудились в разные годы ее выпускники. Для этого Елена Захаровна не жалела сил и регулярно выступала с лекциями в разных университетах.

Не только полонисты, но и другие студенты и аспиранты кафедры славянской филологии чувствовали на себе бдительное око и заботу профессора Цыбенко, которая любила и умела работать с молодежью, оставаясь при этом требовательным педагогом. В ней сочетались взыскательность и уважительное отношение к личности каждого. Она умела добиваться от молодых коллег нужного качества во всем, не боясь поручать им ответственное дело. По многу раз читала и правила тексты, пока не оставалась удовлетворена их уровнем, заставляя и студента, и аспиранта на практике осознать, что в научной работе не бывает мелочей и что каждый научный жанр имеет свою специфику.

Как исследователь Е.З. Цыбенко уделяла первостепенное внимание классикам польской литературы: Адаму Мицкевичу, Генрику

Сенкевичу, Болеславу Прусу, Элизе Ожешко, Владиславу Реймонту, а также современным авторам, определившим пути развития польской прозы. Она внимательно следила за новейшими явлениями литературы, тенденциями литературной критики и литературоведения и, обладая глубокими и фундаментальными знаниями, умела чутко и тонко улавливать новое и выделять наиболее художественно ценное. В богатом инструментарии современного литературоведения она умела находить ключ к пониманию сложных и противоречивых явлений. Человек своей эпохи, когда на первый план при оценке литературных произведений зачастую выдвигался идеологический и социологический критерий, она, обладая художественным вкусом, не ограничивалась в своих суждениях этими поверхностными оценками и считала, что художественное качество не должно отодвигаться на второй план. Именно поэтому сама в первую очередь обращалась к анализу шедевров польской литературы. Не боялась спорить и умела отстаивать то, что считала правильным, и, если требовалось, вступала в борьбу с ортодоксальностью мышления, защищая и поддерживая своим авторитетом молодежь. Новое всегда привлекало ее. Она одной из первых в нашей стране начала изучать литературу русской эмиграции в Польше 1920–1930-х гг., стала руководителем диссертации О.В. Розинской, посвященной этой теме и успешно защищенной в 2000 г.

Исследовательские интересы проф. Цыбенко не ограничивались польской литературой при всем богатстве этого явления. В сферу научных интересов Елены Захаровны входило изучение польско-русских и русско-славянских литературных связей. Отечественная компаративистика в 1960–1970-е гг. находилась на подъеме, многие ученые понимали преимущества этой методологии и стали пользоваться теми возможностями, которые давало это направление. В том числе потому, что сравнительно-историческое литературоведение помогало глубже понять неповторимость и уникальность и национальной литературы, и ее классиков, в то же время исследовать их в контексте мировой литературы. Елена Захаровна раскрывала в своих трудах ценность литературного взаимодействия, доказывала на конкретном русско-польском материале, что художественный перевод, контакты между литературами, творческий диалог между классиками русской и польской литератур служили их взаимному обогащению. Это основной пафос ее многочисленных статей о восприятии польскими писателями и критиками произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, а также работ «Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв.» (1978), «Особенности польской и русской романтической прозы 30–40-х годов XIX века (к проблеме героя и принципов изображения)» (1973),

«Тургенев и польская литература» (1978), как и исследований о рецепции в России классиков польской литературы от А. Мицкевича до Ст. Пшибышевского. Эти работы позволили Е.З. Цыбенко сделать глубокие наблюдения о национальных особенностях романтизма и реализма, как и о поисках художественной литературы на рубеже XIX–XX вв., когда русская литература проявляла глубокий и систематический интерес к произведениям польских авторов. Первой в отечественной науке она стала изучать импульсы польской литературы в произведениях Андрея Белого, Валерия Брюсова, Алексея Толстого, Михаила Булгакова и показала, что польская литература стала в восприятии русских авторов неотъемлемой частью мировой литературы.

Елена Захаровна видела в компаративистике огромные возможности и внесла свой личный вклад в расширение ее исследовательского спектра, в частности, такой области, как зарубежная русистика. Елена Захаровна была инициатором (вместе с зав. каф. русского языка проф. К.В. Горшковой) создания научно-исследовательского подразделения факультета «Русский язык и литература в современном мире» (1978), призванного систематизировать и обобщить большой и интересный опыт изучения русского языка и литературы за рубежом. После реорганизации подразделения проф. Е.З. Цыбенко возглавила самостоятельную научно-исследовательскую лабораторию «Русская литература в современном мире» (1992–1999). Лаборатория установила широкие контакты с центрами изучения и преподавания русского языка и литературы, приступила к формированию картотеки зарубежной русистики, анализу основных научных направлений. Началось осмысление формирования и развития научных школ зарубежной литературоведческой русистики и трудов их представителей. Под руководством Елены Захаровны были подготовлены библиографии, сборники статей и учебные пособия, в том числе получившее широкий отклик пособие «Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х гг.» (1994), а также подготовлены и защищены диссертации. В начале 1990-х гг. проблематика работ лаборатории расширилась за счет изучения литературы русской эмиграции, что в очередной раз продемонстрировало готовность Елены Захаровны как руководителя откликаться на актуальные запросы времени и потребности отечественной науки. В настоящее время лаборатория продолжает работу в области тех направлений, изучение которых было начато под руководством проф. Е.З. Цыбенко.

Уделяя основное внимание науке и преподаванию, проф. Цыбенко внесла большой личный вклад также в издание и популяризацию польской литературы в нашей стране. Из многочисленных переводов

польских авторов, опубликованных с предисловиями или послесловиями Елены Захаровны, следует упомянуть полюбившиеся нашему читателю романы Б. Пруса «Кукла» и «Фараон» и отдельно сказать, что она была составителем изданных на русском языке собраний сочинений Б. Пруса и Э. Ожешко. В 1980-е годы при непосредственном участии Елены Захаровны было издано собрание сочинений в девяти томах первого польского писателя — нобелевского лауреата Генрика Сенкевича (она была членом редколлегии издания и автором комментариев к роману «Без догмата»). Она входила в состав редколлегии пятнадцатитомной «Библиотеки польской литературы», издававшейся в 1973–1979 гг.

За изучение и популяризацию польской литературы и культуры в России Елена Захаровна была удостоена правительственных наград Польши: Кавалерского креста ордена Возрождения Польши (1974) и Командорского креста со звездой ордена Заслуг перед Республикой Польша (1998), а также высокого признания научного сообщества — почетной медали Варшавского университета (2003). Общество «Польша — Восток» вручило ей медаль «Мицкевич — Пушкин». Литературное общество им. Генрика Сенкевича избрало Елену Захаровну своим почетным членом (1987).

Проф. Цыбенко всю свою жизнь по-настоящему служила факультету. Многие годы она состояла в составе редколлегии филологической серии «Вестника Московского университета». В последние годы была ответственной за рубрику рецензий, следила, чтобы труды наших коллег регулярно освещались, как и наиболее ценные работы зарубежных ученых. Елена Захаровны блестяще проявила себя и как организатор многочисленных международных конференций, симпозиумов и конгрессов, проводимых на филологическом факультете.

В памяти коллег Елена Захаровна осталась светлым и на редкость гармоничным человеком. Чрезмерная занятость не мешала ей находить время для того, чтобы всегда элегантно и безукоризненно выглядеть, о чем ходили легенды. Рассказывали, что у нее была своя очень хорошая портниха, а во время ее болезни парикмахер приходил к ней даже в больницу.

Пример Елены Захаровны показывает, что исследование славянских литератур всегда было непростым делом, как и воспитание высококлассных специалистов требовало и требует полной отдачи от педагогов, но ее светлый облик, сохраненный в нашей памяти, помогает находить решения в самых сложных ситуациях. Дело, которому отдала жизнь проф. Цыбенко, продолжают ее многочисленные ученики.

Поступила в редакцию 29.09.2022;
принята к публикации 28.11.2022;
отредактирована 11.12.2022

Received 29.10.2022;
accepted 28.11.2022;
revised 11.12.2022

ОБ АВТОРЕ

Алла Геннадьевна Шешкен — профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Sheshken — Professor of the Department of Slavistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; asheshken@yandex.ru

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-1588

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2023. № 1. 1–240.